

ISSN 2500-3216

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные
науки

№ 2

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2023

Редакционная коллегия

И. Н. Тарасов, д-р полит. наук, проф., БФУ им. И. Канта (главный редактор);
Г. В. Кретинин, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
А. А. Вишневецкий, д-р юр. наук, проф., НИУ «Высшая школа экономики»;
Т. С. Волчецкая, д-р юр. наук, проф., БФУ им. И. Канта; *А. А. Давиденко*,
канд. ист. наук, доц., БФУ им. И. Канта (ответственный редактор);
А. А. Демичев, д-р юр. наук, проф., Нижегородская академия МВД РФ;
О. И. Зазнаев, д-р юр. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный
университет; *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф., НИУ «Высшая школа
экономики»; *В. Г. Кикнадзе*, д-р ист. наук, советник, Российская академия
ракетных и артиллерийских наук; *Ю. В. Костяшов*, д-р ист. наук, проф.,
БФУ им. И. Канта; *А. В. Куликов*, д-р юр. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
Л. Е. Лаптева, д-р юр. наук, проф., РАНХиГС при Президенте РФ;
И. А. Макаренко, д-р юр. наук, проф., Башкирский государственный университет;
С. М. Маркедонов, канд. ист. наук, доц., МГИМО; *А. О. Машовец*, д-р юр. наук,
проф., Уральский государственный юридический университет
им. В. Ф. Яковлева; *С. Ф. Милуков*, д-р юр. наук, проф., Российский
государственный университет им. А. И. Герцена; *А. В. Поляков*, д-р юр. наук,
проф., Санкт-Петербургский государственный университет; *О. В. Попова*,
д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет;
Е. Р. Россинская, д-р юр. наук, проф., Московская государственная юридическая
академия им. О. Е. Кутафина; *Н. П. Танышина*, д-р ист. наук, проф., РАНХиГС
при Президенте РФ; *А. Н. Учаев*, д-р ист. наук, проф., Саратовский
государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина

Учредитель

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Редакция

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Издатель

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Типография

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-65006 от 4 марта 2016 г.

Тираж 300 экз.

Дата выхода в свет 31.08.2023 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право

<i>Берездовец М.С.</i> К вопросу о вреде, причиненном незаконной предпринимательской деятельностью	5
<i>Меженина Е.В.</i> Возбуждение уголовных дел о преступлениях в сфере экономики	14
<i>Богомолова А.Г., Кот Е.А.</i> Криминалистические аспекты кибербуллинга как формы деструктивного поведения в сети Интернет	25
<i>Усенко С.П.</i> Соотношение понятий института и субинститута в уголовном праве	33

История. Исторические науки

<i>Кретинин Г.В.</i> Российские военные инженеры в прусской кампании 1757 – 1762 годов	44
<i>Костяшов Ю.В.</i> Борьба сербов в Австрии против унии в XVIII веке	53
<i>Жиркова М.А., Капустина О.В.</i> «В недрах Наркомпроса заявление мое потерялось»: прошения и ходатайства о персональном пенсионном обеспечении В.Г. Успенской – дочери Г.И. Успенского	64

Общество и политика

<i>Тарасов И.Н., Кель Е.С.</i> Праворадикальные идеологемы в политике южноамериканских государств	80
<i>Большаков А.Г., Храмова Е.В.</i> Политическая коммуникация в период международных бифуркаций	96

Рецензии

<i>Коршук Е.В.</i> Рец.: Плотникова И. Кросс-культурный калькулятор: как вычислять ценности и потребности клиентов по всему миру. М.: Издательские решения, 2022. 305 с.	105
---	-----

CONTENTS

State and law

<i>Berezdovets M. S.</i> Revisiting harm caused by illegal entrepreneurial activities....	5
<i>Mezhenina E. V.</i> Institution of criminal proceedings for economic offences.....	14
<i>Bogomolova A. G., Kot E. A.</i> Forensic aspects of cyberbullying as a form of destructive behavior on the Internet.....	25
<i>Usenko S. P.</i> Correlation between the concepts of institution and sub-institution in criminal law	33

History. Historical sciences

<i>Kretinin G. V.</i> Russian military engineers in the Prussian campaign of 1757–1762.....	44
<i>Kostyashov Yu. V.</i> Struggle of the Serbs in Austria against the union with the Catholic Church in the 18 th century	53
<i>Zhirkova M. A., Kapustina O. V.</i> “My statement was lost in the depths of the People's Commissariat of Education”: petitions and intercessions for personal pension provision of Vera Uspenskaya, the daughter of Gleb Uspensky	64

Society and politics

<i>Tarasov I. N., Kel' E. S.</i> Right-wing radical ideologems in the politics of South American states	80
<i>Bolshakov A. G., Khramova E. V.</i> Political communication in the period of international bifurcations.....	96

Reviews

<i>Korshuk E. V.</i> Rev.: Plotnikova I. Kross-kul'turny`j kal`kulyator: kak vy`chislyat` cennosti i potrebnosti klientov po vsemu miru. Moscow : Izdatel'skie resheniya, 2022. 305 s.	105
---	-----

М. С. Берездовец

**К ВОПРОСУ О ВРЕДЕ, ПРИЧИНЕННОМ НЕЗАКОННОЙ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ**

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
Поступила в редакцию 13.02.2023 г.
Принята к публикации 03.04.2023 г.
doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-1

5

Для цитирования: Берездовец М.С. К вопросу о вреде, причиненном незаконной предпринимательской деятельностью // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №2. С. 5–13. doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-1.

В Российской Федерации каждому гарантируется право свободно использовать свои имущество и способности для осуществления предпринимательской деятельности. Государство принимает меры, направленные как на стимулирование населения к занятию предпринимательством, так и на создание максимально комфортных условий его осуществления. Однако предоставление предпринимателям широких возможностей для реализации их намерений, к сожалению, не только породило такое явление, как незаконное предпринимательство, которое становится сдерживающим фактором дальнейшего развития рыночных отношений, но и повлияло на рост количества преступлений экономической направленности. Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что органы предварительного следствия испытывают значительные трудности при определении размера ущерба, причиненного рассматриваемым преступлением. В качестве методологической основы исследования использованы диалектико-материалистический метод научного познания, анализ, синтез и статистический метод. Цель научного исследования состоит в прояснении сущности таких понятий, как размер полученного дохода от незаконного предпринимательства и причиненный при этом ущерб. Достижение указанной цели обусловило необходимость рассмотрения различных трактовок дохода от преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ. В рамках исследования предложена классификация ущерба от незаконного предпринимательства в зависимости от субъектов, которым он может быть причинен, а также проанализирована необходимость включения в состав вреда от рассматриваемого преступления упущенной выгоды пострадавших лиц.

Ключевые слова: незаконное предпринимательство, вред, ущерб, доход, прибыль, упущенная выгода

Одним из обязательных элементов государственного суверенитета является экономическая защищенность страны в целом и ее финансово-хозяйственной сферы в частности. Поэтому не вызывает сомнений

тот факт, что экономическая преступность негативно влияет на уровень благосостояния государства, представляет собой проявление теневой предпринимательской деятельности хозяйствующих субъектов, наносящей существенный вред обществу.

Учитывая современные реалии, в 2022 г. вполне закономерно отмечался рост проблем экономического характера, который, как правило, приводит к росту социального напряжения. В этой связи следует согласиться с В.Д. Ивановой относительно того, что сложности в рассматриваемой сфере обусловлены не только политическими аспектами, но и деятельностью лиц, нарушающих закон [3, с. 43].

Анализ статистических данных о преступности в России за 2020–2022 гг. свидетельствует о том, что количество преступлений экономической направленности остается на высоком уровне. Так, в 2020 г. правоохранительными органами выявлено 105,5 тыс. таких преступлений, что на 0,5 % больше аналогичного показателя предыдущего года [14, с. 3]. В 2021 г. количество выявленных преступлений увеличилось на 11,6 % [15, с. 3], в 2022 г. отмечается незначительный спад – на 5,3 % [16, с. 3]. Материальный ущерб от рассматриваемой группы преступлений в 2020 г. составил 339,5 млрд руб., в 2021 г. – 641,9 млрд руб., в 2022 г. – 339,1 млрд руб.

Незаконное предпринимательство относится к числу весьма распространенных деяний, и противодействие этому преступлению является одним из приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов России. Значительная доля предпринимателей стремится уйти из легального бизнеса «в тень» или изначально вести свою деятельность незаконно с целью уклонения как от установленного государством порядка осуществления предпринимательской деятельности, так и от уплаты налогов, что ведет к причинению вреда интересам общества и государства.

С учетом этого при расследовании такого рода преступлений наряду с иными обстоятельствами, входящими в предмет доказывания, установлению подлежит вред, причиненный в результате противоправных действий виновного. Однако результаты изучения судебной следственной практики позволяют сделать вывод, что следственные органы испытывают значительные затруднения в этом. Такой вывод подтверждает Я.Ю. Егоров, согласно которому уголовные дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, в большинстве случаев возбуждаются в связи с установлением органами предварительного следствия такого признака, как извлечение дохода в крупном размере, а не причинение крупного ущерба [2, с. 85].

Обязательным условием привлечения лица к ответственности за рассматриваемое преступление является причинение крупного ущерба гражданам, организациям или государству либо извлечение дохода в крупном размере. Вместе с тем вопрос определения дохода применительно к незаконному предпринимательству остается дискуссионным.

После вступления в силу в 1996 г. Уголовного кодекса РФ доход от незаконного предпринимательства в судебной следственной практике

определялся исходя из всего объема полученной выручки от экономической деятельности злоумышленника, при этом затраты на осуществление такой деятельности в состав дохода не включались [13, с. 173]. Однако правовая позиция Президиума Верховного Суда РФ, выраженная в постановлении от 25.11.1998 г. по делу Кондратьевой, изменила сложившееся понимание: в результате доход от незаконного предпринимательства следовало определять исходя из суммы прибыли, полученной от совершенных хозяйственных операций, вне зависимости от размера понесенных расходов [8].

С такой трактовкой дохода, полученного от незаконного предпринимательства, трудно согласиться, поскольку доход и прибыль — это не тождественные экономические понятия. Прибыль, являющуюся экономической категорией, определяется как величина, на которую извлеченный доход превышает понесенные на осуществление хозяйственной деятельности затраты. В то же время доход представляет собой материальные ценности или экономические блага, получаемые хозяйствующим субъектом в связи с осуществлением экономической деятельности. Кроме того, Гражданский кодекс РФ определяет целью осуществления предпринимательской деятельности не извлечение дохода, а получение прибыли.

Представляется, что использовать понятие «прибыль» в уголовном законе нецелесообразно, так как лица, совершающие экономические преступления, предпринимают значительные усилия для того, чтобы утаить от органов государственной власти свою деятельность, что существенно затрудняет, а в некоторых случаях делает невозможным установление размера полученной ими прибыли. При таком понимании дохода от незаконного предпринимательства в том случае, когда недобросовестный предприниматель отражает в отчетной документации сумму выручки, равную или не превышающую понесенные на осуществление хозяйственных операций затраты, оснований для его привлечения к установленной законом ответственности не будет. Поэтому использовать понятие «прибыль» для определения вреда от незаконного предпринимательства нерационально.

Под влиянием критики рассмотренного выше подхода к определению понятия «доход от незаконной предпринимательской деятельности» позиция высшей судебной инстанции изменилась. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 г. №23, под доходом судам надлежит понимать выручку от реализации товаров, работ или услуг за период осуществления незаконной предпринимательской деятельности. Расходы на осуществление такой деятельности являются составной частью дохода [9].

Заметим, что размер крупного ущерба и дохода в крупном размере определен в примечании к ст. 170.2 УК РФ. Так, крупным ущербом и доходом в крупном размере признается ущерб или доход, сумма которого превышает 2,25 млн рублей, а особо крупным — 9 млн рублей.

Стоит отметить, что в научном сообществе нет единого мнения относительно того, каким образом следует определять ущерб от незакон-

ного предпринимательства. Отдельные ученые полагают, что законодатель не предусмотрел четких критериев для определения ущерба от рассматриваемого преступления, о чем свидетельствует достаточно редкое применение ст. 171 УК РФ [5, с. 20]. Анализ судебно-следственной практики подтверждает это суждение: уголовные дела по рассматриваемым преступлениям возбуждаются в подавляющем большинстве случаев не в связи с причинением крупного ущерба, а при установлении дохода, извлеченного в крупном размере.

На наш взгляд, уголовный закон не содержит положений, отвечающих на важные для правоприменителей вопросы: какие негативные последствия от незаконного предпринимательства следует относить к ущербу; какими критериями следует руководствоваться органам предварительного расследования при установлении крупного ущерба; является ли упущенная выгода потерпевших составной частью ущерба от рассматриваемого преступления.

К сожалению, и в юридической литературе, эти вопросы до настоящего времени не получили однозначного ответа. Так, Я.Ю. Егоров отождествляет ущерб от рассматриваемого преступления с величиной неуплаченных налоговых платежей [2, с. 85]. В свою очередь, В.К. Лукин и Д.В. Петров придерживаются мнения, что ущерб от преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, надлежит определять исходя из объекта посягательства злоумышленника, которым является установленный законом порядок осуществления предпринимательской деятельности. Такой ущерб во всех случаях является материальным и выражается в неполучении экономических благ пострадавшими [6, с. 17].

А.А. Эскархопуло считает, что ущерб, причиненный незаконной предпринимательской деятельностью, определяется убытками пострадавшего в результате преступления. Сумма ущерба исчисляется после установления расходов, которые лицо, чье право нарушено, произвело или произведет для восстановления нарушенного права, а также величины неполученных доходов, которые лицо получило бы, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода) [17, с. 46].

Думается, что ущерб от рассматриваемого преступления имеет исключительно материальный характер. В подтверждение можно привести следующие аргументы. Во-первых, в ст. 76.1 УК РФ, определяющей основания освобождения от уголовной ответственности при возмещении ущерба, причиненного бюджетной системе государства, ущерб может быть только материальным. Во-вторых, законодатель в примечании к ст. 170.2 УК РФ определил стоимостную характеристику ущерба от незаконного предпринимательства. В-третьих, анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что суды используют понятие «ущерб» исключительно для описания негативных последствий имущественного характера.

Также в подтверждение вывода о материальном характере понятия «ущерб» можно привести позицию Н.Э. Мартыненко, полагающей, что понятие «ущерб» используется в уголовном законе прежде всего для характеристики имущественного вреда [7, с. 108].

На наш взгляд, ущерб от незаконного предпринимательства можно классифицировать в зависимости от субъекта, которому он может быть причинен. Так, ущерб, причиняемый рассматриваемым преступлением государству, можно рассматривать с позиции неуплаты налоговых платежей. Действиями недобросовестных предпринимателей причиняется вред экономической сфере при формировании государственным органом бюджета от налоговых поступлений на очередной финансовый год. Стоит отметить, что уголовная ответственность за такие деяния предусмотрена в иных статьях уголовного закона и выходит за рамки ст. 171 УК РФ.

Юридическим и физическим лицам может быть причинен вред, который выражается в фактической утрате материальных средств, измеряемых в денежном выражении. К подобному ущербу можно отнести повреждение или утрату потерпевшим имущества и расходы, которые придется понести для восстановления такого имущества. Так, правоприменительной практике известны случаи, когда незарегистрированные хозяйствующие субъекты заключали договоры о строительстве различных объектов. Ввиду нарушения сроков строительства отдельные виды наружных работ (например, возведение крыши, покрытие крыши кровлей) производились в более позднее (как правило, осеннее или зимнее) время. В результате возведенным объектам причинялся вред (они отсыревали), без устранения последствий которого дальнейшее строительство было невозможно.

Физическим лицам ущерб может быть причинен в виде вреда, образуемого вследствие рецептурных или конструктивных и иных недостатков приобретенного товара (выполненных работ, оказанных услуг), а также в связи с предоставлением недостаточной или неверной информации о товаре (работах, услугах). Также незаконным предпринимательством может быть причинен вред жизни и здоровью человека, однако в таком случае квалификация последствий будет осуществляться по иным статьям Уголовного кодекса РФ.

Не менее проблематичен вопрос о признании упущенной выгоды составной частью ущерба от незаконного предпринимательства, вследствие этого до настоящего времени и он остается дискуссионным. Так, И. А. Клепицкий полагает, что при установлении ущерба от рассматриваемого преступления необходимо учитывать упущенную выгоду потерпевших [4, с. 146]. В свою очередь М. А. Агафонова считает, что установление упущенной выгоды при расследовании преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, представляется нецелесообразным, поскольку упущенная выгода в любом случае носит вероятностный характер и исходя из положений уголовно-процессуального закона о конкретности предъявленного обвиняемому обвинения не может являться обязательной составляющей ущерба [1, с. 65].

Представляется возможным согласиться с этой позицией в связи с тем, что «упущенная выгода» является прежде всего гражданско-правовым понятием и входит в состав более широкого понятия «убытки». В соответствии со ст. 15 ГК РФ, упущенная выгода определяется как не-

полученные доходы, которые лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено. Таким образом, величина упущенной выгоды с позиции уголовно-процессуального права в каждом конкретном случае будет являться предположительной, для установления которой необходимо учитывать множество условий, а также специфические особенности экономической сферы, в которой совершено преступление. Упущенная выгода представляет собой возможное (мыслимое) изменение имущественной сферы потерпевшего, которое предполагалось при обычных обстоятельствах.

В подтверждение вывода о сложности установления упущенной выгоды при расследовании незаконного предпринимательства можно привести пример из судебной практики.

Б. признан виновным в осуществлении предпринимательской деятельности без регистрации и лицензии с извлечением дохода в крупном размере. Судом установлено, что он без регистрации в налоговом органе и при отсутствии лицензии осуществлял предпринимательскую деятельность по реализации сжиженного газа на арендованной им автогазозаправочной станции, в результате чего извлек доход в крупном размере [12].

Попробуем предположить два факта, во-первых, что Б. извлек доход, размер которого ниже установленного законом в примечании к ст. 170.2 УК РФ; во-вторых, что в правоохранительные органы обратился пострадавший добросовестный предприниматель, занимающийся реализацией сжиженного газа, из-за того, что действиями Б. ему причинен крупный ущерб в виде упущенной выгоды, поскольку объем продаж сжиженного газа на его автогазозаправочной станции, находящейся в том же районе, существенно снизился по сравнению с прошлым годом. При таких обстоятельствах следовало было необходимо установить величину убытков, понесенных заявителем, для чего следовало установить множество обстоятельств, к которым относятся следующие: в связи с чем автомобилисты заправлялись сжиженным газом именно у Б.; мог ли заявитель удовлетворить имеющуюся потребность в топливе автомобилистов того района; каков размер денежных средств, которые получил бы заявитель, если бы Б. не осуществлял свою деятельность; каково среднее количество автомобилистов, заправляющихся сжиженным газом в рассматриваемой местности.

Думается, что при установлении крупного ущерба, причиненного заявителю действиями Б., такой вывод имел бы предположительный и, следовательно, сомнительный характер. В таком случае утверждение о доказанности вины Б. в осуществлении незаконного предпринимательства, на наш взгляд, было бы неверным.

Представляется обоснованной позиция К.П. Победоносцева, полагавшего, что при расследовании незаконного предпринимательства установление причинно-следственной связи между противоправными действиями злоумышленника и наступившими последствиями в виде упущенной выгоды осложняется множеством обстоятельств, которые носят как объективный, так и субъективный характер. Такие обстоя-

тельства нельзя рассматривать лишь с позиции уголовно-процессуального закона в рамках расследования преступления [10, с. 560]. Кроме того, судебные органы при рассмотрении споров о взыскании сумм упущенной выгоды в каждом случае устанавливают следующее обстоятельство: являлось ли нарушение, допущенное ответчиком, единственной причиной неполучения пострадавшим дохода, на который он рассчитывал [11].

Вышеизложенное позволяет прийти к выводу, что упущенная выгода не является составной частью ущерба при установлении вреда, причиненного незаконным предпринимательством. Лицо, пострадавшее от рассматриваемого преступления, вправе требовать возмещения упущенной выгоды в результате совершения преступления в порядке арбитражного или гражданского судопроизводства. Ущерб от незаконного предпринимательства можно определить, как имущественный вред, причиняемый физическим и юридическим лицам и выражающийся в повреждении или утрате имущества и расходах, необходимых для восстановления такого имущества.

Список литературы

1. Агафонова М.А. Упущенная выгода при незаконном предпринимательстве // Вестник Московского Университета. 2014. №6. С. 60–66.
2. Егоров Я.Ю. Ущерб и доход как общественные последствия незаконного предпринимательства // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. №4. С. 84–88.
3. Иванова В.Д. Преступления в сфере предпринимательской деятельности: общие характеристики и квалификация // In situ. 2022. №9. С. 43–47.
4. Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005.
5. Лукин В.К., Петров Д.В. Незаконное предпринимательство в системе экономических отношений России и особенности его квалификации по признаку общественно опасных последствий // Вестник Академии знаний. 2015. №15 (4). С. 18–23.
6. Лукин В.К., Петров Д.В. Понятие крупного ущерба в уголовно-правовой оценке незаконного предпринимательства // Естественно-гуманитарные исследования. 2016. №3 (13). С. 16–20.
7. Мартыненко Н.Э. Понятие «вред» и «ущерб» и их уголовно-правовая оценка // Труды Академии управления МВД России. 2020. №2 (54). С. 103–109.
8. О некоторых вопросах судебной практики по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. №2. URL: <https://supcourt.ru/files/10039/> (дата обращения: 05.02.2023).
9. О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 №23. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. М., 2003. Ч. 3 : Договоры и обязательства.
11. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 19.01.2022 №05АП-7898/2021 по делу № А51-10648/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Приговор Новолакского районного суда Республики Дагестан от 16 июля 2020 г. по делу №1-53/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://>

novolakskiy--dag.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=117020155&case_uid=7b512d63-ed9d-45f8-a967-e2384d3baed7&delo_id=1540006 (дата обращения: 21.01.2023).

13. Прохоренко Д. В. Доход от незаконной предпринимательской деятельности: проблемы интерпретации // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9. С. 172–175.

14. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2020 года. М., 2020.

15. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2021 года. М., 2021.

16. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2022 года. М., 2022.

17. Эскархонцло А. А. Криминалистическая характеристика незаконного предпринимательства // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 2 (36). С. 42–46.

Об авторе

Максим Сергеевич Берездовец — асп., Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: maximberezdovets@yandex.ru

M. S. Berezdovets

REVISITING HARM CAUSED BY ILLEGAL ENTREPRENEURIAL ACTIVITIES

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office
of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia

Received 13 February 2023

Accepted 3 April 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-1

To cite this article: Berezdovets M.S. 2023, Revisiting harm caused by illegal entrepreneurial activities, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, № 2. P. 5–13. doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-1.

In the Russian Federation, everyone is guaranteed the right to freely use their property and skills to carry out entrepreneurial activities. The State is taking a set of measures aimed at both stimulating the population to engage in entrepreneurship and creating the most comfortable conditions for its implementation. However, providing entrepreneurs with ample opportunities to accomplish their intentions, unfortunately, not only gave rise to such a phenomenon as illegal entrepreneurship, which is a deterrent to the further development of market relations, but also promoted the growth of economic crimes. The analysis of law enforcement practice indicates that the preliminary investigation bodies are experiencing significant difficulties in determining the amount of damage caused by the crime in question. The dialectical-materialistic method of scientific cognition, analysis, synthesis and statistical method are used as the methodological basis of the research. The purpose of the research is to determine the amount of income received and the damage caused by illegal entrepreneurship. The achievement of this goal predetermined the need to consider various approaches to the interpretation of such a concept as "income from a crime under Article 171 of the Criminal Code of the Russian Federation". Within the framework of this study, a classification of

damage from illegal entrepreneurship is proposed, depending on the subjects to whom it may be caused, and the need to include the loss of profits of the affected persons in the composition of the damage from the crime under consideration is analyzed.

Keywords: illegal entrepreneurship, harm, damage, income, profit, lost profit

The author

Maxim S. Berezdovets, PhD Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia.

E-mail: maximberezdovec@yandex.ru

Е. В. Меженина

**ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ
В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ**

Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия

Поступила в редакцию 20.02.2023 г.

Принята к публикации 03.04.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-2

14

Для цитирования: Меженина Е. В. Возбуждение уголовных дел о преступлениях в сфере экономики // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канга. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №2. С. 14–24. doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-2.

В настоящее время нормы закона о возбуждении уголовных дел, объектом посягательства в которых являются отношения в сфере экономики, отличаются противоречивостью. Порядок уголовного преследования этих преступлений также не определен с должной для закона четкостью. Цель научного исследования состоит в выработке оптимального порядка возбуждения данных уголовных дел и определении наиболее подходящего порядка их расследования. При проведении исследования использовались методы компаративистики, анализа и синтеза. С помощью сравнительного метода сопоставлялись нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Уголовного кодекса Российской Федерации о возбуждении уголовных дел в сфере экономики. В частности, сравнивалось содержание ч. 3 ст. 20 УПК РФ и гл. 23 УК РФ. В итоге исследовательской работы предлагается изменить формулировку условия, при котором применяется частно-публичный порядок уголовного преследования преступлений в сфере экономики, сместив акцент с факта причинения вреда на направленность самого деяния (ч. 3 ст. 20, ст. 23 УПК РФ). Кроме того, предлагается включить составы главы 23 УК РФ в перечень дел частно-публичного обвинения с целью выработки единого четкого порядка возбуждения этих дел.

Ключевые слова: экономические преступления, судопроизводство, право, юриспруденция, экономика

Тенденции в развитии современного судопроизводства свидетельствует о выделении экономических, коммерческих правоотношений как объекта, требующего исключительных по характеру способов охраны. В связи с этим форма уголовного преследования за совершение преступления в сфере экономики зависит от объекта посягательства. С 2012 г. законодатель причислил некоторые из них к категории дел частно-публичного обвинения (ч. 3 ст. 20 УПК РФ) [21]. В то же время в ст. 23 УПК РФ особо оговариваются условия возбуждения уголовных дел о коммерческих преступлениях (гл. 23 УК РФ), которые также яв-

ляются экономическими по родовому объекту. И в том, и в другом случае уголовное дело может быть возбуждено по заявлению лица в защиту собственных интересов.

Выбор определенного порядка уголовного преследования подробно рассматривали Л. А. Александрова и Е. Ю. Никифорова [3, с. 25], тем не менее надо отметить различие предписаний ч. 3 ст. 20 и ст. 23 УПК РФ.

Общая характеристика преступлений в сфере экономики с позиции применения уголовно-процессуальных норм о порядке возбуждении уголовного дела

Некоторые экономические преступления отнесены к категории дел частного-публичного обвинения условно — в зависимости от субъекта и цели их совершения [6]. Определяющий субъект преступления в данном случае — индивидуальный предприниматель или член органа управления юридического лица. Его деятельность должна преследовать коммерческие цели и может быть связана с управлением организацией для получения прибыли.

Часть 3 ст. 20 УПК РФ особо отмечает некоторые преступления в сфере экономики (раздел VIII УК РФ). Из направленных против собственности в частно-публичном порядке преследуются все преступления, совершенные путем мошенничества, присвоения или растраты (ст. 160 УК РФ), а также причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ), если они связаны с коммерцией [7, с. 87].

Например, законодатель выделил виды мошенничества, частного-публичный порядок преследования которых определяется наличием условий: специальным субъектом совершения преступления и сферой его деятельности. Квалифицированные виды этого деяния, связанные с предусмотренным заранее неисполнением договорных обязательств (ч. 5—7 ст. 159 УК РФ), предполагают безусловное преследование в частно-публичном порядке, поскольку предпринимательская деятельность связана с коммерческим риском и целью извлечения прибыли (ст. 2, п. 1 ст. 23 ГК РФ), в основе чего лежат договорные отношения.

Остальные составы преступлений, совершенных в экономической сфере и преследуемых в частно-публичном порядке, так же определены в ч. 3 ст. 20 УПК РФ простым закрытым перечнем. Особо среди них выделяется ч. 1 ст. 201 УК РФ — злоупотребление полномочиями в сфере коммерческой деятельности, то есть преступление, видовым объектом которого является коммерческая деятельность, и, соответственно, включенное в отдельную 23 главу УК РФ. В то же время для всех составов, охватываемых этой главой, предусмотрен специальный порядок возбуждения уголовного дела (ст. 23 УПК РФ).

Значение причиненного преступлением вреда

Также должны быть учтены такие обстоятельства, как последствия деяния: причиненный вред определяет порядок уголовного преследования по делам о преступлениях, охватываемых соответствующими со-

ставами. Если в случае применения ч. 3 ст. 20 УПК РФ частно-публичный порядок исключается при причинении вреда государственным или муниципальным интересам (при этом уголовное дело возбуждается в соответствии со ст. 21 УПК РФ), то по ст. 23 УПК РФ дополнительно учитываются ущемленные деянием интересы и права граждан, что также влечет возбуждение уголовного дела в публичном порядке. Исключение составляет причинение гражданину вреда преступлением, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 201 УК РФ. В этом случае уголовное дело возбуждается в частно-публичном порядке, как это предусмотрено ч. 3 ст. 20 УПК РФ.

Таким образом, согласно ст. 23 УПК РФ особое значение при определении порядка возбуждения уголовного дела имеет причиненный деянием вред. Тем не менее глава 23 УК РФ содержит и формальные составы [23, с. 46]. В этой связи представляется интересной ст. 204 УК РФ, предусматривающая наказание за коммерческий подкуп. Согласно п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 г. №24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (далее — постановление Пленума №24) оконченным преступлением считается коммерческий подкуп, если его предмет помещен в условленное место, к которому получатель имеет доступ. Ему вторят пункты 15 и 16: преступление, совершаемое группой лиц, считается оконченным с момента получения вознаграждения хотя бы одним ее участником. В соответствии с п. 24 также квалифицируется получение лицом коммерческого подкупа вне зависимости от готовности совершить обещанное действие (бездействие), соответствующее его полномочиям [17].

В то же время пункт 11 постановления Пленума №24 содержит несколько иной подход к пониманию момента окончания преступления, связанный с конкретизацией предмета подкупа, под которым понимается незаконное оказание услуг имущественного характера. Преступление считается совершенным с начала выполнения действий, непосредственно направленных на приобретение имущественных выгод [17].

Может ли в этом случае наступление вреда являться обязательным элементом преступления? Представляется удачным и обоснованным мнение П. Яни: вред в преступлениях, составы которых принято называть формальными, презюмируется самим фактом совершения деяния [24, с. 36]. Подкупом служащего подрывается авторитет организации, причиняется вред ее деловой репутации, предусмотренный ст. 42 УПК РФ и являющийся фактическим основанием признания юридического лица потерпевшим. Такая позиция примиряет различные подходы уголовного и уголовно-процессуального законодательства к значению причиненного преступлением вреда как признака преступного деяния.

Тем не менее, чтобы избежать противоречий в применении уголовного и уголовно-процессуального законодательства, предлагается заменить формулировку условия применения частно-публичного порядка уголовного преследования — «причинение вреда...» (ч. 3 ст. 20, ст. 23 УПК РФ), на «направленность деяния...».

Особенность повода к возбуждению уголовного дела

Начало уголовного преследования в частно-публичном порядке связано с наличием специального повода — заявления потерпевшего [13]. Неслучайно ч. 3 ст. 20 УПК РФ не предусматривает причинение вреда физическому лицу как обстоятельство, наличие которого необходимо для публичного преследования. В то же время специальным поводом для начала расследования преступлений, ответственность за которые предусмотрена главой 23 УК РФ, служит только заявление «коммерческой или иной организации»¹ либо согласие ее руководителя [9, с. 40].

Согласно приговору Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга, М. и З., используя служебное положение, присваивали вверенные им коммерческим предприятием (ООО) денежные средства и совершали с ними различные сделки для их легализации, то есть совершали преступления, предусмотренные ч. 4 ст. 160 и п. «а», «б» ч. 3 ст. 174.1 УК РФ (уголовное преследование по которой прекращено с применением п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). Осужденные обжаловали решение суда в связи с нарушением уголовно-процессуального закона, поскольку заявление о совершении преступления, поданное ненадлежащим лицом, законным поводом для возбуждения уголовного дела не является. Согласно уставу ООО, заявление о привлечении к уголовной ответственности может быть подано только с согласия органа управления, но он не был поставлен в известность. Не был определен и статус заявителя, обратившегося в правоохранительные органы как генеральный директор организации. В апелляционной жалобе на приговор М. и З. обратили внимание на оспаривание со стороны ООО факта его избрания на эту должность и предоставление им сфальсифицированного протокола общего собрания участников общества в арбитражный суд, вследствие чего в отношении него было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 303 УК РФ. Проверив доводы жалобы, апелляционный суд отменил приговор и прекратил уголовное дело по п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ [4].

Это уголовное дело могло бы быть возбуждено по заявлению потерпевшего — юридического либо физического лица. Однако в случае применения ст. 23 УПК РФ заявление последнего было бы поводом к началу уголовного преследования в публичном порядке. Вред, причиненный деянием гражданину, оговаривается этой статьей как обстоятельство наряду с ущербом, причиненным государственным или муниципальным интересам. Исключением являются случаи привлечения к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 201 УК РФ, когда применяется ч. 3 ст. 20 УПК РФ.

Законодатель не называет составы, объединенные гл. 23 УК РФ, делами частно-публичного обвинения — для их возбуждения не является специальным поводом заявление потерпевшего — физического лица.

¹ Это следует из названия ст. 23 УПК РФ «Привлечение к уголовному преследованию по заявлению коммерческой или иной организации».

Тем не менее акционеры, иные участники коммерческой организации являются одновременно гражданами, чьи права гарантируются не только гражданским законодательством. Вред их интересам может быть причинен деянием опосредованно — как участникам коммерческого объединения.

В связи с этим интерес представляет гражданский иск о притворном договоре, рассмотренный арбитражным судом Калининградской области [19]. Акционером ЗАО «ИНМАР» путем заключения договора мены 49 % акций общества были переданы в собственность Л., не являвшегося его участником. Решением суда этот договор был признан притворным, поскольку им нарушалось преимущественное право покупки ценных бумаг акционерами ЗАО. Как известно, акции — часть капитала компании, инструмент распределения ее прибыли, поэтому распоряжение ими не может не затрагивать интересов вкладчиков. С другой стороны, притворная сделка вполне может быть истолкована как попытка вывести капитал посредством обмана или злоупотребления доверием акционеров — согласно п. 2 ст. 170 ГК РФ она совершается с целью прикрыть другую сделку. В зависимости от обстоятельств такие действия могут свидетельствовать о злоупотреблении полномочиями (ст. 201 УК РФ).

Получается, если в результате совершения деяния, ответственность за которое предусмотрена ст. 201 УК РФ, пострадает гражданин (в том числе — акционер организации), то уголовное дело может быть возбуждено в порядке ч. 3 ст. 20 УПК РФ. Если пострадают интересы юридического лица и заявление будет подано его директором, уголовное дело возбуждается в соответствии со ст. 23 УПК РФ [1, с. 75]. При этом оно не будет относиться к категории частно-публичного обвинения: предполагается возможность начала производства при поступлении любого другого сообщения о преступлении — важно, чтобы было согласие руководителя организации. Тем не менее интересы юридического лица и его участника в большинстве случаев совпадают. При такой двойственности может возникнуть возможность злоупотребления правом: при причинении деянием вреда коммерческой организации и ее акционерам можно применять либо ч. 3 ст. 20, либо ст. 23 УПК РФ, либо гражданское или административное законодательство.

Такое злоупотребление исключается с учетом формы предприятия, при этом может отпасть необходимость наличия специального повода для возбуждения уголовного дела. Соответственно, это имеет значение и для определения порядка уголовного преследования [8, с. 26].

По результатам проверки сообщения о преступлении — постановления прокурора, поступившего в порядке п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, следственным органом было возбуждено уголовное дело в отношении директора МУП «Жизнеобеспечение и благоустройство города». Деяние было квалифицировано по ч. 1 ст. 201 УК РФ, поскольку он, заключив договоры с коммерческими организациями, нанес ущерб предприятию. Постановление о возбуждении уголовного дела было обжаловано его защитником в порядке ст. 125 УПК РФ. В жалобе было обращено

внимание на незаконность решения, поскольку специальный повод для его принятия, указанный в ст. 23 УПК РФ, отсутствовал. Московский городской суд Кемеровской области, рассмотревший жалобу, оставил ее без удовлетворения, придя к выводу, что в результате совершения деяния были ущемлены права работников предприятия, причинен вред муниципальным интересам [5]. Муниципальное унитарное предприятие (МУП) является коммерческой организацией с капиталом, предоставленным ей государством. Соответственно, правом собственности на это имущество и распоряжения прибылью она не обладает [22].

Привлечение к административной ответственности при совершении коммерческих преступлений

19

В иных случаях отсутствие заявления потерпевшего может повлиять на оценку возникших правоотношений как предмета регулирования той или иной отрасли права. Например, содержание диспозиции ч. 1 ст. 180 УК РФ сходно по смыслу с текстом ч. 1 ст. 14.10 КоАП РФ — незаконное использование средств индивидуализации товаров влечет либо уголовную, либо административную ответственность. Признаками объективной стороны преступления в данном случае будет неоднократность или причинение крупного ущерба. Тем не менее декриминализирующим деяние будет и такой уголовно-процессуальный признак, как отсутствие заявления потерпевшего, поскольку преследуется оно в частно-публичном порядке (ч. 3 ст. 20 УПК РФ).

Так, транспортная прокуратура г. Сургута возбудила административное производство по ч. 2 ст. 14.10 КоАП РФ (по факту реализации юридическим лицом контрафактной продукции) после того, как в возбуждении уголовного дела было отказано, поскольку заявления потерпевшего не поступало (ч. 3 ст. 20 УПК РФ) [16]. Безусловно, административная санкция в виде штрафа до 40 тысяч рублей с конфискацией товара не могла не затронуть интересов участников этого коммерческого предприятия, но их позиция имела решающее значение по вопросу применения той или иной отрасли права, а выбор очевиден при условии, что с заявлением об уголовном преследовании не обратится сам владелец товарного знака или иного средства индивидуализации продукта. Если он все-таки решит настаивать на защите нарушенных прав в порядке уголовного судопроизводства, то применению подлежит п. 7 ст. 24.5 КоАП РФ, предусматривающий прекращение административного производства при наличии постановления о возбуждении уголовного дела. Можно утверждать, что в этом случае заявление потерпевшего создает ситуацию открытия новых обстоятельств, криминализирующих деяние.

В связи с этим интересно содержание п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ №24, допускающего применение по одному и тому же факту коммерческого подкупа уголовную (ст. 204 УК РФ) и административную ответственность (ст. 19.28 КоАП РФ) при условии, что

в первом случае будет привлечено физическое лицо, а во втором — юридическое [2, с. 55]. При этом предмет подкупа должен передаваться от имени одной организации, а коррупционные действия совершаться в интересах другой [18]. При соблюдении условий ст. 23 УПК РФ уголовное дело об этом преступлении может быть возбуждено только по заявлению руководителя организации или с его согласия. При отсутствии заявления юридическое лицо понесет административную ответственность, а физическое лицо, совершившее коммерческий подкуп, за свои действия отвечать не будет.

Тем не менее санкции норм КоАП РФ нешуточные: незаконное вознаграждение от имени юридического лица, совершенное в крупном размере, предполагает наложение административного штрафа не менее 20 млн руб. с конфискацией имущества (ч. 2 ст. 19.28 КоАП РФ). То же деяние, совершенное в особо крупном размере, влечет административный штраф не менее 100 млн руб. (ч. 3 ст. 19.28 КоАП РФ) — наказание, которое вполне может привести к дальнейшему банкротству предприятия. Зная это, его руководитель или акционеры добровольно не подадут заявление в правоохранительные органы о привлечении к уголовной ответственности лица, совершившего коммерческий подкуп, являющийся, по сути, незаконным вознаграждением. Физическое лицо, будучи акционером организации, в таком случае фактически понесет двойную ответственность за совершенное деяние, поскольку является ее бенефициаром [15, с. 59].

Можно было бы утверждать, что п. 28 постановления Пленума № 24 противоречит п. 7 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ, перечисляющей, в числе прочих, такое основание для прекращения административного производства, как наличие постановления о возбуждении уголовного дела по факту совершения этого же деяния. Но ст. 19.28 КоАП РФ предполагает привлечение к ответственности юридического лица, к уголовной же ответственности может быть привлечено только физическое. Тем не менее уголовное наказание по ст. 204 УК РФ (по ч. 8 — до 5 млн руб.), совпадая с административным — потеря прибыли, имущества или самого предприятия в случае его банкротства вследствие применения наказания, — фактически становится параллельной ответственностью для физического лица.

Схема одновременного привлечения к разным видам ответственности за деяние физического и юридического лица имеет и другие слабые стороны. Если по уголовному делу вынесен оправдательный приговор, а предприятие, подвергнутое административному штрафу, в связи с этим уже обанкротилось, право на реабилитацию возникнет только у оправданного.

Определение вида уголовного преследования по делам о коммерческих преступлениях

Дифференциация уголовно-процессуальной формы заставляет задуматься, создает ли ст. 23 УПК РФ при всех перечисленных особенностях отдельный порядок производства или коммерческие преступления

можно отнести к делам частно-публичного, а то и частного обвинения? Особый подход к производству по делам о преступлениях, перечисленных в гл. 23 УК РФ, напоминает гражданско-правовой принцип невмешательства государства, предоставляющий коммерческому предприятию полную свободу действий в распоряжении своими средствами, пока эти действия не причинили вреда интересам других организаций, граждан, общества или государства.

С. В. Изосимов относит дела о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях к возбуждаемым в порядке частного обвинения [10, с. 26]. Его точка зрения косвенно подтверждается позицией Пленума Верховного Суда, выраженной в п. 31 постановления № 24 [18], где говорится о возможности уголовного преследования за коммерческий подкуп только при наличии заявления руководителя организации или с его согласия. По смыслу понятие «возбуждение уголовного дела» гораздо уже и конкретнее, охватывает только одну стадию и итоговое ее решение, что и предполагается содержанием ст. 23 УПК РФ.

Уголовное преследование представляет собой систему действий, состоящих в формулировании и обосновании выводов о совершении подозреваемым или обвиняемым преступления [14, с. 25]. В эту систему В. М. Савицкий и А. М. Ларин включают задержание подозреваемого; применение к нему меры пресечения; привлечение лица к участию в деле в качестве обвиняемого; назначение судебно-психиатрической экспертизы; составление обвинительного заключения или постановления о направлении дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера; представление в суд заявления потерпевшего-обвинителя о совершении преступления по делу частного обвинения; обвинительные речи [20, с. 180]. Уголовное преследование прекращается при прекращении уголовного дела или постановлении приговора. Исходя из данного понятия, С. В. Изосимов утверждает, что, поскольку речь идет об уголовном преследовании в целом, волеизъявление пострадавшей стороны будет иметь значение на протяжении всего расследования преступления [11, с. 7]. Если потерпевший станет возражать против дальнейшего производства, то уголовное дело о коммерческом преступлении необходимо будет прекратить. При этом неизбежно возникнет вопрос о процессуальных пределах согласия на привлечение к уголовной ответственности: сначала можно возбудить уголовное дело, а перед, например, привлечением лица в качестве обвиняемого испросить его.

И тем не менее данный случай нельзя относить к категории как частного, так и частно-публичного обвинения. Дело в том, что ст. 23 УПК РФ нельзя отнести к какому-то конкретному составу — под эти положения могут подпадать все статьи гл. 23 УК РФ. Непричинение вреда интересам граждан, общества или государства — это факт, которого может и не быть при совершении деяния. Это — единственное условие возбуждения уголовного дела исключительно по заявлению руководителя предприятия. Что же касается производства по делам частного обвинения, то там никаких ограничительных условий не существует: вред, причиненный деянием, определяет конкретное частное

лицо, исходя из собственных моральных и психологических установок. Поэтому возникает и возможность поддерживать обвинение в частном порядке, и возможность примирения сторон.

Тем более что различие в причинении вреда исключительно интересам предприятия или более широкому кругу лиц (как физических, так и юридических) на квалификацию «коммерческих» преступлений не влияет. К делам частного обвинения нельзя отнести составы преступлений, перечисленные в гл. 23 УК РФ, еще и потому, что они разные по своей уголовно-правовой природе.

Подобная позиция была высказана Ю.Е. Кайгородовой и В.А. Лопаткиным: они отмечают интересное противоречие содержания исследуемой ст. 23 УПК РФ и ч. 5 ст. 20 УПК РФ, согласно которой составы, не перечисленные в ч. 2 и 3 этой статьи, являются делами публичного обвинения. Кроме того, они обращают внимание на неопределенность процессуальной перспективы производства по делам о коммерческих преступлениях, если после возбуждения уголовного дела заявитель откажется от уголовного преследования либо будет отозвано согласие на него. Необходимость наличия определенных обстоятельств причинения преступлением вреда, носящих оценочный характер, по мнению авторов, свидетельствует о том, что это «специфический вид уголовно-процессуального обвинения» [12, с. 196].

Таким образом, стоит согласиться с их мнением о включении составов гл. 23 УК РФ в перечень дел частного-публичного обвинения, что позволило бы определиться с порядком производства по уголовным делам об этих преступлениях.

Список литературы

1. Азаренок Н.В., Никифорова Е.Ю. Проблемы возбуждения уголовных дел о преступлениях, совершаемых в сфере экономической деятельности (ч. 3 ст. 20 УПК РФ) // Уголовное право. 2022. №6 (142). С. 73–79.
2. Александрова Л.А., Меженина Е.В. Об опыте привлечения юридических лиц к уголовной ответственности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2016. №3. С. 53–55.
3. Александрова Л.А., Никифорова Е.Ю. Признание взятки сделкой и вопросы межотраслевого регулирования при производстве по уголовному делу // Российский следователь. 2022. №3. С. 24-28.
4. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда по делу №22-2410/2020 // Сайт Свердловского областного суда. URL: <http://oblsud.svd.sudrf.ru/> (дата обращения: 06.08.2022).
5. Апелляционное постановление Кемеровского областного суда по делу № 22К-1105/2014 от 14 марта 2014 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/BsPMV9I1JH6d/> (дата обращения: 27.07.2020).
6. Аширбекова М.Т., Попова М.В. О расширении надзорных полномочий прокурора при разрешении сообщений о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. №1 (60). С. 67–73.
7. Бархатова Е.Н., Вакутин А.А. Вопросы ограничения мошенничества в сфере предпринимательства от смежных составов преступлений и гражданско-правовых деликтов // Российский юридический журнал. 2019. №5 (128). С. 82–90.

8. Грибанова Д. В., Губко В. А. Значение бюджетной природы денежных средств для квалификации и установления надлежащего потерпевшего по делу // Уголовное право. 2022. №8(144). С. 20 – 28.
9. Дюмов Р. О. Защита прав потерпевших по экономическим преступлениям. Рекомендации адвокату // Уголовный процесс. 2019. №11. С. 35 – 41.
10. Изосимов С. В. К вопросу о применении принципа диспозитивности по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях // Юрист. 1999. №5-6. С. 26 – 27.
11. Изосимов С. В., Тюнин В. И., Степанов Ю. И. Преступления, совершаемые в сфере экономики : учеб. пособие. СПб., 2014.
12. Кайгородова Ю. Е., Лопаткин В. А. Привлечение к уголовному преследованию по заявлению коммерческой или иной организации: приглашение к дискуссии // Омский научный вестник. 2006. №8(45). С. 193 – 197.
13. Комова Ю. В. Преступления против интересов частных организаций. Как доказать незаконность возбуждения уголовного дела // Уголовный процесс. 2020. №6. С. 46 – 50.
14. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986.
15. Наумов А. В. Уголовная ответственность юридических лиц // Lex Russica (Русский закон). 2015. Т. 104, №7. С. 57 – 63.
16. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 19 сентября 2016 г. №08АП-9533/16 // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/61530091/#friends> (дата обращения: 06.08.2022).
17. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 г. №24 // Российская газета. 2013. 16 июля.
18. О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. №48 // Российская газета. 2016. 24 нояб.
19. Решение арбитражного суда Калининградской области от 10 июля 2020 г. по делу № А21-15628/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/sQqoUeMEKe1C/> (дата обращения: 05.08.2022).
20. Уголовный процесс : словарь-справочник / под ред. В. М. Савицкого. М., 1999.
21. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон №207-ФЗ от 29.11.2012 г. // Российская газета. 2012. 3 дек.
22. О государственных и муниципальных унитарных предприятиях : федер. закон от 14 ноября 2002 г. №161-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 02.12.2002. №48. Ст. 4746.
23. Филиппов П. А. Уголовная ответственность за коммерческий подкуп: обзор судебной практики // Уголовное право. 2022. №11 (147). С. 42 – 57.
24. Яни П. Вред как элемент коммерческого подкупа // Российская юстиция. 2001. №4. С. 36 – 38.

Об авторе

Елизавета Владимировна Меженина – преп., Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия.

E-mail: mandragorium@mail.ru

E. V. Mezhenina

**INSTITUTION OF CRIMINAL PROCEEDINGS
FOR ECONOMIC OFFENCES**

Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

Received 20 February 2023

Accepted 3 April 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-2

24

To cite this article: Mezhenina E. V. 2023, Institution of criminal proceedings for economic offences, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 14–24. doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-2.

At present, provisions of the law about an institution of criminal proceedings in the economic sphere are controversial. The order of criminal prosecution of such crimes also is not defined clearly. The purpose of the research is to develop the optimal scenario for initiating these criminal cases and determining the most appropriate procedure for their investigation. This study relied on the methods of comparative studies, analysis and synthesis. Using the method of comparative studies, the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation on the initiation of criminal cases in the economic sphere were compared. A graphic comparison was drawn between the content of part 3 of article 20 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Chapter 23 of the Criminal Code of the Russian Federation. The research proposed to change the text of the conditions under which the private-public procedure for the criminal prosecution of crimes in the economic sphere is applied, shifting the focus from the fact of causing harm to the direction of the act itself (Part 3, Article 20, Article 23 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation). In addition, it is proposed to include the composition of Chapter 23 of the Criminal Code of the Russian Federation in the list of cases of private-public prosecution to develop a single clear procedure for initiating these cases.

Keywords: economic crimes, legal proceedings, law, jurisprudence, economics

The author

Elizaveta V. Mezhenina, Lecturer, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: mandragorium@mail.ru

А. Г. Богомолова¹, Е. А. Кот²

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КИБЕРБУЛЛИНГА
КАК ФОРМЫ ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
В СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

¹ Тульский государственный университет, Тула, Россия

² Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России,
Калининград, Россия

Поступила в редакцию 17.02.2023 г.

Принята к публикации 03.04.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-3

Для цитирования: Богомолова А. Г., Кот Е. А. Криминалистические аспекты кибербуллинга как формы деструктивного поведения в сети Интернет // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 2. С. 25 – 32. doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-3.

В статье анализируются криминалистические аспекты феномена кибербуллинга как формы деструктивного поведения в сети Интернет. С позиции криминалистической науки рассматриваются психологические особенности, а также формы и виды его проявления. Охарактеризованы наиболее социально опасные формы кибербуллинга, проведен проблемный анализ сложившегося в современной науке представления о методах профилактики и противодействия проявлениям кибербуллинга. Среди проблем расследования и предупреждения преступлений посредством буллинга выделяется ограниченный контроль в интернет-пространстве, в первую очередь в социальных сетях, в том числе вследствие анонимности участников. Предложены меры по оптимизации криминалистической профилактики преступлений, совершенных посредством кибербуллинга. Выбор конкретных профилактических мероприятий должен быть обусловлен материалами уголовного дела; обстановкой совершенного преступления; обстоятельствами, сложившимися на момент принятия решения о реализации мер профилактического характера; особенностями личности несовершеннолетнего и другими факторами.

Ключевые слова: кибербуллинг, травля, девиантное поведение, Интернет, несовершеннолетний, криминалистическая профилактика, киберпространство, «сетевая растороженность»

В настоящее время — эпоху информатизации общества, интенсивного потока перемен и инноваций — происходят уникальные в истории человечества изменения в образе мышления, обусловленные прежде всего проникновением и интеграцией в повседневную жизнь социума IT-технологий, которые глобально изменяют способы коммуникации, жизненный уклад, в том числе организацию труда и отдыха. Новые знания открывают иные уровни осознания свободы и дозволения. Появляются новые психологические и социальные «нормы», связанные с использованием гаджетов.

Прежде всего речь идет о том, что цифровые технологии окружают детей буквально с первых месяцев жизни: знакомство с ними происходит гораздо раньше, чем дети научатся разговаривать и самостоятельно есть или приобретут иные базовые социальные навыки. Компании подростков, находясь в торговых центрах, неосознанно пренебрегают реальным общением, предпочитая виртуальную переписку и просмотр контента в социальных сетях, совершенно не замечая друг друга. С проникновением сети Интернет в человеческую жизнь, несмотря на все положительные ее стороны, в обществе возросла социальная отчужденность.

Обращаясь к своему смартфону или иному устройству, подключенному к сети Интернет, из привычного пространства, например из своей комнаты, человек попадает в совершенно иную среду — киберпространство. Следует отметить, что окружающая обстановка, как отмечают психологи, как оказывает влияние на внешние поведенческие аспекты, так и является одной из причин возникновения отклоняющихся форм поведения [9, с. 34].

Находясь в сети, человек постоянно сталкивается с широким разнообразием форм социального поведения — от доброжелательного до преступного. В Интернете можно стать тем, кем мечтаешь быть в реальной жизни, но в силу определенных обстоятельств не можешь это осуществить. В обычной жизни любой человек может быть образцом воспитанности и здравомыслия, но куда исчезают данные качества, когда он попадает в киберсреду? Свою роль в этом играет эффект «сетевой расторможенности» [12] — эффект ослабления психологических барьеров. Следует отметить, что именно сеть опосредует поведение человека, поэтому имеющиеся у него скрытые поведенческие, эмоциональные расстройства и отклонения в реальной жизни усиливаются или усугубляются в киберсреде, что порой создает серьезные последствия в реальной действительности.

Нельзя отрицать, что эскалация поведенческих проблем в сети приводит к обострению проблем, связанных с социальной агрессией. Она может быть направлена как против личности, так и против общественного порядка и может проявляться в таких негативных действиях, как, например, оскорбления, угрозы, совершение активных противоправных действий или склонение к совершению таковых.

Безусловно, в первую очередь речь пойдет о *глобальном социально-техническом негативном феномене, являющемся последствием «сетевой расторможенности», — кибербуллинге*. Это явление слабо изучено с позиции правовой доктрины и не урегулировано с позиции законодательства.

Отметим, что на данный момент в письме Минобрнауки России от 14.05.2018 г. №08-1185 дано определение указанного феномена: кибербуллинг (виртуальное издевательство) — это «...преследование сообщениями, содержащими оскорбления, агрессию, запугивание; хулиганство; социальное бойкотирование с помощью различных Интернет-сервисов» [8].

В криминалистической литературе имеется множество определенных кибербуллинга, между тем на сегодняшний день уровень научных

разработок по данному вопросу недостаточен для определения сущности явления и направления вектора профилактической работы, поэтому данный феномен надлежит рассматривать с позиции междисциплинарного подхода, что, несомненно, поможет обнаружить проблемы и найти пути их решения.

Так, Е.В. Бочкарева и Д.А. Стренин отмечают, что кибербуллинг представляет собой «умышленное виновно совершенное действие или совокупность действий, направленных на психологическое подавление жертвы, причинение ей нравственных страданий, осуществляемых посредством электронных средств связи» [1, с. 92]. Д.Е. Щипанова определяет кибербуллинг как преднамеренное, многократно повторяющееся воздействие на человека при помощи современных технологий, включающее в себя рассылку оскорбительных сообщений, распространение в Интернете неправдоподобных сведений с участием самого пострадавшего [11, с. 621]. По мнению Е.А. Кот, кибербуллинг – «намеренное притеснение пользователей сети Интернет путем унижения личности, умаления достоинства и заслуг, сообщения компрометирующих данных» [5, с. 77].

Согласимся с Т.С. Волчецкой, М.В. Авакьяном и Е.В. Осиповой, что кибербуллинг является новой формой девиантного поведения, представляющей собой систематическую и целенаправленную травлю в киберпространстве [3, с. 578–579]. Такой травле может быть подвержен любой пользователь сети Интернет. Согласно социологическому опросу, проведенному Всероссийским центром изучения общественного мнения, из 82 % россиян, использующих сеть Интернет, 42 % уверены, что за последние пять лет в нем стало больше оскорбительных постов и комментариев [4]. Поскольку сеть Интернет дает возможность общения и распространения информации, в том числе анонимным путем, возникает нравственно-правовая проблема, связанная с агрессией в глобальной сети.

Е.О. Мазурчук и Н.И. Мазурчук в своем исследовании отметили следующие признаки феномена кибербуллинга:

- моральное и психологическое насилие;
- доминирование одного участника над другим;
- принуждение жертвы кибербуллинга к совершению каких-либо действий его инициатором;
- социальная изоляция и запугивание жертвы кибербуллинга его инициатором [6].

Представляется, что последние два положения, отмеченные авторами, являются не признаками, а формами проявления кибербуллинга. Также среди его форм можно назвать преследование в сети Интернет, использование и распространение персональной информации жертвы в целях вторжения в частную жизнь и / или разрушения репутации, публикацию иной негативной или ложной информации в отношении жертвы в киберпространстве и др.

Дети и подростки в наибольшей степени подвержены нападкам и виртуальной агрессии. Прежде всего это связано с тем, что несовер-

шеннолетние являются психологически незрелой группой пользователей сети Интернет и в большей степени подвержены деструктивному воздействию. Кроме того, согласно исследованиям, несовершеннолетние составляют 30 % от общего числа пользователей сети Интернет [7]. Такой показатель обусловлен тем, что сеть Интернет и иные телекоммуникационные сети открыли для них безграничный доступ к информационным, коммуникационным, образовательным и развлекательным ресурсам.

Необходимо отметить, что кибербуллинг может рассматриваться как способ совершения преступления, а также выступать фактором совершения преступления или являться самостоятельным преступлением.

Имеется ряд проблем, связанных с расследованием и предупреждением преступлений, совершенных посредством кибербуллинга. Так, во-первых, основная проблема состоит в особенностях интернет-пространства, главными чертами которого являются виртуальность и анонимность.

Одним из распространенных «мест» совершения преступления выступают именно социальные сети — место, в котором можно предстать таким, каким не являешься в настоящей жизни, можно писать то, что никогда бы не сказал человеку глядя в глаза, и создавать привлекательный образ, вводя в заблуждение, создавая абсолютно ложную идентичность.

Анонимность как неотъемлемая особенность киберпространства позволяет агрессорам генерировать многочисленные аккаунты в социальных сетях, используя каждый из них в различных целях. Может быть создан аккаунт (несколько аккаунтов) асоциальной личности, например экстремиста, которую индивид будет использовать в переписке с другими сторонниками крайних и радикальных взглядов или в процессе буллинга личности в сети Интернет, при этом одновременно у данного пользователя может быть и другой аккаунт, который будет использован в личных целях.

Не требуется особого труда и специальных знаний для того, чтобы зарегистрироваться и создать «анонимный» аккаунт, личные данные заменить на вымышленные, написать номер телефона, который можно приобрести для разовых целей без предоставления каких-либо документов. Также существует ряд технологий (например, VPN-сервисы), которые позволяют изменить IP-адрес, из-за чего крайне сложно определить место нахождения и установить личность преступника.

Кроме того, еще одной отличительной чертой кибербуллинга является вневременность. Подвергать буллингу в сети можно вне зависимости от времени, что может оказать крайне негативное влияние на психику жертвы различной степени и привести к серьезным последствиям.

Средствами совершения кибербуллинга могут выступать как сами социальные сети, так и иные приложения в виде сервисов мгновенных сообщений, электронной почты, форумов, чатов, веб-сайтов, видеосервисов и др.

Можно выделить следующие виды кибербуллинга:

- личный (когда агрессия осуществляется посредством личной переписки);
- публичный (когда агрессия происходит в «присутствии» других пользователей, например посредством комментариев к публикациям).

В процессе публичного кибербуллинга участвуют три стороны – агрессор, жертва и иные пользователи сети Интернет. При этом свидетели кибербуллинга, как правило, не препятствуют действиям агрессора, не сдерживают его, что говорит об отсутствии норм поведения в контексте исследуемого явления.

Особую сложность представляет выявление следов преступлений, совершенных посредством кибербуллинга. Правоохранительные органы сталкиваются с виртуальными следами, установление и фиксация которых требует применения специальных знаний, прежде всего в сфере IT-технологий. Так, крайне сложно определить достоверность виртуальной информации и относимость ее к тому или иному преступлению [2]. Отметим, что главным источником криминалистически значимой информации будет являться именно переписка в социальной сети между преступником и потерпевшим.

Несмотря на то, что кибербуллинг напрямую не связан с физическим насилием, он может иметь более серьезные последствия. Особую опасность представляют вовлечение в экстремистскую деятельность и в деятельность иных групп деструктивной направленности (наркозависимость, деструктивные религиозные секты, «группы смерти» и др.), скулшутинг (массовые преступления в образовательных учреждениях) или склонение подростков к суициду.

Первого февраля 2021 г. вступил в силу закон о самоконтроле социальных сетей (№530-ФЗ) [10], в соответствии с которым интернет-площадки обязаны самостоятельно выявлять и блокировать запрещенную информацию с нецензурной бранью, пропагандой наркомании, призывами к осуществлению террористической деятельности, насилию, суицидальному поведению и т.п. Полагаем, что данный закон является важным шагом в регулировании вопросов безопасности пользователей в сети Интернет. Однако его недостаточно для минимизации рисков проявления кибербуллинга и его последствий.

Одним из важных направлений деятельности органов предварительного расследования является криминалистическая профилактика преступлений, совершенных посредством кибербуллинга, в особенности тех, которые посягают на жизнь и здоровье несовершеннолетних.

Полагаем, что особое место в вопросе криминалистической профилактики должны занимать мероприятия, заключающиеся в информировании несовершеннолетних, обучающихся в общеобразовательных учреждениях; сотрудников образовательных учреждений; родителей обучающихся.

Данные мероприятия должны быть направлены на:

- разъяснение сущности кибербуллинга и порядка необходимых действий при столкновении с «кибербуллерами»;

- правовое информирование о наступлении общественно опасных последствий в результате кибербуллинга, формирование представлений о неотвратимости наказания;
- формирование нетерпимого отношения к агрессии в сети Интернет и установки на своевременное информирование правоохранительных органов о случаях кибербуллинга;
- предоставление органам предварительного расследования информации о лицах, обладающих первичными признаками формирования склонности к кибербуллингу;
- рекомендации по содержанию публикуемой информации (в том числе личного характера) в сети Интернет, обеспечению приватности аккаунтов и избирательности в выборе друзей и собеседников в социальных сетях, проявлению осторожности при переходе по ссылкам, которые направляют другие пользователи;
- рекомендации несовершеннолетним о незамедлительном информировании родителей в случае столкновения с кибербуллингом, использовании возможностей интернет-ресурсов по блокировке агрессора, удалении его из контактов, сообщении в техподдержку или администратору ресурса;
- информирование родителей о доступных услугах или программных средствах для мониторинга в сети Интернет сообщений, фотографий несовершеннолетних.

При этом должны быть даны рекомендации лицам в тех случаях, когда они столкнулись с кибербуллингом или имеется информация о проявлениях кибербуллинга в отношении знакомых им лиц. Такие мероприятия следует проводить с участием психолога для поддержания эмоционального состояния участников и разъяснения приоритета реального общения над виртуальным.

Выбор конкретных профилактических мероприятий должен быть обусловлен материалами уголовного дела; обстановкой совершенного преступления; обстоятельствами, сложившимися на момент принятия решения о реализации мер профилактического характера; особенностями личности несовершеннолетнего и другими факторами.

Обобщая выше сказанное, необходимо отметить, что кибербуллинг является сложным явлением. Во-первых, анонимность в сети Интернет и технологии по скрытию настоящих IP-адресов служат катализатором для начала действий, поскольку создаются условия для сокрытия местонахождения злоумышленника. Во-вторых, целенаправленные действия агрессора в сети Интернет могут осуществляться неограниченно долго, вне зависимости от времени суток и географического местоположения. В-третьих, для достижения целей «кибербуллера» могут использоваться не только вербальные, но и мультимедийные (фото-, видеозаписи) средства. В-четвертых, скорость передачи информации в интернет-пространстве очень высока и увеличивает круг возможных потерпевших. Феномен кибербуллинга требует дальнейшего подробного исследования в рамках криминалистической науки с целью повышения эффективности деятельности правоохранительных органов.

Список литературы

1. Бочкарева Е.В., Стренин Д.А. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, №1. С. 91–97.
2. Вершицкая Г.В. Возможности использования виртуальных следов в ходе расследования киберпреступлений // Вестник Поволжского института управления. 2022. Т. 22, №2. С. 17–23.
3. Волчецкая Т.С., Авакьян М.В., Осипова Е.В. Криминологическая характеристика и профилактика скулшутинга и кибербуллинга в России и зарубежных странах // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, №5. С. 578–591.
4. Кибербуллинг: масштаб проблемы в России // ВЦИОМ Новости. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kiberbulling-masshtab-problemy-v-rossii> (дата обращения: 09.01.2023).
5. Кот Е.А. Расследование преступлений, совершенных в сети Интернет, связанных с побуждением несовершеннолетних к суициду : дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2022.
6. Мазурчук Е.О., Мазурчук Н.И. Девиантное поведение молодежи в виртуальном пространстве: кибербуллинг // Педагогическое образование в России. 2020. №6. С. 224–229.
7. Официальный информационный ресурс Организации Объединенных Наций. URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/10/1364182> (дата обращения: 09.01.2023).
8. О направлении информации (вместе с «Методическими рекомендациями о размещении на информационных стендах, официальных интернет-сайтах и других информационных ресурсах общеобразовательных организаций и органов, осуществляющих управление в сфере образования, информации о безопасном поведении и использовании сети «Интернет») : письмо Минобрнауки России от 14.05.2018 г. №08-1184. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Салахова В.Б., Еняшина Н.Г., Романова А.В. Проблема девиантного поведения в современном обществе // Власть. 2016. Т. 24, №11. С. 33–37.
10. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» : федер. закон от 30 декабря 2020 г. №530-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Щитанова Д.Е. Кибербуллинг как фактор риска в образовательной среде // Новые информационные технологии в образовании : матер. VIII Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 10–13 марта 2015 года. Екатеринбург, 2015. С. 619–623.
12. Эффект растормаживания в Сети. URL: https://cyberpsy.ru/articles/suler_online_disinhibition_effect/ (дата обращения: 12.01.2023).

Об авторах

Анна Геннадьевна Богомолова — канд. юрид. наук, ст. преп., Тульский государственный университет, Тула, Россия.

E-mail: a.g.reznikova@mail.ru

Екатерина Александровна Кот — канд. юрид. наук, Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, Калининград, Россия.

E-mail: katerina.kot.89@bk.ru

A. G. Bogomolova, E. A. Kot

**FORENSIC ASPECTS OF CYBERBULLYING AS A FORM
OF DESTRUCTIVE BEHAVIOR ON THE INTERNET**

¹ Tula State University, Tula, Russia.

² Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Kaliningrad, Russia.

Received 17 February 2023

Accepted 3 April 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-3

32

To cite this article: Bogomolova A.G., Kot E.A. 2023, Forensic aspects of cyberbullying as a form of destructive behavior on the Internet, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 25–32. doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-3.

The article analyzes the criminological aspects of the cyberbullying phenomenon as a form of destructive behavior on the Internet. The authors take criminological approach in considering the psychological characteristics of such behavior, as well as forms and types of its manifestation. The research described the most socially dangerous forms of cyberbullying, carried out the problem analysis of existing methods of prevention and counteraction to cyberbullying in modern science. The problems of investigation and prevention of bullying are incurred by very limited control in the digital space, first of all social networks due to anonymity of their users. The article proposes some measures to optimize the forensic prevention of crimes committed through cyberbullying. The choice of specific preventive measures should be conditioned by: materials of the criminal case; circumstances prevailing at the time of the decision to implement preventive measures; peculiarities of the personality of the juvenile and other factors.

Keywords: cyberbullying, bullying, deviant behavior, Internet, minor, forensic prevention, cyberspace, online disinhibition effect

The authors

Dr Anna G. Bogomolova, Senior Lecturer, Tula State University, Tula, Russia.
E-mail: a.g.reznikova@mail.ru

Dr Ekaterina A. Kot, Senior Lecturer, Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Kaliningrad, Russia.

E-mail: katerina.kot.89@bk.ru

С. П. Усенко

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ ИНСТИТУТА И СУБИНСТИТУТА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина,
Краснодар, Россия

Поступила в редакцию 10.02.2023 г.

Принята к публикации 03.04.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-4

33

Для цитирования: Усенко С. П. Соотношение понятий института и субинститута в уголовном праве // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канга. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №2. С. 33–43. doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-4.

Рассматривается связь между понятиями института и субинститута в уголовном праве. Понимание субинститута уголовного права как элемента структуры уголовно-правового института требует проверки с точки зрения анализа соотношения этих понятий, тем более что сам термин «субинститут» не используется официальной доктриной и правоприменителем. Проведенный анализ позволяет уточнить признаки субинститута права и основания его соотношения с институтом уголовного права. В статье на основе анализа соотношения субинститута и института выявлены признаки субинститута уголовного права как элемента структуры уголовно-правового института, исследованы существующие научные точки зрения на субинститут и его место в системе уголовного права.

Ключевые слова: субинститут уголовного права, институт уголовного права, система уголовного права, нормативное предписание, эволюция структуры права

Одной из проблем гармонизации системы российского уголовного права является разработка понятия субинститута. Исходные посылки для такого анализа относятся к области теории права и государства.

Субинститут, отмечал С. С. Алексеев, — это органические образования относительно самостоятельного характера, формирующиеся внутри институтов, отражающие «усложнение» структуры института, относительное обособление внутри его определенного комплекса норм [2, с. 151]. В. П. Коняхин резюмировал, что система институтов Общей части уголовного права, исходя из степени нормативного обобщения, может быть построена по следующей пятиуровневой схеме: типовые институты нормативных предписаний (соответствующие разделам УК РФ, которые имеют поглавную структуру), родо-типовые (соответствующие разделам, не имеющим подразделения на главы), родовые институты (предусмотрены главами УК РФ), видовые (соответствуют объединению правовых предписаний на уровне групп статей внутри гла-

вы) и основные (на уровне отдельной статьи) [9, с. 171–172]. Одновременно он выделял «субинституты уголовно-правовых предписаний Общей части» (что соответствует объединению нормативных предписаний, закрепленных на уровне отдельной части статьи УК РФ), «которые юридико-техническими средствами не оформлены как основной институт (главным образом в силу не только законодательной, но научной неразработанности» [9, с. 172].

Размещение субинститута в составе института уголовного права на фоне приведенной научной позиции В.П. Коняхина о наличии системы различных по объему и соподчиненных в родо-видовом отношении правовых институтов, ставит перед исследователем принципиальный вопрос о наличии качественных, существенных отличий между субинститутом уголовного права и простым, не имеющим внутренней градации, основным правовым институтом. Проблема их отграничения становится особенно актуальной еще и потому, что некоторые исследователи полагают возможным относить к субинститутам отдельные смысловые блоки сложных уголовно-правовых институтов [7, с. 122]. В итоге количество субинститутов может значительно возрасти за счет формального отнесения к ним простых институтов, состоящих из ограниченного количества норм и в силу этого имеющих внешнее сходство с субинститутами.

Типичным примером в данном случае может служить подход исследователей к пониманию системы особенной части уголовного права. Поскольку институты особенной части уголовного права группируются в рамках одной главы Уголовного кодекса и представляют собой совокупность предписаний об ответственности за преступления, имеющие единый родовый объект, то, руководствуясь вышеуказанным подходом, каждое из отдельных преступлений, нарушающее видовые отношения внутри этих родовых, или группу таких преступлений потенциально можно объявить субинститутом.

Например, Ю.Е. Пудовочкин прямо пишет, что субинституты особенной части уголовного права выделяются «в соответствии с разработанной в науке классификацией преступлений определенного вида» [14, с. 87]. Однако, полагаем, не требует специальных доказательств тезис о том, что классификация преступлений по объекту посягательства и определение внутренней структуры уголовно-правового института — это качественно различные логические операции. К тому же классификация преступлений есть результат исключительно научной проработки вопроса, отражающий субъективный взгляд исследователя на проблему. В своей работе Ю.Е. Пудовочкин иллюстрирует субинституты института преступлений в сфере экономической деятельности со ссылкой на классификацию таковых, предложенную Б.В. Волженкиным. Однако надо признать, что данная классификация не является единственно возможной. Без дополнительных ссылок на источники позволим напомнить, что оригинальные градации экономических преступлений предложены также Н.А. Лопашенко, И.А. Клепичкиным, Г.В. Веринной и другими исследователями. Аргументация в пользу того,

почему лишь одна из множества классификаций должна быть положена в основу выделения субинститутов, в анализируемой работе отсутствует. Да и вряд ли она возможна. А это значит, что при таком подходе структура уголовно-правового института преступлений в сфере экономической деятельности потенциально может быть определена самым различным образом, в зависимости от того, какой именно из существующих классификаций экономических преступлений будет отдано предпочтение исследователем. Едва ли такое решение вопроса отвечает сложившимся представлениям об объективной природе права и его структуры.

Кроме того, нельзя не напомнить, что классификация преступлений означает их градацию на виды по какому-либо критерию, при которой члены деления будут исключать друг друга; члены классификационного деления полностью исчерпывают весь объем классифицируемого объекта. Следовательно, при отождествлении классификации преступлений и структуры уголовно-правового института весь институт полностью и без остатка будет разбит на отдельные субинституты¹. В этом случае институт становится мыслимым лишь как систематизированное объединение подинститутов. Такой подход коррелирует с приведенной выше позицией В.П. Коняхина о родо-видовых отношениях между институтами права, различающихся своим объемом. Но совмещение озвученных теоретических позиций приводит к мысли о том, что группы норм, именуемые Ю.Е. Пудовочкиным субинститутами, представляют собой то, что В.П. Коняхин назвал видовыми институтами уголовного права. Столь различный взгляд на один и тот же феномен также нельзя признать удовлетворительным.

Соотношение института и субинститута уголовного права в итоге остается «открытым вопросом», нуждающимся в дополнительном исследовании.

В современной уголовно-правовой литературе попытку ответить на этот вопрос предприняла А.В. Денисова. Учитывая, что это один из многих и весьма оригинальный взгляд на проблему, приведем позицию автора полностью:

Уголовно-правовые субинституты занимают промежуточное положение между уголовно-правовыми нормами и институтами. ... Уголовно-правовые нормы и предписания объединяются в субинституты с целью более успешного и детализированного решения отраслевых задач. Как правило, такое решение бывает альтернативным, это один из вариантов (как правило, дополнительный) урегулирования ситуации, прописанный в нормах и предписаниях субинститута. Можно сказать, что субинституты представляют собой микросистему в отраслевой системе, они выступают некой оболочкой и связующим элементом между нормами и институтами. Последние являются минисистемой более высокого уровня, включают в себя не только нормативно-правовые предписания, уголовно-правовые нормы, но и субинституты [6, с. 185].

¹ О специфике нормативного материала института, содержащего субинституты, который невозможно равноценно и без остатка, не сводимого к одним лишь общим нормам, распределить по субинститутам, подробнее см.: [2, с. 132; 13, с. 53].

И далее:

Субинститут существует в уголовно-правовом институте как некая альтернативная или запасная деталь, которая может понадобиться и стать крайне полезной при определенных фактических обстоятельствах... Уголовно-правовые институты могут реализоваться и без применения составляющих их субинститутов, однако обратная ситуация невозможна: практически немыслима реализация субинститута без обращения к нормам и предписаниям уголовно-правового института, составной частью которого он является. ...Когда действие субинститута актуализировалось, начали применяться составляющие его нормы и предписания, уменьшается воздействие уголовно-правового института, его содержащего, в пользу влияния субинститута... Если провести аналогию с гражданским правом, то уголовно-правовые институты и субинституты соотносятся между собой как главное и принадлежность: последняя предназначена служить первому и связана с ним общим назначением, следует его судьбе. Так и субинституты, несмотря на свою достаточную самостоятельность, фактически обслуживают уголовно-правовые институты, связаны с ними общим назначением, целью разрешения конкретных внутриотраслевых задач... Таким образом, уголовно-правовые институты и примыкающие к ним субинституты представляют собой своеобразные парные нормативные общности, соотносительные между собой по предоставлению основного / альтернативного вариантов урегулирования подвидов общественных отношений, относящихся к предмету отрасли уголовного права [6, с. 187 – 188].

Анализируя эту позицию, считаем возможным высказать следующие критические замечания.

Во-первых, субинституты не занимают «промежуточное положение» между предписаниями и институтами. Их место совершенное иное. Они выступают частью правового института, отражая не усложнение линейной структуры права, а усложнение структуры правового института.

Во-вторых, оригинальная авторская аналогия соотношения между институтами и субинститутами по принципу главной вещи и принадлежности входит в противоречие с рассуждениями того же автора о субинституте как исключительно альтернативном варианте разрешения той или иной правовой ситуации. «Принадлежность» не может служить альтернативой «главной вещи». По аналогии с гражданским правом она всегда предназначена «для обслуживания» «главной вещи» (так, по крайней мере, следует из буквального толкования ст. 135 ГК РФ). Если иллюстрировать эти отношения материалом уголовного права, то не будет большой ошибкой признать, что, к примеру, предписание ч. 5 ст. 73 УК РФ, обязывающее суд (а до 2009 г. [12] – предоставляющее суду такую возможность) возложить на условно осужденное лицо те или иные обязанности, способствующие его исправлению, есть не что иное, как предписание-«принадлежность». Оно не применяется самостоятельно, не обладает самостоятельным регулятивным значением, но всегда «следует» главному предписанию – о применении условного осуждения. При этом такая «принадлежность» не создает альтернативного варианта регулирования условного осуждения. И напро-

тив, альтернативные предписания далеко не всегда являются «принадлежностью» предписаний «главных», в том смысле, что «не следует за ними». К примеру, предусмотренные ст. 90 или ст. 92 УК РФ альтернативные варианты разрешения уголовно-правового конфликта, вызванного преступлением несовершеннолетнего, не следуют с необходимостью за привлечением подростка к уголовной ответственности или применением к нему уголовного наказания. Таким образом, отождествление «принадлежности» и «альтернативы» не является, на наш взгляд, в достаточной степени обоснованным.

В-третьих, нельзя в полной мере согласиться и с утверждением о том, что применение субинститута «уменьшает воздействие» правового института, частью которого этот субинститут является. Если субинститут — часть института и подчинен его общим целям и задачам, то скорее напротив, его применение должно усиливать регулятивные возможности правового института, способствовать более полной реализации регулятивного потенциала соответствующей группы правовых предписаний согласно поставленным перед ними целями.

В то же время в позиции А. В. Денисовой заложены некоторые крайне важные тезисы, которые заслуживают поддержки и должны быть развиты. Стоит безоговорочно согласиться с тем, что:

- субинституты и институты нацелены на решение общих для них отраслевых задач уголовного права;
- они имеют тесные содержательные связи между собой и с иными подразделениями структуры отрасли;
- самостоятельное, без обращения к предписаниям, составляющим институт, применение субинститута уголовного права является теоретически и фактически невозможным.

Эти исходные положения подчеркивают системный характер связи субинститута и института уголовного права. Но они пока еще ничего не говорят о содержательной характеристике этой связи. Понять ее можно, как представляется, если обратиться к вопросу о генезисе субинститутов в структуре правовой отрасли.

Отвергая идею о том, что субинститут есть первичная общность правовых предписаний, и признавая возможность его существования только в рамках уже сложившегося правового института, обратим внимание, что нормативный материал института образуется раньше, чем субинститут, и последний обособляется только на фоне всего института, являясь последствием его структурного усложнения. Субинститут всегда вторичен по отношению к институту и не существует вне своего «материнского» института. Хотя это и не исключает того, что в процессе эволюции уголовного права некоторые субинституты могут все больше приобретать признаки самостоятельных, а не вспомогательных элементов структуры отрасли.

В понимании вопроса о генезисе субинститутов могут оказаться полезными рассуждения С. С. Алексеева относительно функциональных институтов. Он указывал, что «источником многих институтов служат вариативные конкретизирующие предписания (“В-предписания”) и исключительные нормы, делающие изъятие из установленного общего

порядка» [2, с. 143]. Эта логика вполне применима и для познания идеи появления субститутов. Когда (и если) в рамках уголовно-правового института возникает потребность в каком-либо специфическом режиме регулирования, учитывающем особенности предмета или метода этого правового института, реакцией на такую потребность выступает возникновение одного или нескольких предписаний. Именно эти предписания и становятся нормативной базой субинститута.

«В каком же случае можно говорить о существовании субинститутов?» — задавался вопросом С.С. Алексеев. И отвечал: «Это — органические образования относительно самостоятельного характера, формирующиеся внутри институтов. Следовательно, перед нами “усложнение” структуры института, относительное обособление внутри его определенного комплекса норм. Такого рода образования внутри институтов зачастую представляют собой разросшиеся ассоциации предписаний» [2, с. 151].

Итак, из рассуждений С.С. Алексеева можно вывести следующую логику формирования субинститута права:

- возникновение правовых предписаний и их разрастание;
- формирование правового института на основе ассоциаций правовых предписаний;
- возникновение и разрастание предписаний в структуре правового института;
- оформление ассоциации предписаний в структуре института в качестве субинститута.

Ключевой момент в этой схеме — понятие ассоциации правовых предписаний. В одной из своих работ С.С. Алексеев писал:

Основные, детализирующие и варианты нормативные предписания образуют связки, последовательные цепочки, из которых нередко образуется некоторая общность предписаний, своего рода ассоциации норм. Эти ассоциации, составляющие, как правило, содержание многоабзацной статьи нормативного акта, отличаются своим законом связи между предписаниями, особой структурой. ...С ассоциаций предписаний «все начинается» в структуре права. Из них формируются устойчивые правовые общности — правовые институты, их объединения. Причем в ассоциациях предписаний, формулируемых законодателем под прямым влиянием юридической практики, непосредственно ощущаются пульс разнообразных жизненных отношений, потребности практики, накопившийся опыт индивидуально-правовой деятельности компетентных органов [1, с. 324 — 325].

Ассоциация правовых предписаний, таким образом, имеет внешней формой своего выражения многоабзацную статью закона. Это некая упорядоченная и системно связанная группа уголовно-правовых предписаний (например, части 1 и 2 ст. 105 УК РФ или части 1, 2 и 3 ст. 29 УК РФ). Такие ассоциации в структуре права не образуют самостоятельного элемента. Они суть «строительный материал». Некоторая ассоциация предписаний может вполне выражать собой институт права (как, например, ст. 46 УК РФ всецело выражает собой содержание института штрафа как вида уголовного наказания). В этом отношении

следует поддержать позицию В. П. Коняхина о том, что уголовно-правовой институт может быть выражен в одной статье закона [9, с. 166], и соответственно возразить категорическим суждениям М. С. Жука о том, что «институт уголовного права для своего внешнего выражения требует всегда нескольких самостоятельных статей уголовного закона» [7, с. 146]. Некоторые ассоциации выступают частью правового института, но частью, которая может быть признана исключительно технической, лишенной в системе правового института самостоятельного значения (примером такой ассоциации может служить ст. 87 УК РФ, декларирующая общие подходы к реализации уголовной ответственности несовершеннолетних). Некоторые же ассоциации нормативных предписаний, будучи неотъемлемой частью уголовно-правового института, наделяются некими чертами относительной самостоятельности. И именно они выступают содержанием субинститута уголовного права (например, ассоциации предписаний, выраженные в ст. 90—92 УК РФ).

Такое понимание структурной характеристики субинститута становится еще более наглядным и понятным, если вслед за С. С. Алексеевым провести отграничение сложного института, включающего в себя субинститут, от объединения правовых институтов. Автор пишет:

...не следует смешивать это «усложнение» в строении отдельных институтов с другим, весьма существенным явлением в структуре права — с объединениями институтов. Правовой институт в принципе остается все же первичной, начальной правовой общностью, следующей, как правило, сразу за нормативными предписаниями и их ассоциациями. Но правовые институты, как и нормативные предписания, могут объединяться в более крупные подразделения [2, с. 151].

И далее: субинституты от объединения институтов «отличаются тем, что в их содержании всегда есть значительный нераспределимый по субинститутам “остаток”, который не сводится к одним лишь общим нормам» [Там же].

Таким образом, объединение институтов — это явление сугубо механистическое. На основании некоторых общих признаков (как правило, исходя из предмета регулирования) законодатель вправе, руководствуясь юридико-техническими соображениями, объединить несколько самостоятельных уголовно-правовых институтов в рамках одной структурной единицы текста уголовного закона (например, в главе). Однако такое техническое объединение не приводит к формированию нового института, члены объединения не превращаются в субинституты, но всецело сохраняют статус полноценного уголовно-правового института.

С этой точки зрения сложно признать справедливым мнение А. И. Бойко о том, что только обобщенные на уровне раздела II УК РФ предписания о преступлении образуют собственно институт преступления, в то время как обобщения нормативных предписаний на более низком уровне — уровне глав, составляющих этот раздел (неоконченное преступление, субъект, соучастие и пр.), пригодны лишь на роль субинститутов [5, с. 430]. Если даже согласиться с тем, что раздел уго-

ловного закона служит самостоятельной формой выражения некоторой ассоциации правовых предписаний, то надо в то же время признать, что раздел включает в себя все главы без исключения, а потому все содержание раздела «разбивается» на главы без остатка. Раздел формируется главами. Следовательно, выраженная в нем общность правовых предписаний является не чем иным, как механическим объединением правовых институтов, если опять же согласиться с тем, что в каждой главе закона, входящей в тот или иной раздел, закреплён институт уголовного права.

Объединение правовых институтов (в данном случае неважно, выражено оно в разделе или в главе уголовного закона) всегда «без остатка» может быть поделено на составляющие его институты. В этом отношении хороший эмпирический материал даёт анализ почти всех глав особенной части УК РФ.

Традиционно считается (это мнение крайне распространено в специальной литературе), что каждой главе в данном случае соответствует отдельный самостоятельный институт — экономических преступлений, преступлений против собственности и т.д. В то же время в науке звучат настойчивые предложения исследователей о том, чтобы на уровне отдельной главы закона обособить часть предписаний, сегодня включённых в состав той или иной главы, и тем самым формально подтвердить их статус в качестве самостоятельного уголовно-правового института. Такие предложения высказывались, например, по отношению к институтам налоговых преступлений [3, с. 8], преступлений против свободы личности [10, с. 5], преступлений против порядка организации и проведения выборов [15, с. 7], преступлений, связанных с нарушением въезда, выезда и пребывания на территории РФ иностранных граждан [4, с. 12] и т.д. Развивая эти идеи, можно составить вполне развернутое обоснование необходимости разделения каждой главы особенной части УК РФ на отдельные, более мелкие главы, объединяющие самостоятельные институты. Хорошей иллюстрацией в данном случае может служить УК Франции в части описания им преступлений против порядка управления. В качестве отдельного элемента структуры особенной части в книгу 4 о преступлениях против государства включена глава III «О посягательствах на государственное управление, совершенных частными лицами». В ней десять отделов посвящены отдельным уголовно-правовым институтам: отдел II «Об угрозах и актах запугивания, совершенных против лиц, занимающих публичную должность»; отдел III «О незаконном изъятии, присвоении либо уничтожении документа, ценных бумаг или других предметов, содержащихся в государственном хранилище»; отдел IV «О неуважении»; отдел V «О неповиновении»; отдел VI «О противодействии выполнению работ в общественных интересах»; отдел VII «О незаконном присвоении полномочий»; отдел VIII «О незаконном присвоении знаков отличия, присущих органам государственной власти»; отдел IX «О незаконном присвоении званий»; отдел X «О недопустимом использовании звания» [16].

Важно подчеркнуть в связи с обсуждаемыми проблемами, что дробление глав на отделы или разделение одной главы на несколько более мелких глав, отражая субъективный взгляд на институциональное строение отрасли, подтверждает, что при существующем порядке вещей в особенной части УК РФ сложная многосоставная глава, которая без остатка может быть разбита на более мелкие образования, представляет собой пример именно объединения нескольких уголовно-правовых институтов, а не сложный институт с входящими в него субинститутами. Субинститут (и в этом его принципиальная характеристика) не может быть изъят из института и обособлен в отдельной структурной части закона до тех пор, пока он сохраняет этот статус субинститута. Потенциально неисключенное обособление ассоциации нормативных предписаний, составляющих часть правового института, в отдельную единицу текста закона допустимо только в том случае, когда разрастающийся субинститут приобретет черты и свойства самостоятельного института уголовного права.

«Цементирующим» фактором, сплачивающим субинститут со всей системой «материнского» института, служит тот самый «нерастворимый остаток», о котором писал С.С. Алексеев. Как верно отмечают В.Л. Кулапов и Е.Г. Потапенко,

в любой правовой общности существует «активный центр», который выражает основные характерные особенности данной правовой общности и выполняет интегрирующую функцию. В рамках системы отраслей роль такого активного центра играет конституционное право, в рамках структуры конкретной отдельной отрасли — общий (генеральный) институт, состоящий из нормативных обобщений, в рамках института — общие положения, которые могут представлять собой субинститут, в рамках комплекса правовых норм — основная норма [11, с. 68].

Общие положения есть нормативная платформа для всего института, в том числе и для такой его части, как субинститут. Она включает в себя принципы, дефиниции, общие предписания. «Общие положения, которые содержит правовой институт, относятся ко всем входящим в него субинститутам. Тот факт, что они не дублируются в тексте каждого из субинститутов — это прием юридической техники, обеспечивающий правило экономичности составления юридических текстов» [8, с. 54]. Именно эта платформа обеспечивает системный характер связи субинститута с иными предписаниями, составляющими институт права, и препятствует произвольному обособлению субинститута на уровень самостоятельной структурной единицы отрасли.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Общая теория права : учебник. М., 2009.
2. Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975.
3. Батайкин П.А. Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации: уголовная ответственность и предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008.

4. Белова М.А. Незаконная выдача иностранному гражданину или лицу без гражданства паспорта гражданина Российской Федерации или внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
5. Бойко А.И. Система и структура уголовного права : в 3 т. Ростов н/Д, 2007. Т. 1 : Системология и структурализм в современной познавательной культуре.
6. Денисова А.В. Системность российского уголовного права: теория, закон, практика : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018.
7. Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития : дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2013.
8. Кириллова Е.А. Место субинститутов в структуре сложных правовых институтов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. №5 (124). С. 52–57.
9. Коняхин В.П. Теоретические основы построения общей части российского уголовного права. СПб., 2002.
10. Коротич Е.А. Уголовно-правовая охрана личной свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2016.
11. Кулапов В.Л., Потапенко Е.Г. Теоретические основы правовой интеграции. М., 2011.
12. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы : федер. закон от 27.12.2009 г. №377-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. №52 (1 ч.). Ст. 6453.
13. Орехов И.В. Понятие и признаки субинститута права: настоящее и будущее // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2016. №3 (48). С. 51–55.
14. Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права : лекции. М., 2012.
15. Толстикова И.Н. Уголовная ответственность за нарушения законодательства о выборах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2005.
16. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л.В. Головкин, Н.Е. Крылова ; пер. и предисл. Н.Е. Крыловой. СПб., 2002.

Об авторе

Сергей Павлович Усенко – соискатель, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, Краснодар, Россия.
E-mail: 2682135@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1961-8583>

S. P. Usenko

CORRELATION BETWEEN THE CONCEPTS OF INSTITUTION AND SUB-INSTITUTION IN CRIMINAL LAW

Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia.

Received 10 February 2023

Accepted 3 April 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-4

To cite this article: Usenko S.P. 2023, Correlation between the concepts of institution and sub-institution in criminal law, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 33–43. doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-4.

The article considers correspondence between the concepts of institution and sub-institution in the criminal law. The understanding of the criminal law sub-institution as an element of the structure of criminal law institute requires verification in terms of analysis of the correlation between these concepts. It is especially urgent due to the fact that the term sub-institution itself is not used by the official doctrine and law enforcement. Such analysis allows us to clarify the indicators of sub-institution of law and the grounds for its correlation with the institute of criminal law. Such approach encourages the author to identify the characteristics of criminal law sub-institution as an element of structure of criminal law institution, examine existing academic opinions on sub-institution and its place in the system of criminal law.

Keywords: sub-institution of criminal law, institute of criminal law, system of criminal law, normative prescription of criminal law, evolution of the structure of law

The author

Sergey P. Usenko, Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia.

E-mail: 2682135@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1961-8583>

УДК 94

Г. В. Кретинин

**РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ ИНЖЕНЕРЫ
В ПРУССКОЙ КАМПАНИИ 1757-1762 ГОДОВ**

44

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 05.02.2023 г.

Принята к публикации 15.03.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-5

Для цитирования: Кретинин Г.В. Российские военные инженеры в прусской кампании 1757–1762 годов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 2. С. 44–52. doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-5.

Рассмотрена деятельность русских военных инженеров, действовавших под началом Д.И. Дебоскета в армии С.Ф. Апраксина на территории Пруссии во время Семилетней войны. Показано, что по мере занятия провинции русскими войсками менялись задачи, стоявшие перед военными инженерами: происходил переход от оборудования путевой инфраструктуры к восстановлению оборонительных сооружений. Восстановительные работы осложнялись рядом обстоятельств, к числу которых относились нехватка военных инженеров на местах в силу их нахождения в действующих частях на фронте, ограниченная возможность привлечения местного населения к восстановлению укреплений, а также скудное финансирование строительных работ. Отмечена активная роль губернатора провинции В.И. Суворова в восстановлении фортификационных объектов, в частности крепости Пиллау. Охарактеризовано участие русских инженеров в спасательной операции в районе Лабиау в январе 1761 г., в ходе которой осуществлялась эвакуация местных жителей и их имущества из затопленных в результате шторма населенных пунктов. Последним аккордом деятельности военных инженеров стало обеспечение вывода русских войск из Пруссии в августе 1762 г.

Ключевые слова: Семилетняя война, Пруссия, прусская провинция, русские военные инженеры, оборонительные сооружения, крепости, мосты, переправы

Военные инженеры русской армии ведут свою историю от времени Петра I. Он непосредственно занимался созданием первых инженерных школ, специальных подразделений, органов управления, набирал специалистов. Так в русской армии появился корпус военных инженеров [12, с. 4–7].

Российские исследователи отмечали, что «при образовании корпуса инженеров император Петр I предполагал разделить их на два разряда:

гарнизонные и полевые» [11, с. 682]. Гарнизонные инженеры были строителями крепостей, воинских зданий, сооружений. Они несли службу в важных и крупных крепостях, решая фортификационные проблемы.

Рязряд полевых инженеров предназначался для применения в более разнообразной деятельности непосредственно в войсках, где независимо от звания они должны были использоваться следующим образом: «быть при армии для ведения маршрутов и снятия мест, а особливо расположения атаки, ведения траншей и все, что к закрытию (защите и расположению. — Г.К.) людей и оружия по искусству их принадлежит» [7, с. 27].

Таким образом, происходило определенное смещение специалистов двух ведомств — инженерного и квартирмейстерского. При этом инженерная составляющая явно преобладала, что естественно: сказывалось обучение инженерному делу в военных школах, квартирмейстеров же в России пока не готовили.

Между тем организация разведки и передвижения войск, составление дислокаций и планов военных действий, изучение театра военных действий требовали специальных знаний и навыков.

Семилетняя война 1756—1763 гг., один из крупнейших вооруженных конфликтов в Центральной Европе между Пруссией и Англией с одной стороны и Австрией и Францией — с другой, началась 17 (28) августа 1756 г. с вторжения армии Прусского королевства в Саксонию. Обе коалиции были поддержаны другими европейскими государствами, не игравшими значимой роли в европейской политике. 31 декабря 1756 г. (11 января 1757 г.) Россия присоединилась к Версальскому договору 1756 г. между Францией и Австрией и гарантировала свое участие в начавшейся войне [1, с. 426—427]. Семнадцатого января¹ инженер генерал-майор Д.И. Дебоскет был назначен начальником инженеров в армии генерал-фельдмаршала С.Ф. Апраксина [2].

В инструкции графа П.И. Шувалова [17] Д.И. Дебоскету указывалось, что «инженерные офицеры определялись к дивизионным командирам и ко всем, отделяемым от армии начальникам отрядов; что офицеры эти... должны были сочинять подробные марш-карты всем местам, по которым следовали войска, описывать и исправлять дороги, снимать планы позиций и баталий, показывать на особых картах кантониры (квартиры местного населения для войск. — Г.К.) и винтер квартиры (зимние квартиры для войск. — Г.К.), вести подробные и обстоятельные журналы военных действий» [7, с. 29].

Пример в реализации на практике требований инструкции представил сам генерал-майор Д.И. Дебоскет. После вступления русской армии под командованием С.Ф. Апраксина в Пруссию первым населенным пунктом на ее пути стал г. Сталупяны (ныне г. Нестеров Калининградской области). Сохранился план этого города с автографом Д.И. Дебоскета.

¹ Здесь и далее по умолчанию указываются даты по старому стилю, кроме специально оговоренных случаев.

Несколько позже Дебоскет принял участие в составлении аналогичных планов городов Гумбины (ныне г. Гусев Калининградской области), Инстербург (ныне г. Черняховск Калининградской области), но наиболее впечатляющим стал разработанный им отчетный документ «План сражения под Гросс-Егерсдорфом (деревня близ Инстербурга, не сохранилась)» [14, прилож.].

План содержит две части — графическую и текстуальную. В последней приведены составы войск противников, дата составления документа — 22 ноября 1757 г. На этом плане есть автографы генерала Д. И. Дебоскета и чертежника — инженер-подпоручика Ф. Плаутина.

Полевые инженеры русской армии особо отличились в обеспечении похода русской армии в 1757 г. именно в прусской провинции. Сам поход был исключительно сложным, при постоянном воздействии на боевые порядки армии со стороны противника.

Во время марша строились дороги и мосты через реки Прегель, Ауксин, Илмес, Инстер, Мемель (Неман), мостовые переходы через овраги, укладывались гати (настил из бревен или хвороста для проезда через болото или топкое место) длиной по 80—100 м, устраивались откосы и оборудовались спуски к рекам. Так, 15 сентября армия шла «от деревни Дидлакен (пос. Тельманово Черняховского муниципального округа. — Г. К.) через небольшой ручей... по обе стороны берегов топь, для чего сделаны мосты и гати, и для свободного марширования армии за оным ручьем расчищен кустарник на версту. Потом через поля и луговые места с находящимися буераками с грязью и частыми малыми рвами, через которые также в некоторых местах сделаны были гати и мосты» [5, с. 61].

Исследование архивных документов, показало, что только по территории восточной части Пруссии русская армия прошла около 350 км [13, д. 1, л. 5—27; 10, с. 26—27].

Русское военное командование уделяло особое внимание не только оборудованию путей сообщения, но и обеспечению армии дорожной и инженерной инфраструктурой. Первым, кто придал значение состоянию оборонительных сооружений в провинции, обеспокоившись их общей запущенностью, был генерал В. В. Фермор [16]. Еще летом 1757 г., взяв Тильзит (ныне г. Советск Калининградской области), В. В. Фермор в инструкции новому коменданту города Ивану Нумерсу дал указание немедленно приступить к работам по приведению старого ретраншемента (вспомогательного оборонительного сооружения внутри или позади главной линии обороны крепости) в оборонительное состояние: «Того ради объявленному ретраншементу план прилагается по которому имеете вы ведомое старание приложить и дать как ретраншемент подновить, так и для прикрытия плотины и мельницы блокгауз (сооружение с бойницами для ведения огня и для проживания гарнизона. — Г. К.) из одного дому приготовить, а к тому исправлению оставлен инженерной команды офицер и рядовые» [13, д. 143 (9), л. 529].

В январе 1758 г. русские войска заняли всю прусскую провинцию. Для ее управления была образована российская администрация, назначен генерал-губернатором В. В. Фермор, население приведено к прися-

ге на верность императрице Елизавете Петровне (см. подробнее: [1, с. 465; 9, с. 193]). После того, как весной 1758 г. В. В. Фермор убыл с войсками на театр войны за Вислу, сохранив должность генерал-губернатора, губернатором был назначен барон Н. А. Корф² [13, д. 9, л. 7].

В. В. Фермор, убывая в поход, оставил новому руководителю провинции инструкцию: собирать налоги; следить, чтобы населению не было обид от расквартированных в провинции войск; соблюдать правосудие; развивать торговлю и т. д. Поскольку шла война, надо было быть готовым к любому развитию событий, поэтому особое внимание нового губернатора он обращает на то, чтобы «имеющиеся крепости и около Кёнигсберга ретраншемент по учиненным проектам наисильнейше исправлять, до осени в оборонительное состояние привести, артиллерией и амуницией снабдить» [Там же].

Предстояла большая работа. Исследователи сообщают, что в Кёнигсберге «ограда (крепостной вал. — Г. К.) во многих местах имела профиль недостаточно сильную и вообще находилась в весьма неудовлетворительном для обороны состоянии. Исправить на всем протяжении подобного рода ограду, по причине ее обширности и ограниченных средств, было невозможно, а потому положено было ограничиться производством только тех работ, которые были необходимы для обеспечения города от открытого нападения. Они заключались в прикрытии всех городских ворот наружными укреплениями»³ [11, с. 393].

Особое внимание русскими фортификаторами было уделено Фридрихсбургской цитадели — внутреннему укреплению крепости Кёнигсберг, имевшему самостоятельное оборонительное значение. Это сооружение было возведено еще в 1657 г. при бранденбургском курфюрсте Фридрихе Вильгельме [4, с. 112]. Уже в январе 1758 г. российский инженер-фортификатор майор М. Муравьев представил на рассмотрение генерал-губернатору детальный план самой цитадели и находившихся на ее территории оборонительных и хозяйственных построек: кирхи, арсенала, порохового погреба, комедантского дома, офицерских и солдатских караулен, колодничей (для содержания задержанных) и др. Обветшавшие сооружения требовали срочного восстановления.

Но речь шла не только о Кёнигсберге и Фридрихсбурге. В Пиллау и Мемеле военные коменданты также приступили к наведению должного порядка в крепостных сооружениях. Старшим военным начальником стал инженер-полковник барон Демолин⁴ [13, д. 93, л. 44].

В августе 1758 г. под Цорндорфом армия В. В. Фермора сражалась с прусскими войсками под командованием самого Фридриха II. Сраже-

² Николай Андреевич Корф (1710–1766), в должности губернатора находился до конца 1760 г., затем — генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга, генерал-аншеф [8].

³ Текст воспроизводится в соответствии с современными нормами русского языка.

⁴ Демолин — инженер-полковник, в августе 1757 г. занимался рекогносцировкой местности в долине рек Прегель и Алле, в 1758–1760 гг. — ремонтом оборонительных сооружений Кёнигсберга, Пиллау и Мемеля [6].

ние было тяжелым, кровопролитным, и каждый из противников посчитал себя победителем. В.В. Фермор продолжал оставаться и военным руководителем провинции, и главнокомандующим русской армией. В то же время он пишет губернатору Н.А. Корфу о том, что обстановка на фронте остается неясной, и вновь обращает внимание на ремонт укреплений Пиллау и Мемеля.

Так как объемы намеченных работ были большими, в помощь русским инженерным командам привлекались местные жители, работа которых оплачивалась из военной казны. Работа над совершенствованием крепостных сооружений велась, но появились сложности: в подчинении Н.А. Корфа практически не осталось личного состава российских военнослужащих, занимавшихся инженерным делом — буквально все ушли на фронт. В каждой крепости оставались один-два инженерных офицера, в связи с чем приходилось интенсивнее вовлекать в работу местное население. Однако здесь были ограничения. В.В. Фермор приказал губернатору не отрывать крестьян от летних работ в поле, от уборки урожая, отметив: «В Кёнигсберге много людей, можно использовать и их» [13, д. 93, л. 20].

Более того, он ограничил расход военной казны на оплату труда пруссаков, разрешил использовать контрибуционные деньги. Что касается жалоб городов на их бедность, отсутствие средств из-за военной кампании 1757 г., то генерал-губернатор был категоричен: «...а что при сем каморы отговариваются, будто другие города платить контрибуцию не в состоянии, то сие за правду почесть невозможно, ибо кроме Мемеля и Рагнита прочие города прошлого году ничего не потерпели и еще от российских войск те места, куда армия маршировала, немалые деньги получили (постой войск оплачивался из военной казны. — Г.К.). Вы можете и перераспределять контрибуцию между городами» [Там же].

Естественно, наибольшую значимость в фортификационном строительстве играла сама крепость Кёнигсберг. Город имел 8 ворот, для оборудования различного рода ретраншементов, равелинов, глассисов, редюитов только работных людей требовалось не менее 100 человек на каждые ворота [Там же, л. 12].

Реконструкцией Фридрихсбургской цитадели занимался инженер-капитан Иван Лукомский. Ему предстояло восстановить ров, оборудовать глассис, осуществить ряд внешних и внутренних пристроек. «Оная работа ныне исправляется определенными из амтов людьми двумстам пятидесят двумя человеками с 6 числа сего июля месяца, которая по примеру естли дни благополучные будут оными людьми во окончание приведена быть имеет в сентябре месяце...» [13, д. 111, л. 2]. Однако объемы работ были определены неточно, местность вокруг цитадели оказалась излишне болотистой, потребовался подвоз значительного количества грунта, на оборудование палисада — более 400 свай длиной свыше 4 сажень (1 сажень равняется 2,13 м).

Восстановлением крепости Пиллау занимался инженер-капитан Андрей Панин. По взглядам русского военного командования Пиллау «назначалась местом пристанища нашему флоту и, в особенности, транс-

портным судам... Крепость состояла из пяти бастионных фронтов с равелинами; внутри нее находились строения, необходимые для жилья гарнизона и для помещения запасов; необширный и совершенно открытый городок занимал, отдельно от крепости, оконечность мыса» [11, с. 394].

Располагалась крепость на песчаной косе, находившейся под воздействием ветров, морских течений, поэтому требовала постоянного контроля целостности берегов и соответствующих ремонтных работ.

Необходим был и контроль расхода средств. Летом 1758 г. было определено, что для ремонта гавани в Пиллау требовалось более 1000 талеров, для строительства плотины — 6,5 тыс. талеров. Таких средств у русского командования, естественно, не было: на ремонт больверка выделили 770 талеров, на строительство плотины — 1600. Одновременно комендант крепости Родион Гергель получил указание из Кёнигсберга: «...изволите находящемуся в Пилаве инженерному офицеру от себя предложить, чтоб он помянутые в больверке места тако прожектировал, плотину освидетельствовал, описал» и новый проект представил по команде [13, д. 144, л. 2].

Между тем положение на фронте изменилось. Возможность Фридриха II как-либо противодействовать российским интересам в Прибалтике исчезла. Одновременно в главной Канцелярии артиллерии и фортификации (в Санкт-Петербурге) складывалось понимание того, что можно сократить расходы на ремонт и содержание крепостных сооружений в Пруссии.

Тридцатого сентября 1759 г. в Кёнигсберг поступает указ Елизаветы Петровны об остановке работ в прусских крепостях и переводе инженерного состава в армию [13, д. 328, л. 45]. В указе разрешалось проводить только небольшой внутренний ремонт укреплений. Денег из казны не выделялось.

Однако в Пиллау к этому времени сложилась критическая ситуация: очередные шторма привели к разрушению защитных сооружений. Новый комендант города Гиришгенд был вынужден обратиться по команде к губернатору Н. А. Корфу за разрешением на исправление повреждений. Обращение было направлено к пока еще исполнявшему свои обязанности генерал-губернатору В. В. Фермору, но, поскольку его властные полномочия прекращались, решение по обращению не было принято.

В конце 1760 г. губернатором провинции становится В. И. Суворов [15], отец будущего генералиссимуса А. В. Суворова. В. И. Суворов сообщает старшему военному начальнику А. Б. Бутурлину, что Пиллауской крепости от повреждений берега угрожает большая опасность «ибо по продолжающимся сильным и чрезвычайным ветрам больверк (защитная стенка морского берега. — Г. К.) вдоль глассиса так попортился, что земля почти на две сажени внешней стороны обвалилась и ест ли де в скором времени для починки потребных приготовлений зделано не будет, то море со рвом крепости без сомнения соединится, чрез то и город от крепости отрезан быть может» [13, д. 328, л. 46]. В. И. Суворов под

свою ответственность принимает решение об активизации работ и докладывает: «...приказал выполнять работы по смете до 530 талеров. Командант мне докладывает, что поврежденные места уже многие в прежнее и лучшее состояние уже приведены. О чем и докладываю» [Там же].

Главнокомандующий идет навстречу губернатору и уже в феврале 1761 г. полностью отдает решение вопроса на усмотрение В. И. Суворова с условием новое в крепости Пиллау не строить, а старое восстановить, используя средства главной Канцелярии артиллерии и фортификации [Там же].

В последующем немецкое население Пиллау в память о русских строителях-фортификаторах назвало эту набережную «Russische Damm» (Русская дамба). Топоним «пережил» наполеоновское нашествие, обе мировые войны. В современном Балтийске это «Русская набережная».

С именем В. И. Суворова не без оснований связывают и проведение русскими военными инженерами спасательной операции в районе Лабиау. Территория северо-западного района провинции располагалась в низменной части на берегу залива. Сильный шторм в январе 1761 г. разрушил береговые дамбы, снес мосты. Было затоплено 72 деревни [13, д. 376, л. 73].

Суворов взял под личный контроль проведение аварийно-спасательных работ. Требовал еженедельных подробных отчетов от офицеров-руководителей: где, что сделано, как и сколько подвод выделялось. Ответственность за выполнение работ (материальное обеспечение, выделение работников) возложил на руководство Гумбинненской каморы. Непосредственным руководителем всей спасательной операции был назначен капитан Александр Обрезков. Неотложные работы были завершены к ноябрю 1761 г. В признание заслуг А. Обрезкова В. И. Суворов обращался к нему в своем письме со следующими словами: «...не оставляет вам за такое ваше к соблюдению интересов попечение и старание объявить вам похвалу и моего удовольствия рекомендацию» [Там же, л. 160].

После смерти императрицы Елизаветы Петровны, между Пруссией и Россией начались переговоры о мире, который и был заключен 24 апреля (5 мая) 1762 г. Российские войска стали готовиться к уходу из провинции: 11 (22) июля 1762 г. главнокомандующий русской армией П. С. Салтыков получил приказ о возвращении прусских территорий Фридриху II: «... все Королевство Прусское от занятия освободить» (цит. по: [3, с. 106]). Так Россия завершила свое участие в Семилетней войне.

В августе 1762 г. начался вывод войск. Подготовка, оборудование маршрутов движения войск — эти задачи потребовали значительных затрат (как моральных, так и материальных) от всей группировки российских войск в Пруссии и особенно от российских инженерных подразделений и их личного состава. Вывод войск был успешно осуществлен.

Список источников и литературы

1. Анисимов М. Ю. Российская дипломатия и Семилетняя война. М., 2021.

2. *Апраксин* Степан Фёдорович // *Краснов В., Дайнес В. Русский военно-исторический словарь*. М., 2002. С. 36.
3. *Бильбасов В. А.* История Екатерины Второй. Берлин, 1900. Т. 2.
4. *Гаузе Ф.* Кёнигсберг в Пруссии: история одного европейского города / пер. с нем. В. Хердта и Н. Конрад. Реклингхаузен, 1994.
5. *Голованова Л. Д., Кретинин Г. В.* О походе русской армии в Пруссию в 1757 году // *Калининградские архивы*. Калининград, 1998. Вып. 1. С. 44 – 63.
6. *Демолин // Костяшов Ю., Кретинин Г.* Россияне в Восточной Пруссии : в 2 ч. Калининград, 2001. Ч. 1 : Биограф. словарь. С. 78.
7. *История русского Генерального штаба / сост. Н. П. Глиноецкий*. СПб., 1883. Т. 1 : 1698 – 1825 г.
8. *Корф Николай Андреевич // Костяшов Ю., Кретинин Г.* Россияне в Восточной Пруссии : в 2 ч. Калининград, 2001. Ч. 1 : Биограф. словарь. С. 112 – 113.
9. *Кретинин Г. В.* Под управлением российских губернаторов (1757 – 1762 гг.) // *Очерки истории Восточной Пруссии*. Калининград, 2006. С. 184 – 215.
10. *Кретинин Г. В., Новиков А. С.* Прусский маршрут русской армии в 1757 г. : ист. очерк / под ред. Е. С. Манюк, В. В. Макогоновой. Калининград, 2022.
11. *Ласковский Ф. Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1865. Ч. 3.
12. *Ольшанский А. В., Денисов Б. М., Диденко Г. Д., Кичатов Ф. З.* Школа военных инженеров / под ред. В. В. Жигайло. М., 1980.
13. *Российский государственный архив древних актов*. Ф. 25. Оп. 1.
14. *Семилетняя война*. Материалы о действиях русской армии и флота в 1756 – 1762 гг. М., 1948.
15. *Суворов Василий Иванович // Костяшов Ю., Кретинин Г.* Россияне в Восточной Пруссии : в 2 ч. Калининград, 2001. Ч. 1 : Биограф. словарь. С. 210 – 211.
16. *Фермор Виллим Виллимович // Военный энциклопедический словарь*. М., 1983. С. 777.
17. *Шувалов Пётр Иванович // Бантыш-Каменский Д. Н.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов : в 4 ч. М., 1991. Ч. 1. С. 300 – 308.

Об авторе

Геннадий Викторович Кретинин – д-р ист. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: gvketinin@gmail.com

G. V. Kretinin

RUSSIAN MILITARY ENGINEERS IN THE PRUSSIAN CAMPAIGN OF 1757 – 1762

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 5 February 2023

Accepted 15 March 2023

doi: 10.5922/ sikhbfu-2023-2-5

To cite this article: Kretinin G. V. 2023, Russian military engineers in the Prussian campaign of 1757 – 1762, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 44 – 52. doi: 10.5922/ sikhbfu-2023-2-5.

The author studies the activity of Russian military engineers operating under the command of D.I. Debosket in the army of S.F. Apraksin on the territory of Prussia during the Seven Years' War. It is shown that as the province was occupied by Russian troops, the engineering tasks were changing: there was a transition from equipping the track infrastructure to restoring defensive facilities. Restoration work was complicated by a variety of circumstances, including the lack of military engineers in the field due to their presence at the front line, the limited possibility to engage the local population in the fortifications' restoration, as well as poor funding for construction work. The research focuses on the active involvement of V.I. Suvorov, the governor of the province, in the restoration of fortification objects, in particular the Pillau fortress. The article describes the participation of Russian engineers in the rescue operation in the Labiau area in January 1761, which included the evacuation of local residents and their property from the settlements flooded by the storm. The last chord of the military engineers activity was ensuring withdrawal of Russian troops from Eastern Prussia in August 1762.

Keywords: Seven Years' War, Prussia, Prussian province, Russian military engineers, defensive structures, fortresses, bridges, crossings

The author

Prof. Gennady V. Kretinin, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: gvkretinin@gmail.com

Ю. В. Костяшов

БОРЬБА СЕРБОВ В АВСТРИИ ПРОТИВ УНИИ В XVIII ВЕКЕ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 09.04.2023 г.

Принята к публикации 20.04.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-6

53

Для цитирования: *Костяшов Ю. В.* Борьба сербов в Австрии против унии в XVIII веке // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №2. С. 53–63. doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-6.

Рассматривается положение сербского народа и православной церкви под властью Австрии со времени окончания войны Священной лиги с Турцией в конце XVII в. до эпохи йозефинизма. Переселившиеся в Австрию сербы с самого начала стали испытывать ассимиляторскую политику властей, главным инструментом которой было навязывание сербам унии с римско-католической церковью. Источниками для исследования послужили нормативные и распорядительные акты органов власти разного уровня, решения сербских народно-церковных соборов, официальная и частная корреспонденция, а также не публиковавшиеся ранее дипломатические документы из фонда российского посольства в Вене. В статье выявляются основные направления политики государства и римско-католической церкви по отношению к сербам и анализируется реакция последних на попытки заставить их принять унию. Делается вывод, что наибольшее сопротивление унии оказали жители городов, тогда как православные архиереи проявляли большую склонность к компромиссу с властями. В борьбе против унии сербы пытались заручиться поддержкой крупнейшей православной державы. Россия, со своей стороны, оказывала сербам помощь, причем ее объем во многом определялся позицией и личными взглядами на «сербский вопрос» русских послов в Вене. В заключение подчеркивается, что благодаря активной позиции сербского городского сообщества и протекции со стороны России австрийским сербам удалось на протяжении всего XVIII в. сохранять приверженность вере предков и самостоятельность своей церковной организации, что стало залогом сохранения их национально-культурной идентичности в чуждом инонациональном окружении.

Ключевые слова: Австрийская монархия, Россия, сербы, православная церковь, борьба с унией, Карловицкая митрополия, XVIII век

Балканы всегда были объектом особого внимания со стороны римско-католической церкви, а с созданием в 1622 г. при папской курии конгрегации пропаганды веры деятельность католических миссий охватила и сербские земли под властью Турции [31, с. 164–166]. Но наиболее активный период «униачения» сербов пришелся на XVIII век, когда значительная часть сербского народа в результате Великой турецкой войны 1683–1699 гг. оказалась в составе Австрийской монархии.

И хотя изучение сопротивления унии со стороны православных подданных Габсбургов еще далеко от завершения [16, с. 220–221], в сербской историографии сложился консенсус относительно негативной роли римско-католической церкви в истории сербского народа [23, с. 161–165]. Отношение австрийских властей к некаатолическим христианским конфессиям в XVIII в. (не только к православным, но и к протестантам) нередко характеризуется как «политика религиозного террора» [15], а конечной целью Вены считается «полное подчинение сербской церкви государству» [24, с. 32–35]. Есть и попытки оспорить эту точку зрения, хотя они исходят не от историков, а от специалистов из смежных областей гуманитарного знания [28, с. 193–197].

Целью настоящей статьи является определение содержания религиозной политики Габсбургов по отношению к православным сербам на протяжении XVIII в. и характеристика реакции духовенства и мирян в связи с попытками навязать им унию. В качестве источников использованы акты австрийских органов власти разного уровня, постановления сербских народно-церковных соборов, официальная и частная переписка, а также документы Архива внешней политики Российской империи (реляции и депеши русских послов в Вене, касающиеся сербов рескрипты царей, документы Коллегии иностранных дел [1]).

Продвижение сербов под натиском турок-османов на север привело к созданию в XVI–XVII вв. сербских православных епархий в Хорватии, Венгрии и Далмации [22, с. 8–9; 30, с. 87–88]. Одним из последствий Карловицкого мира 1699 г. было разделение Печской патриархии: большая ее часть осталась в Османском царстве, а расположенные к северу от Дуная и Савы сербские епархии оказались под властью Габсбургов. С согласия австрийского правительства на этих землях в 1708 г. была учреждена Карловицкая митрополия (во главе с переселившимся сюда из Турции патриархом Арсением Черноевичем), в состав которой вошли 7 епархий с православным населением Австрийской монархии. При этом связь новообразованной митрополии с Печью ограничивалась сугубо каноническими вопросами, тогда как в административно-церковном отношении она была совершенно самостоятельной [6, с. 367; 7, св. 1, с. 62–63; 30, с. 105–106].

О положении сербской церкви под властью Габсбургов в начале XVIII в. можно судить по «Тайной записке» 1706 г. венгерского кардинала Леопольда Колонича, адресованной Иосифу I в ответ на жалобу патриарха об ограничениях в вере и притеснениях православных. Из нее узнаем, что власти установили почти полный запрет на возведение сербами новых церквей, а относительно старых, построенных еще при турках, они должны были предъявить «письменные доказательства» [9, с. 5–12]. Ссылаясь на условия функционирования православной церкви в Турецком царстве, кардинал призывает монарха не допускать выборов православных архиереев, включая и самого главу церкви, клиром и народом, а также запретить патриарху и епископам вмешиваться в мирские дела. И даже нижайшая просьба не называть сербов «срамным

именем шизматиков» была решительно отклонена, так как именно такого наименования, по мнению кардинала, достойны раскольники, изменившие католической вере [Там же, с. 13–14].

Однако более всего автор «Тайной записки» был озабочен стремлением новых австрийских подданных отстаивать веру своих предков и независимость собственной церковной организации. Вспомнив о главной проблеме в национально-государственном строительстве монархии Габсбургов — венгерском сепаратизме, он предупреждает об опасности обрести еще одного носителя подобных устремлений в лице сербов. Вот почему, по его мнению, следовало бы приложить максимум усилий, чтобы этот «варварский» народ «без большого шума» вернуть в лоно римской церкви, тогда как автокефалия Карловицкой митрополии была бы «совершенно противна интересам государства». Не иначе как «величайшей наглостью» он называет распространенную между «пребывающими в слепом тупоумии» сербами практику изгонять из своих рядов любого епископа или священника, осмелившегося принять унию, и рекомендует Иосифу I установить за такие действия строжайшее наказание [Там же, с. 18–22].

Несмотря на предпринятые усилия, священники-коллаборационисты раз за разом изгонялись слаженными действиями православной паствы. Этому не препятствовали даже налагаемые на приходские общины весьма внушительные штрафы [4, с. 59–63, 427–432, 435–436, 440–441; 7, св. 2, с. 195]. Показательна в этом отношении история принявшего в 1728 г. унию попа Михаила из окрестностей Пожаревца. Узнавший об этом митрополит Моисей решил не поднимать шума, чтобы «не было нам потом разных упреков». Однако местные православные активисты советам Моисея не последовали и вместе с гайдуками проучили Михаила — «схватили, связали и били», тем самым «от римского закона отучали» [5, с. 169, 171–174].

Не увенчались успехом и попытки внедрения католического богослужения в православных храмах явочным порядком, а во время походов «римских фратров» по домам для благословения жителей и окропления жилищ святой водой неблагодарный народ разбегался или «прятался под своими кроватями» [17, с. 132].

Затяжной и упорной оказалась борьба с унией, которую пришлось вести сербским граничарам (военным поселенцам) в трех православных епархиях на территории Хорватии — ее власти не считались с дарованными Леопольдом I привилегиями переселенцам из турецких земель. Бастионами православия в сербских анклавах стали 10 монастырей, которые являлись своеобразными хранителями религиозной идентичности и самобытных культурных традиций в чуждом католическом окружении [12, с. 9–33].

На протяжении почти всего XVIII в. продолжалась борьба за монастырь Марча — самую большую сербскую обитель, которую католический клир и власти Хорватии хотели сделать главным центром пропаганды и распространения унии в населенных сербами областях. По этому поводу монахи соседнего монастыря Лепавина в 1717 г. жалова-

лись, что назначенные латинянами священники-униаты вот уже несколько десятилетий «едят нас поедом» [29, с. 36]. А когда в 1738 г. Вена в очередной раз издала распоряжение о передаче Марчи в руки униатского епископа, монашеская братия в ожидании прибытия новоназначенца устроила в обители пожар, заранее перевезя книги, рукописи и все ценные вещи в надежное укрытие — находившиеся по соседству Северинский и Лепавинский монастыри [8; 10, с. 17–60].

«Государственный смысл» соединения своих новых подданных с римской церковью, по мнению Вены, состоял в том, что уния должна была стать не только барьером на пути возникновения сепаратистских настроений, но и эффективным способом смягчения «варварских нравов» и последующей интеграции православных сербов в государстве Габсбургов.

Навязывание унии осуществлялось по нескольким направлениям. Прежде всего власти пытались заставить сербов придерживаться григорианского календаря, распространяя его действие и на церковную жизнь. При этом католические праздники считались обязательными для сербов, а уклонение от участия в них наказывалось битьем розгами. Упорство правительства в этом вопросе объяснялось тем, что религиозная жизнь народа протекала в основном в русле церковных праздников и различия по времени их проведения служили существенным маркером, отличавшим сербов от «господствующих». Депутаты народно-церковных соборов Карловицкой митрополии в 1730 и 1732 гг. обращались к самому Карлу VI с просьбой освободить православных от участия в католических праздниках и не привлекать под угрозой штрафов и лишения свободы к общественным работам в дни, которые в старом юлианском календаре отводятся для церковных праздников, так что «времени совсем не остается, чтобы заработать себе на пропитание» [11, с. 23–24; 21, с. 283, 286–287].

Серьезной проблемой для сербской церкви стали запреты на образование новых приходов, строительство и ремонт храмов. Даже для установки нового колокола приходилось испрашивать разрешение и согласовывать свои действия с большим числом государственных институций, включая центральные органы власти. Карл VI, со своей стороны, в адресованном сербам указе 1722 г. специально подчеркнул, чтобы под видом ремонта сербы не вздумали бы «затевать перестройку храмов, а тем более новое строительство» [3, с. 11–13, 18–20, 32–33, 38–42, 81; 18, с. 113]. «Сколько же душ из-за этого умирают как животные без крещения», — жаловался на этот счет сербский архиепископ В. Йованович [5, с. 222].

Австрийские власти не только зорко следили за деятельностью православного клира, но и бесцеремонно вмешивались в дела православной церкви, препятствуя назначению епископов и других духовных лиц, каковых считали не вполне лояльными. Сербским архиереям запрещалось совершать пастырские поездки; фактически был ликвидирован институт церковного суда [5, с. 241; 18, с. 144]. Насмешки и оскорбления со стороны немцев и венгров по поводу православных обрядов,

а также манеры сербов молиться и бить поклоны были столь частыми, что, например, православная община Буды обратилась в 1720 г. в магистрат с жалобой на такое поведение католиков и протестантов, которое «не согласуется ни с какими обычаями, ни приличиями» [26, №1, с. 257–258]. Впрочем, эта жалоба, как и многие другие обращения сербов, осталась без ответа.

Большое значение в распространении унии отводилось образовательной сфере, обучению сербов латинскому языку через специальные школы (конвикты), приобщению их к основам немецкой культуры [14, с. 712; 21, с. 257; 22, с. 480–481]. Для сербов открытие своих национальных школ было приоритетной задачей. С этой целью в приходских храмах устанавливались специальные «школьные кассы» для сбора пожертвований [20, с. 175], вопрос о обучении детей «по-сербски» обсуждался практически на каждом народно-церковном соборе, а в текст присяги карловицких митрополитов по предложению светских депутатов в 1731 г. был включен наказ «о школах чрезвычайное попечение иметь» [27, с. 300, 305].

В проведении курса на внедрение унии и светские власти, и римское духовенство рассчитывали заполучить на свою сторону в первую очередь высший православный клир. В источниках первой половины XVIII в. имеется немало упоминаний о принятии унии целым рядом православных архиереев (правда, преимущественно ссылались на циркулировавшие слухи). Известно и о переговорах об унии, которые время от времени вели некоторые из сербских митрополитов в Вене [18, с. 168; 19, с. 463; 21, с. 258].

В начале 1730 г. митрополит М. Петрович через русского посланника в Вене Л. Ланчинского передал сообщение императрице Анне Ивановне об угрозах и давлении, которое оказывают на него в Вене, обещая ему, с другой стороны, при принятии унии звание кардинала, а народу — «немалое почтение, свободы и привилегии», а также «школы и учения». По словам митрополита, он отказался от кардинальской мантии, но теперь опасается за свою жизнь и рассчитывает при наихудшем раскладе все бросить, бежать из Австрии в Россию, дабы не пришлось «умереть в некоем заключении» [1, оп. 1, 1730 г., д. 8, л. 2–3, 5–8].

Оценивая позицию руководства Карловицкой митрополии по вопросу об унии, следует подчеркнуть, что заключение сделки в этом вопросе оказалось невозможным прежде всего вследствие непреклонной позиции православной паствы, в первую очередь жителей различных городов в Центральной и Южной Венгрии, где имелись многочисленные и влиятельные сербские общины. Эта позиция была ясно обозначена еще на соборе 1708 г., когда светские депутаты, представлявшие сербов из Буды, настояли на принятии решения, что каждого соединившегося с римской церковью священнослужителя следовало лишать сана и изгонять из своей среды. На соборе 1726 г., который проходил в обстановке распространявшихся слухов о тайных переговорах руководства Карловицкой митрополии по поводу принятия унии, объединенная «фракция» горожан предупредила «духовное сословие», что в слу-

чае измены православию народ откажется считать архиереев своими церковными предводителями [26, №1, с. 98, 101, 287]. Еще через пять лет, в ходе собора 1731 г., миряне настояли, чтобы новоизбранный митрополит Викентий Йованович поклялся оставаться верным вере предков «до последнего издыхания» и подлежал отлучению от церкви, если не устоит перед «диавольским наваждением» [26, №2, с. 104 – 105].

Отстаивая свое право на церковную и национально-культурную самостоятельность, сербы в Австрии пытались заручиться поддержкой и протекцией со стороны единой Российской империи. Однако в Петербурге к этим обращениям длительное время относились довольно прохладно. По составленной в 1727 г. рекомендации Коллегии иностранных дел, к таким обращениям следовало относиться «с благорассудною предосторожностью», а именно «руку помощи подать», но ни в коем случае не допустить ухудшения отношений с австрийским двором [1, оп. 1, 1727 г., д. 10, л. 1 – 2].

Такой подход не в последнюю очередь сформировался под влиянием российского посланника поляка Людвика Ланчинского, безвыездно пребывавшего в Вене три десятилетия с 1720 по 1751 г. [13]. Для него потоки жалоб сербов на притеснения, в которых положение православных в Австрии рисовалось самыми черными красками и иногда снабжалось довольно фантастическими подробностями, составляли, пожалуй, постоянную «головную боль». Ланчинский регулярно получал высочайшие рескрипты с требованием защитить единоверцев, да и сам осознавал, что великая православная держава не могла делать вид, что не слышит эти стоны о помощи братьев-славян.

Сначала посланник отделялся отписками, уповая на то, что «дело это деликатное» и его «зело искусно трактовать надобно, дабы вместо пользы не произошло умножение вреда». Потом он отважился откровенно заявить, что не усматривает в действительности тех тягостей, которые якобы наносятся сербам. Не раз Ланчинский рассказывал о так называемых «Леопольдовых привилегиях», с конца XVII в. определявших права и юридический статус сербов в Австрии, и даже пересылал в Петербург все их тексты с переводами, а впоследствии не раз отмечал «подтверждение и умножение оных» [1, оп. 1, 1729 г., д. 5, л. 255; 1731 г., д. 5, л. 185; 1734 г., д. 3, л. 1 – 35; 1743 г., д. 3-а, л. 236].

Будучи католиком, Ланчинский едва скрывал свою неприязнь к православному клиру. В своих репортажах он не уставал повторять, что сербы сами «меж собой согласия не имеют», а их предводители все время «живут в распре и междоусобии», что вера многих из них ненастоящая и только «в постах и крестах состоит». Высший клир, по его словам, только и думает, как бы народ в покорности и «слепой простоте» удерживать. А если среди сербов появляется какой-нибудь ученый муж, то «его выживают, дабы в проповедях народу глаз не раскрыл» [Там же, оп. 1, 1743 г., д. 3 л. 370 об.; 1745 г., д. 4, л. 470 об.; д. 5, л. 112 об.]. Похоже, что дипломат был искренне убежден, что постоянное будирование Россией сербского вопроса, на его взгляд, очень незначительного, способно если не совсем испортить, то сильно осложнить австро-русские отношения.

Эта осторожная позиция русской дипломатии существенно изменилась после того, как послом в Вену в 1750 г. был назначен Михаил Петрович Бестужев-Рюмин. Новый посол сразу установил тесные контакты со светскими и духовными предводителями сербов, взял на себя роль защитника и стал настойчиво ходатайствовать за них перед Елизаветой Петровной. Кроме того, Бестужев-Рюмин с большим энтузиазмом занялся организацией переселения всех желающих сербов из Австрии в Россию [Там же, оп. 1, 1750 г., д. 3, л. 268–272 об.]. Благодаря его стараниям на украинских землях возникли Новая Сербия и Славяно-Сербия — целые области с выходцами из Австрии, что способствовало укреплению южных границ империи [2].

Однако массовые миграции сербских подданных Габсбургов в Россию к началу 1750-х гг. серьезно омрачили отношения русского и австрийского дворов. Ответственным за этот дипломатический провал посчитали посла в Вене Михаила Бестужева-Рюмина. Канцлер и родной брат посла Алексей Петрович в письме по этому поводу императрице Елизавете назвал сербский вопрос «сущей безделицей» для двух союзных государств, из-за которого «приводит в малейшую холодность» взаимное понимание и дружбу «есть дело людей если не злых, то по крайней мере слепых; это бы значило из-за рубля потерять сто рублей» [25, с. 134]. В таких обстоятельствах оставаться при венском дворе Бестужев более не мог. На должности посла его сменил пользовавшийся полным доверием канцлера барон Герман Кейзерлинг, а обиженный учиненной по отношению к нему несправедливостью Михаил Петрович в письмах доверенным лицам назвал своего преемника человеком мягкотелым, ленивым и испорченным, открыто выражая опасения, как бы он по сербским делам «не стал шильничать» (мошенничать. — Ю. К.) в угоду немцам [Там же, с. 124].

Смена посла на первых порах благоприятно сказалась на австро-русских отношениях. Кейзерлинг постарался приглушить страсти вокруг миграции сербов. Явно сократилось количество визитеров в посольство, которое в бытность там графа Бестужева временами напоминало переселенческую контору. Сам посол редко принимал желавших переселиться в Россию сербов и всегда делал это «скрытным образом». Была также засекречена дипломатическая переписка: в Коллегии иностранных дел согласились с его предложением, чтобы «впредь отправляемые рескрипты о сербских делах в шифрах (шифром. — Ю. К.) писаны быть могли» [1, оп. 1, 1759 г., д. 5, л. 5].

Между тем царица Елизавета непременно хотела восстановить начатую Петром I политику поддержки зарубежных православных народов. Она неустанно требовала от своего посла в Вене вступаться за единоверных, положение которых в Австрии представлялось ей просто катастрофическим, что следовало из поступающих к ней из Цесарии сербских грамот. Особенно ее поразил описанный в одной из жалоб закон, будто бы принятый в 1754 г., согласно которому православные сербы, выступающие против унии, осуждались на смертную казнь через повешение или четвертование. Большое впечатление производили и карти-

ны произвола латинян, которые, как следовало из писем, строят всяческие козни, постоянно препятствуют службе в греческих храмах, изгоняют из них верующих, оскверняют православные святыни и не останавливаются даже перед тем, чтобы «на олтари взлазить» и устраивать такие непотребства, «кои и в законных супружествах там не дозволяются» [Там же, оп. 1, 1757 г., д. 7-с, л. 169–173 об.].

На основании такого рода жалоб по указанию императрицы в КИД была составлена обширная нота протеста в адрес австрийских властей, которую в конце 1757 г. российский посол передал канцлеру Кауницу. В ответ последний заявил, что закон о казнях для верующих греческого обряда никогда не существовал, а другие обвинения назвал «бесстыдной ложью». Кейзерлинг чувствовал себя неловко, так как вынужден был признать, что к реальным фактам притеснений сербские просители склонны были прибавлять самые разные небылицы и фантастические подробности, которые столь безотказно действовали на чувствительную русскую царицу [Там же, оп. 1, 1757 г., д. 7-с, л. 174–179].

Понимая, что подобные демарши ничем не помогут сербам и лишь осложнят отношения с Габсбургами, и будучи дипломатом с системным мышлением, Кейзерлинг предложил подвести под политику покровительства России над православными в Австрии прочную юридическую основу.

Свои предложения по «сербскому вопросу» он впервые сформулировал в реляции царице 16 (27) сентября 1758 г., высказав мнение, что вопрос о соблюдении всех «правостей и привилегий» исповедников греческой веры следовало бы поставить на обсуждение с австрийским правительством «при будущих мирных переговорах», то есть в ходе переговоров о мире по завершении шедшей в то время Семилетней войны, либо включить пункт о «свободном отправлении их Божией службы» и обучении в собственных школах при заключении иных межгосударственных трактатов. Тем самым у России «для передуполучения право требовать того по силе договоров, чего ныне и просить едва позволяется» [Там же, оп. 1, 1758 г., д. 7, л. 315].

Обосновывая свою идею, он в качестве примера приводил трактаты Петра I с Речью Посполитой, в которых русский царь отстаивал свое право покровительствовать православным диссидентам в Польше [Там же, оп. 1, 1758 г., д. 7, л. 315 об.]. В реляции от 26 декабря 1758 г. (6 января 1759 г.) предложение посла получило окончательное оформление и аргументацию. К уже упомянутым требованиям Кейзерлинг счел необходимым добавить то, что право российского покровительства над единоверцами должно быть утверждено не только Веней, но и «от всех высоких содоговаривающихся сторон вообще и особливо гарантировано было». И впредь, считал посол, при выработке договоров о союзе со всеми державами следовало бы всякий раз включать в них «сей артикул», тем самым можно будет добиться пресечения злоупотреблений со стороны венского, турецкого или иных дворов, а «Россия отворит себе путь к сообщению с живущими в здешних землях исповедни-

ками греческой веры», а «через сие самое российская знатность и партия как здесь, так и в отдаленнейших местах умножаться станет» [Там же, оп. 1, 1758 г., д. 7-а, л. 210–211].

Проект Кейзерлинга, судя по некоторым пометам на оригиналах его реляций, не остался незамеченным, но и реализован не был. Мирные переговоры, на которых посол и предлагал поставить «сербский вопрос», состоялись только через несколько лет. К этому времени о проекте успели забыть, да и сам Кейзерлинг уже служил в другом месте и занимался совсем другими проблемами.

Между тем облегчение в положении сербской православной церкви в Австрии наступило лишь в эпоху йозефинизма. Среди реформ Иосифа II одним из первых был обнародован патент о веротерпимости 1781 г., которым христианам, не принадлежавшим к римско-католической церкви, были дарованы гражданские права. Для православных сербов этот акт означал прекращение десятилетиями осуществлявшегося государством Габсбургов курса по подчинению Карловицкой митрополии папскому престолу и склонению сербов к унии.

Сообщивший эту новость в Петербург посол князь Д. М. Голицын, который к тому времени уже 20 лет занимал этот пост в Вене, едва ли не с восторгом писал о пролившихся на православных подданных австрийского цесаря милостях, которые отныне дают им возможность открыто и безопасно исповедовать старинную веру своих предков [Там же, 1781 г., оп. 6, д. 640, л. 64].

С конца XVII в. на протяжении почти целого столетия часть сербского народа, оказавшаяся в составе Австрийской монархии, находилась под жестким прессом принуждения к признанию власти папы со стороны государства, венгерских и хорватских властей, а также латинского клира. С точки зрения правящей бюрократии и католических прелатов навязывание унии было наиболее действенным инструментом «цивилизации» — по сути, ассимиляции — этого «своенравного и дикого народа».

И все-таки сербы сумели противостоять ассимиляторскому курсу Габсбургов. Наиболее активными противниками принятия унии были не православные архиереи, а широкие слои верующих мирян, прежде всего представители «городского сословия», которые играли важную роль на народно-церковных соборах. В своей вере, в существовании автокефальной Карловицкой митрополии они видели гарантию сохранения своих прав как отдельного, самостоятельного этнического меньшинства в чуждом инонациональном и религиозном окружении, а также залог сохранения связи с покинутым ими Отечеством.

Список источников и литературы

1. *Архив* внешней политики Российской империи. Ф. 32 (Сношения России с Австрией).
2. Бажова А. П. Из югославянских земель — в Россию // Вопросы истории. 1977. № 2. С. 124–137.

3. *Гавриловић С., Јакишић И.* Грађа о православним црквама Карловачке митрополије XVIII века. Београд, 1981.
4. *Гавриловић С., Јакишић И.* Извори о Србима у Угарској с краја XVII и почетком XVIII века. Београд, 1987. Књ. 1.
5. *Грађа за историју Београда од 1717 до 1739.* Београд, 1958. Књ. 1.
6. *Грујић Р.М.* Автокефалност Карловачке Митрополије // Гласник Историјског друштва у Новом Саду. 1929. Књ. 2, св. 3. С. 365—379.
7. *Грујић Р.М.* Проблеми историје Карловачке митрополије // Гласник Историјског друштва у Новом Саду. 1929. Књ. 2, св. 1. С. 53—65; св. 2. С. 194—204.
8. *Грујић Р.М.* Пропаст манастира Марче. Загреб, 1909.
9. *Како се поступало са српским молбама на двору ћесара австријског.* Нови Сад, 1906.
10. *Кашић Д.* Отпор марчанске унији. Аранђеловац, 1986.
11. *Кашић Д.* Срби и православље у Славонији и Северној Хрватској. Загреб, 1967.
12. *Кашић Д.* Српски манастири у Хрватској и Славонији. Београд, 1971.
13. *Костяиов Ю.В.* Российский посланник в Вене Людвик Ланчинский (1721—1757) // Проблемы истории международных отношений в новое время. Смоленск, 2002. С. 150—158.
14. *Кудрявцев А.* Церковный вопрос в Австрии // Христианское чтение. 1870. № 4. С. 709-740.
15. *Марјановић Ч.* Историја српске цркве. Београд, 2001.
16. *Милтојевић М.* Српска историографија о унијаћењу Срба у седамнаестом веку // Историографија и савремено друштво. Ниш, 2014. С. 220—230.
17. *Михаљић С.* Привредна снага српског народа у прошлости // Браство. 1932. Књ. 26. С. 126—145.
18. *Мојсије Петровић,* митрополит београдски. 1713—1730 // Споменик Српске Краљевске Академије. 1898. №34. С. 81—200.
19. *Око сабора у Карловци 1715* // Гласник Историјског друштва у Новом Саду. 1930. Књ. 3, св. 3. С. 463—465.
20. *Правила епископа Висариона Павловића* // Беседа. 1868. №22. С. 175—176.
21. *Прилози за историју Срба у Угарској у XVI, XVII и XVIII век.* Нови Сад, 1908.
22. *Радонић Ј.* Римска курија и јужнословенске земље од краја XVI до XIX века. Београд, 1950.
23. *Раковић А.* Кратак преглед улоге римокатоличке цркве у нарушавању српске државности и разбијању југословенске државности // Национални интерес. 2018. №3. С. 159—174.
24. *Слијепчевић Ђ.* Историја српске православне цркве. Београд, 2002. Књ. 2.
25. *Соловьев С. М.* Соч. М., 1994. Кн. 12.
26. *Споменици из будимског и пештанског архива.* Београд, 1873. №1—2.
27. *Српски народни сабор месеца маја 1730 у Београду* // Летопис Матице Српске. 1872. Књ. 113. С. 294—309.
28. *Тодоровић Д.* Верски плурализам у јужнословенским земљама: историјат и садашњост // Годишњак за социологију. 2005. №1. С. 187—205.
29. *Три писма калуђера из манастира Лепавина* // Старинар. 1891. №1-2. С. 34—44.
30. *Чубриловић В.* Одабрани историјски радови. Београд, 1983.
31. *Varišić S.* Katolička crkva u Srbiji i Beogradu // Religija i tolerancija. 2006. №6. С. 163—176.

Об авторе

Юрий Владимирович Костяшов — д-р ист. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: ikostyashov@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9732-0187>

Yu. V. Kostyashov

**STRUGGLE OF THE SERBS IN AUSTRIA AGAINST
THE UNION WITH THE CATHOLIC CHURCH IN THE 18TH CENTURY**

63

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 9 April 2023

Accepted 20 April 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-6

To cite this article: Kostyashov Yu. V. 2023, Struggle of the Serbs in Austria against the union with the Catholic Church in the 18th century, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 53–63. doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-6.

The author examines the position of the Serbian people and the Orthodox Church under Austrian rule since the end of the Holy League war with Turkey from the end of the 17th century to the era of Josephism. After having settled in Austria, the Serbs were exposed to the assimilation policy of the authorities, the main instrument of which was the union with the Roman Catholic Church imposed on the Serbs. The sources for the study were normative and administrative acts of authorities at various levels, decisions of the Serbian people's church councils, official and private correspondence, as well as previously unpublished diplomatic documents from the fund of the Russian embassy in Vienna. The article identifies the main directions of the state policy and the Roman Catholic Church towards the Serbs and analyzes Serbian response. It is concluded that the inhabitants of the cities greatly resisted the union while, while the Orthodox bishops showed a tendency to compromise with the authorities. In the struggle against the union, the Serbs tried to apply for the support of the largest Orthodox power. Russia, for its part, provided assistance to the Serbs, and its volume was largely determined by the position and personal views on the "Serbian issue" of the Russian ambassadors in Vienna. In conclusion, it is emphasized that thanks to the active position of the Serbian urban class and patronage from Russia, the Austrian Serbs managed to maintain their adherence to the faith of their ancestors and the independence of their church throughout the 18th century. This became the key to preserving their national and cultural identity in an alien, foreign environment.

Keywords: Austrian monarchy, Russia, Serbs, Orthodox Church, struggle against the union, Metropolis of Karlovci, 18th century

The author

Prof. Yury V. Kostyashov, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: ikostyashov@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9732-0187>

М. А. Жиркова¹, О. В. Капустина²

**«В НЕДРАХ НАРКОМПРОСА ЗАЯВЛЕНИЕ МОЕ ЗАТЕРЯЛОСЬ»:
ПРОШЕНИЯ И ХОДАТАЙСТВА О ПЕРСОНАЛЬНОМ
ПЕНСИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ В.Г. УСПЕНСКОЙ –
ДОЧЕРИ Г.И. УСПЕНСКОГО**

¹ Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Пушкин, Россия

² Отделение Фонда пенсионного и социального страхования
Российской Федерации по Владимирской области, Владимир, Россия

Поступила в редакцию 20.12.2022 г.

Принята к публикации 20.04.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-7

64

Для цитирования: Жиркова М. А., Капустина О. В. «В недрах Наркомпроса заявление мое затерялось»: прошения и ходатайства о персональном пенсионном обеспечении В.Г. Успенской – дочери Г.И. Успенского // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №2. С. 64–79. doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-7.

На основе архивных материалов рассмотрены проблемы пенсионного обеспечения Веры Глебовны Успенской (1877–1942), дочери писателя Г.И. Успенского, в 1923–1939 гг. Проанализировав частоту изменения размеров персональной пенсии Успенской, пенсионное дело которой было оформлено на ее отца, авторы установили, что все увеличения сумм пенсий связаны с личными заявлениями пенсионерки или ходатайствами ее брата, направленными в Народный комиссариат социального обеспечения РСФСР через посредников. В решении ее пенсионных проблем участвовали писатель с мировым именем А.М. Горький, нарком просвещения А.В. Луначарский, руководство Союза советских писателей и Литературного фонда. На примере документов можно увидеть, что в утвержденную законодательством трехступенчатую процедуру довоенного установления и дальнейшего увеличения персональных пенсий республиканского значения (губернские (областные) органы – центральные органы – Комиссия НКСО РСФСР) был встроены институт посредничества, основанный на принципе личной известности посредников.

Ключевые слова: Г.И. Успенский, потомки, персональное пенсионное обеспечение, заслуги перед государством, ходатайство, авторский гонорар

Введение

Глеб Иванович Успенский (1843–1902) – писатель-народник, в произведениях которого нашла свое отражение российская действительность второй половины XIX в., – в настоящее время практически забыт читателями, хотя он, как пишет Н. Мещеряков, «по тонкости своих наблюдений и по глубине своего анализа стоял неизмеримо выше

всех других беллетристов шестидесятников и семидесятников этого времени, за исключением... Щедрина и Некрасова» [9, с. VII]. В первое же десятилетие после Октябрьской революции 1917 г. Г.И. Успенский был включен в перечень наиболее значимых для молодого советского государства литераторов, что обусловило возможность установления его потомкам персонального пенсионного обеспечения.

Персональное пенсионное обеспечение в РСФСР стало предоставляться лицам, имевшим исключительные заслуги перед Республикой в области революционной и профессиональной деятельности, науки, искусства и техники на основании декрета Совета Народных Комиссаров (Совнарком, СНК) РСФСР от 16 февраля 1923 г.¹ В 1928–1930 гг. правила назначения российских республиканских пенсий этого вида были уточнены², также в 1928 г. система персонального обеспечения была дополнена пенсиями союзного значения³. В случае смерти заслуженного лица персональные пенсии устанавливались его детям до достижения ими 18 лет, обучающимся в техникумах и вузах — до 25 лет. В необходимых случаях пенсия могла назначаться детям умершего кормильца, ставшим инвалидами после 18 или 25 лет, даже не находившимся на его иждивении.

В соответствии с циркуляром Народного Комиссариата Труда (Наркомтруд, НКТ) СССР от 23 октября 1923 г. ходатайства о назначении персональных пенсий вместе со всеми материалами, характеризовавшими заслуги претендентов, направлялись местными органами и учреждениями в центральные учреждения: по партийной линии — губернскими комитетами в Центральный Комитет Российской Коммунистической Партии (большевиков) (ЦК РКП/б/), по профессиональной линии — профсоюзами через ЦК соответствующего союза во Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов (ВЦСПС), по заслугам в области науки, искусства и техники — в соответствующие наркоматы. Центральные учреждения в случае положительного решения вопроса перенаправляли все документы вместе со своим заключением в Комиссию по назначению персональных пенсий при Народном комиссариате социального обеспечения (Наркомсобес, НКСО) РСФСР⁴. Например, документы заслуженного российского педагога первоначаль-

¹ О персональных пенсиях лицам, имеющим исключительные заслуги перед республикой: декрет СНК РСФСР от 16 февраля 1923 г. // Собрание узаконений РСФСР (СУ РСФСР). 1923. №15. Ст. 198.

² Положение об обеспечении персональными пенсиями лиц, имеющих исключительные заслуги перед Республикой: постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 21 мая 1928 г. // СУ РСФСР. 1928. №56. Ст. 420; Положение об обеспечении персональными пенсиями лиц, имеющих исключительные заслуги перед Республикой: постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 мая 1930 г. // СУ РСФСР. 1930. №25. Ст. 325.

³ О персональных пенсиях: постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 30 мая 1928 г. // Собрание законов СССР. 1928. №35. Ст. 315.

⁴ О порядке возбуждения местными органами и учреждениями ходатайств о назначении персональных пенсий и единовременных пособий: циркуляр НКТ СССР от 25 октября 1923 г. №125/103 // Известия НКТ СССР. 1923. №9/33.

чально рассматривались в губернском отделе народного образования, затем поступали в Народный комиссариат просвещения, и только после этого – в Комиссию при НКСО РСФСР.

Казалось бы, процедура назначения персональных пенсий проста и прозрачна, однако, в силу финансовых затруднений советского государства количество пенсионеров в целом и персональных в частности в 1920–1930-х гг. в России было невелико. По данным наркома социального обеспечения РСФСР И. А. Наговицына, при общей численности российских пенсионеров, достигавшей в 1927–1928 гг. 240 тыс. чел., персональными являлись всего 7 тыс., или 3 % [11]. Соответственно, заслуги претендентов на пенсии этого вида рассматривались весьма пристально. В связи с необходимостью доказать свое право на установление персонального обеспечения или на увеличение его размера сложилась практика личного обращения претендентов за поддержкой к руководителям советского государства, высокопоставленным чиновникам, известным общественным деятелям и деятелям культуры и искусства, которые, в свою очередь, могли ходатайствовать за них перед Наркомсобесом. В делах персональных пенсионеров появляются письма от откликнувшихся представителей власти, творческой интеллигенции и общественных организаций, содержащие описание заслуг претендентов и, что немаловажно, их тяжелого материального положения.

Сегодня, анализируя особенности персонального пенсионного обеспечения 1920-х – первой половины 1950-х гг., ученые подчеркивают, что «сам термин «особые заслуги» и «заслуги» был достаточно неопределенным» [25, с. 57]. Более того, по мнению В. Н. Мамяченкова, «упорядоченного персонального пенсионирования (как, впрочем, и пенсионирования в целом) в стране не было до 1956 года, когда в свет выходят два законодательных акта: Закон СССР “О государственных пенсиях” от 14 июля 1956 года и “Положение о персональных пенсиях” (утверждено постановлением Совета Министров СССР № 1475 от 14 ноября 1956 года)» [8, с. 395]. Тем не менее пенсионные дела персональных пенсионеров, назначенные в довоенный период, все больше и больше привлекают внимание исследователей.

Личное пенсионное дело персонального пенсионера представляет собой комплект документов, подтверждающих его право на установление пенсии данного вида, содержащих описание заслуг, материального положения, состояния здоровья (личные карты лиц, испрашивающих назначение персональной пенсии, автобиографии, биографии, акты материально-бытового обследования, свидетельства о болезни, о браке, о рождении детей и т. д.). Особый интерес вызывают письма-ходатайства известных советских и политических деятелей, а также деятелей культуры и искусства. Среди тех, чьи пенсионные дела в настоящее время рассмотрены: книговед и библиограф Н. А. Рубакин [26], организатор кинопроизводства, кинорежиссер и сценарист А. А. Ханжонков [1], племянница Ф. М. Достоевского М. А. Иванова [6] и его невестка Е. П. Достоевская [5], внучка Н. Г. Чернышевского Н. М. Чернышевская-Быстрова [7].

Дальнейшее изучение документов персональных пенсионных дел способствует выявлению новых, ранее неизвестных материалов, которые могут заполнить лакуны в биографиях как выдающихся деятелей русской культуры и искусства, так и их потомков, а также уточнению особенностей формирования системы советского пенсионирования.

Одной из самых интересных категорий получателей персональных пенсий являются нетрудоспособные потомки и родственники выдающихся российских писателей, поэтов, художников и композиторов, в частности, в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) хранится дело «персонального пенсионера республиканского значения» Глеба Ивановича Успенского, назначенное за заслуги писателя перед Советской Республикой его старшей дочери Вере Глебовне Успенской (1877–1942). Наиболее интересные документы дела следующие: заявление В.Г. Успенской в Совет Народных Комиссаров РСФСР от 25 декабря 1923 г. [30, ф. А539, оп. 3, д. 860, л. 34], письмо Б.Г. Успенского А.В. Луначарскому от 5 июля 1926 г. [Там же, л. 24–24 об.], копия письма А.М. Пешкова от 23 июля 1931 г. [Там же, л. 9], заявление В.Г. Успенской в адрес наркома социального обеспечения РСФСР М.А. Шабуровой от 14 мая 1939 г. [Там же, л. 8] и ходатайство Литературного фонда СССР перед НКСО РСФСР от 23 мая 1939 г. [Там же, л. 6].

Задачи данного исследования — на материалах вышеназванного пенсионного дела уточнить условия жизни В.Г. Успенской в период с 1923 по 1939 г. и определить подробности процедуры установления ей персональной пенсии и ее последующего увеличения. Дополнительными источниками нам послужат советские нормативные акты, регулировавшие пенсионное обеспечение и охрану авторских прав, а также свидетельства современников и родственников о трудностях, выпавших на долю дочери писателя в довоенное время.

Установление пенсии

О старшей дочери писателя известно немного, обычно о ней говорят в связи с ее замужеством. Муж Веры Глебовны — Борис Викторович Савинков (1879–1925) — известный революционер-террорист, писатель и мемуарист, приговоренный к смертной казни как царским правительством в 1906 г., так и советским правительством в 1924 г. В семье родилось двое детей: сын Виктор (1900–1934) и дочь Татьяна (1901–?). После бегства Б.В. Савинкова за границу в 1906 г. связь с первой семьей прервалась, во Франции он женился во второй раз. О. Городецкая пишет: «в “Воспоминаниях террориста”, написанных Борисом Савинковым, среди имен его соратников по организации нет-нет да и появляется имя Веры Успенской. Автор пишет о ней с уважением и нежностью. К террору она отношения не имела, и только горькая участь жены человека, которого преследовали при самых разных режимах, связывала ее с Борисом Савинковым» [4]. В пенсионных документах Вера Глебовна значится как Успенская, а после гибели Б. Савинкова в 1925 г. сменил фамилию отца на фамилию матери и сын.

Закончившая Бестужевские курсы В.Г. Успенская после революции работала, по ее словам, в «Правительственных учреждениях гор. Петербурга»: в отделе Управления Петросовета [30, ф. А539, оп. 3, д. 860, л. 34] — по-видимому, на невысоких служебных должностях. При этом она постоянно испытывала материальные трудности. О помощи ее семье в начале 1920-х гг. хлопотал К.И. Чуковский. В письме к А.В. Луначарскому в феврале 1923 г. он писал о необходимости поддержки родственников представителей дореволюционной творческой элиты: «Погибают с голоду те, имена которых Советская Республика любит и чтит. Погибают жены, сестры и дети замечательнейших русских деятелей. Им нужна немедленная помощь, хотя бы в виде пайка — и помощь сию минуту, не завтра, а сейчас» [28, с. 433]. Корней Иванович просил за сестру Н.А. Некрасова, жену и мать художника В. Серова, жену художника Л. Бакста. В конце письма после подписи добавлено имя Веры Глебовны Успенской как дочери писателя. Просьба Чуковского не осталась без внимания: все, о ком он просил, получили помощь в различной форме. В частности, В.Г. Успенскую перевели на более высокооплачиваемую должность в системе Наркомпроса [28, с. 434]. Кроме этого, чуть позже ей была назначена пенсия.

Постановление Совнаркома РСФСР (с пометкой «подлежит опубликованию») о персональном пенсионном обеспечении В.Г. Успенской стало одним из первых в республике. Совнарком вынес решение: «Установить дочери писателя Глеба Успенского Вере Глебовне Успенской пенсию сроком на пять лет в размере ставки по 17-му разряду тарифа ответственных работников по гор. Петрограду». Документ подписан заместителем председателя Совета Л. Каменевым 6 марта 1923 г. [30, ф. А539, оп. 3, д. 860, л. 32]. Исследовавший советскую систему привилегий английский историк М. Мэтьюс писал: первым актом, «на который я обратил внимание, было постановление СНК от 6 марта 1923 г. о назначении пожизненных пенсий... “14 активным участникам Морозовской стачки, людям, которые были зачинателями Революции”» [10, с. 59]. Таким образом, В.Г. Успенская оказалась в одном ряду с известными деятелями революционного движения.

По свидетельству брата Веры Глебовны Б.И. Успенского 17-й разряд ответственных работников по городу Петрограду на момент назначения ей пенсии был равен 75 руб. [30, ф. А539, оп. 3, д. 860, л. 24]. Для сведения: вышеупомянутым декретом СНК РСФСР от 16 февраля 1923 г. размер персональных пенсий устанавливался в пределах до двойной высшей тарифной ставки ответственных советских и профессиональных работников по месту жительства лица, получавшего пенсию. Согласно «Правилам об условиях найма и оплаты труда рабочих и служащих всех предприятий и учреждений и хозяйств в РСФСР» от 17 июня 1920 г.⁵, оплата всех рабочих и служащих производилась по тарифам, утверждаемым Наркомтрудом. В 1923 г. в РСФСР действовала

⁵ *Общее положение о тарифе (Правила об условиях найма и оплаты труда рабочих и служащих всех предприятий, учреждений и хозяйств в РСФСР)* : декрет СНК РСФСР от 17 июня 1920 г. // СУ РСФСР. 1920. №61 — 62. Ст. 276.

введенная годом раньше общая для всех работников 17-разрядная тарифная сетка. Ответственные работники, от членов Центрального Комитета Коммунистической партии до секретарей ячеек крупных предприятий, находились в интервале от 17-го до 12-го разряда включительно, технические работники и вспомогательный персонал — от 11-го до 1-го. Интересно, что племяннице Ф.М. Достоевского М.А. Ивановой установили персональную пенсию с 1 сентября 1923 г. в размере $\frac{1}{2}$ тарифной ставки 17 разряда ответственных работников в сумме 37 руб. 50 коп. [30, ф. А539, оп. 3, д. 1699, л. 4] (см. подробнее: [6]).

Двадцать пятого декабря того же 1923 г. В.Г. Успенская обращается в СНК РСФСР с заявлением о назначении пособия, обосновывая его необходимостью следующим образом: «В течение последних пяти лет я и дети мои жили исключительно личными заработками, сотрудничая в Правительственных Учреждениях гор. Петербурга. Вследствие болезни я вынуждена была оставить службу в Отделе Управления Петросвета, почему детям моим приходится усиленно работать, чтобы содержать и меня, что очень тяжело отзывается на их учебных занятиях и у меня нет надежды, что при создавшихся условиях они смогут закончить свое образование» [30, ф. А539, оп. 3, д. 860, л. 34]⁶. Можно предположить, что в силу каких-то причин перевод по службе, устроенный по ходатайству К.И. Чуковского, не состоялся. Скорее всего, Вера Глебовна оставила работу по причине слабого здоровья.

Далее следует обратить внимание на два момента. Во-первых, дочь писателя сетует на то, что отсутствие денежных средств не позволяет «довести до конца свою работу, посвященную изучению жизни и деятельности отца моего Глеба Ивановича Успенского» [Там же]. Во-вторых, называет свидетелей своего бедственного положения: «Указанные обстоятельства могут подтвердить тт. Раввич и Струмилин» [Там же]. Скорее всего, речь идет о Саре Наумовне Раввич (1879—1957), активной участнице революционного движения, первой жене Г.Е. Зиновьева, и о Станиславе Густавовиче Струмилине (1877—1874), известном советском экономисте, будущем академике. Традиция подчеркивать личное знакомство с авторитетными политическими или советскими деятелями, гипотетически способными подтвердить излагаемую в заявлении информацию, также начинает складываться практически сразу же после ввода в действие постановления от 16 февраля 1923 г. и продолжает использоваться в послевоенный период. Два показательных примера: в протоколе № 1 заседания Центральной Комиссии по назначению персональных пенсий и пособий НКССО РСФСР от 12 января 1925 г. при рассмотрении дела Гваншеладзе (инициалы не названы. — М.Ж., О.К.), члена РКП(б) с 1904 г., отмечено, что, по сообщению тов. Енукидзе, его знал т. Сталин как видного подпольного работника на Кавказе [30, ф. Р5528, оп. 1, д. 2, л. 2 об.]; в своей биографии персональный пенсионер республиканского значения В.М. Лермонтов, дальний родственник поэта, в июне 1946 г. написал: «В течение многих лет служил под нача-

⁶ Здесь и далее в цитируемых документах орфография и пунктуация подлинника сохранены.

лом маршала К. Е. Ворошилова и С. М. Буденного, которые хорошо меня знают» [30, ф. А539, оп. 1, д. 814, л. 62 об.]. На рассматриваемом заявлении В. Г. Успенской стоит резолюция: «в комиссию по рассмотрению пенсий и пособий» [Там же, оп. 3, д. 860, л. 34].

В 1924 г. с целью проверки соответствия заслуг получателей требованиям законодательства в НКСО РСФСР провели первый пересмотр назначенных персональных пенсионных дел. По его результатам часть пенсионеров была лишена пенсий или переведена на пенсии по инвалидности и по случаю потери кормильца, устанавливаемых на общих основаниях⁷. Размеры пенсий в этих случаях были значительно меньше персональных (на 1 апреля 1923 г. средние нормы пенсий для инвалидов второй группы равнялись 4 руб. 90 коп., а для семей военнослужащих — 3 руб. 23 коп. [11]). Пенсию Веры Глебовны в размере 75 руб. сохранили, тогда как выплата персональной пенсии ее младшей сестре, Марии Глебовне, была прекращена и восстановлена в результате усиленного ходатайства НКВД в 1925 г. в уменьшенном размере (вместо 50 руб. — 40), с учетом заслуг ее мужа, архитектора Ленинградского комхоза С. С. Кричинского, умершего в 1923 г. [30, ф. А539, оп. 3, д. 860, л. 24].

Ходатайство брата

Второй этап взаимоотношений В. Г. Успенской с пенсионным ведомством относится к 1926—1928 гг. Младший сын писателя литературовед Борис Глебович Успенский (1886—1951) 5 августа 1926 г. обратился с просьбой об увеличении размера пенсий своих сестер напрямую к наркому просвещения РСФСР А. В. Луначарскому. В подшитом в пенсионное дело документе отсутствует фамилия адресата. Однако автор письма называет его «Анатолий Васильевич» и, излагая просьбу, рассуждает о документе, выработанном в Наркомпросе: «Поскольку до этого времени заработок мой несколько превышал минимум потребностей моей семьи и я имел возможность оказывать посильную помощь моим сестрам, — я не находил возможности поднимать перед Вами вопрос о реализации постановления, вынесенного Президиумом Коллегии Наркомпроса по Вашей инициативе о назначении усиленных пенсий моим сестрам, но теперь обстоятельства изменились. Усиленная работа последних лет привела меня к крайнему переутомлению, и я вынужден, по требованию врача, отказаться от части моих работ и это лишает меня возможности оказывать материальную помощь моим сестрам, что ставит их в необходимость ограничить свой бюджет пенсиями в указанном размере и ничтожными заработками их детей, не имеющих возможности (из-за службы) закончить своего образования и получить сколько-нибудь высокую квалификацию. <...> Я очень прошу изви-

⁷ О порядке урегулирования расчетов с лицами, получающими персональные пенсии на основании постановления СНК от 16 февраля 1923 г. : циркуляр НКТ РСФСР №68/1416, НКСО РСФСР №14 от 21 февраля 1925 г. // Известия НКТ СССР. 1925. №14.

нить за причиненное Вам беспокойство, но не вижу иного выхода из создавшегося положения, кроме личного обращения к Вам» [30, ф. А539, оп. 3, д. 860, л. 24–24 об.].

На документе стоят две резолюции. Первая, практически неразборчивая, возможно: «Поставить принятие (?)» подписана инициалами и указанием даты «А.Л. 13 / VIII». Вторая, сделана красным карандашом без подписи: «В комиссию по отбору пенсий. К 15 / VIII сообщить Успенской об этом деле и о возможности возбудить вопрос о пенсии. 13 / VIII».

Обращение к наркому не случайно. Анатолий Васильевич неоднократно помогал родственникам умерших литераторов в установлении персональных пенсий. В частности, в 1923 г. по ходатайству заведующих Зарайскими уездным и историко-художественным музеями А. В. Луначарский оказал содействие в назначении персональной пенсии племяннице Ф. М. Достоевского, дочери его сестры Веры Михайловны — М. А. Ивановой [6].

В своем обращении Борис Глебович конкретизирует просьбу: «Указанные обстоятельства ставят меня в необходимость обратиться к Вам с просьбой дать надлежащее направление постановлению Президиума коллегии Наркомпроса от 25 сентября 1924 года прот. № 27/239 — о назначении усиленных пенсий сестрам моим Марии Глебовне Кричинской и Вере Глебовне Успенской» [30, ф. А539, оп. 3, д. 860, л. 24 об.]. Что это за постановление и почему его не вводили в действие — нам не известно, тем более что Марию Глебовну именно в 1924 г. лишили ранее назначенной персональной пенсии. Кстати, в письме ходатай упоминает факт назначения Вере Глебовне пенсии в размере ставки ответственного работника в 1922 г. Скорее всего, это описка, так как декрет о персональных пенсиях и вышеупомянутое постановление Совнаркома от 6 марта были изданы в 1923 г. Однако в период с декабря 1921 г. до февраля 1923 г. действовал декрет «Об усиленных пенсиях»⁸, и можно было бы предположить, что Вере Глебовне перед назначением персональной выплачивалась усиленная пенсия. Но размер усиленной пенсии в пределах от средней до максимальной тарифной ставки местности, где проживал пенсионер, устанавливался только заслуженному гражданину, получавшему ее лично. Его нетрудоспособные родственники имели право только на две трети суммы. Соответственно, будем считать, что Борис Глебович ошибся с датой первичного назначения пенсии Вере Глебовне. В 1926 г. изменений в размере пенсии старшей дочери писателя не последовало.

В 1928 г. истек пятилетний срок, на который первоначально была установлена пенсия в 1923 г., но выплата пенсии В. Г. Успенской была продолжена. Вероятно, продление срока стало возможным благодаря нескольким факторам. Во-первых, заслуги ее отца-писателя по-прежнему являлись значимыми для советского государства, во-вторых, нельзя забывать о ходатайствах ее брата, и, в-третьих, к этому времени здоровье пенсионерки ухудшилось, что подтверждает имеющееся в пенсионе-

⁸ Об усиленных пенсиях : декрет СНК РСФСР от 5 декабря 1921 г. // СУ РСФСР. 1921. №80. Ст. 697.

ном деле заключение Бюро экспертизы Ленинградского подотдела медицинской экспертизы и контроля от 29 декабря 1926 г. Среди установленных диагнозов: артериосклероз, хроническая миокардия, малокровие, резкое плоскостопие, хронический ревматизм, склероз мозговых сосудов [Там же, л. 28 об.]. Несмотря на совокупность серьезных диагнозов, нетрудоспособной В.Г. Успенская признана не была. Ей установили пожизненно (без переосвидетельствования) третью группу инвалидности, которая позволяла работать.

Позднее, в мае 1939 г., Вера Глебовна писала в заявлении в НКСО РСФСР на имя наркома М. А. Шабуровой: «...в 1928 г. НКСО дал мне, как дочери писателя Глеба Успенского, персональную пенсию размером в 90 рублей» [Там же, л. 8]. Интересно, что в речи на II сессии ВЦИК XIII созыва в марте 1928 г. нарком НКСО РСФСР И. А. Наговицын озвучил следующие данные: на 1 апреля 1927 г. средний размер пенсии по инвалидности 2-й группы, назначенной на общих основаниях, составлял 14 руб. 37 коп., для семей военнослужащих — 14 руб. 21 коп. Средняя норма персональной пенсии в РСФСР, по его данным, озвученным в 1928 г. без привязки к конкретной дате, равнялась 55 руб. [11].

Переписка с Е. П. Пешковой и А. М. Горьким

Следующий виток пенсионной переписки В.Г. Успенской связан с именами Е. П. Пешковой и А. М. Горького. В 1925—1936 гг. Вера Глебовна неоднократно по различным вопросам обращалась к жене писателя Екатерине Павловне Пешковой [13]. В частности, речь шла о получении гонораров за публикацию произведений Б. В. Савинкова. Вдова упоминает издательства «Огонек» и «Прибой», где в 1920-е гг. вышли его книги [15; 17; 21; 23]. В эти же годы книги террориста выходили в Харькове [18; 22; 24] и за рубежом — в Варшаве [16; 19; 20], в Париже [14]. Но Успенские не получали гонорар за посмертное издание произведений Савинкова, на который рассчитывали. В качестве обоснования своей просьбы Вера Глебовна ссылалась на тяжелую болезнь сына Виктора: «мне не много нужно и, если бы не такая беда с Виктором Борисовичем, я бы не стала Вас беспокоить. Простите, дорогая Екатерина Павловна, и помогите мне» [13] (письмо от 1 февраля 1929 г.).

В 1931 г. Е. П. Пешкова передала А. М. Горькому письмо Успенской с просьбой об увеличении размера пенсии. Копия ответа писателя, заверенная печатью Литературного фонда СССР Союза советских писателей, хранится в пенсионном деле просительницы.

Уважаемая Вера Глебовна —
вчера Е. П. Пешкова передала мне Ваше письмо. Заявление об увеличении пенсии Вам завтра будет передано в Наркомпрос и можно надеяться, что дело это будет решено быстро и положительно. В письме Вашем Вы не указали начаты Вами «Воспоминания» или же Вы только предполагаете работать над ними. Воспоминания эти могла бы издать «Академия». Под работу над ними Вы могли бы получить аванс в размере до 1000 р. Будьте добры сооб-

щить Ваше мнение по этому поводу — и, если можно, — немедленно. Предложение Ваше «Академии» адресуйте на мое имя. Мне хотелось-бы устроить это дело до отъезда моего в провинцию. Мой адрес: Москва, Малая Никитская, 6. В предложении издательству укажите приблизительный размер книги. Желаю всего доброго. А. Пешков. 23. VII. 31 [30, ф. А639, оп. 3, д. 860, л. 9].

Несмотря на заверения писателя, его ходатайство не достигло результатов.

В 1934 г. к просьбам о помощи присоединяется младший брат — Борис Глебович Успенский, обративший внимание Е.П. Пешковой на то, что на руках у его сестры оказались больной безработный сын и внучка, а единственной материальной поддержкой семьи является ее пенсия в 90 руб. Борис Глебович также просит о возможной выплате гонорара на этот раз за издание книг отца — Г. И. Успенского.

Следующие обращения Веры Глебовны к Е.П. Пешковой в 1935 г. связаны с необходимостью выехать из Ленинграда «за 100 верст» ей, ее дочери и невестке. К этому времени ее дочь Татьяна Борисовна вышла замуж и родила девочку; а сына Виктора Борисовича в декабре 1934 г. расстреляли в числе 120 заложников после убийства С.М. Кирова. В 1935 г. В.Г. Успенская с родными выехала в Малую Вишеру, а с 1936 г. живет в д. Сябсеницы Чудовского района Новгородской области в доме своего отца. В начале 1940 г. она вернется в Ленинград.

В мае 1939 г., в своем обращении в НКСО РСФСР Вера Глебовна так прокомментировала сложившуюся ситуацию: «В 1931 г. я написала заявление об увеличении мне пенсии и послала его письмом к А. М. Горькому. Вскоре я получила от Алексея Максимовича ответ, что заявление об увеличении мне пенсии передано в Наркомпрос и можно надеяться, что дело это будет решено быстро и положительно. А.М. Горький уехал лечиться. В недрах Наркомпроса заявление мое затерялось и никакого ответа ни от секретаря Горького, ни из канцелярии Наркомпроса я не получила» [30, ф. А539, оп. 3, д. 860, л. 8].

В письме А.М. Горького озвучено предложение о возможности получения значительной денежной суммы в качестве аванса за публикацию воспоминаний Веры Глебовны о ее отце. Воспользовалась ли она этим предложением, из рассматриваемых документов непонятно. Интересный факт: в 1935 г. упомянутым Горьким издательством «Академия» была выпущена книга «Глеб Успенский в жизни. По воспоминаниям, переписке и документам» [2]. В предисловии к ней составитель А.С. Глинка-Волжский выразил благодарность родственникам писателя: «Особенно полезное содействие было оказано семьей Г.И. Успенского — дочерью его Марией Глебовной Кричинской, сыном — Борисом Глебовичем Успенским и братом Иваном Ивановичем Успенским» [3, с. XX]. Позднее воспоминания Бориса Глебовича об отце вышли отдельным изданием [27]. Вера Глебовна составителем книги не упомянута.

Таким образом, ходатайство А.М. Горького не принесло результатов. Однако, как видно из процитированного выше заявления В.Г. Успенской, именно в 1935 г. размер ее пенсии благодаря хлопотам брата

был повышен до 120 руб. и на момент обращения в НКСО РСФСР в 1939 г. она получала 136 руб. [30, ф. А539, оп. 3, д. 860, л. 8]. Вероятно, обращение Б.Г. Успенского к Е.П. Пешковой все же сыграло положительную роль.

Помощь Союза советских писателей и Литературного фонда

Последний этап поиска решения пенсионных проблем В.Г. Успенской относится к 1939 г. В заявлении от мая 1939 г. В.Г. Успенская указала свой адрес (ст. Чудово Октябрьской железной дороги, дер. Сябренности, дом-музей Г.И. Успенского) и пояснила: «Живу я в доме моего отца, нижний этаж которого занят под музей. Мне приходится самой отапливать занимаемое мною верхнее помещение. Никакой работы для приработка по моим силам в деревне Сябрянцы (правильно: Сябренности. — М. Ж., О. К.) я найти не могу» [Там же].

Двухэтажный дом, купленный Г.И. Успенским в 1881 г., состоял из 8 комнат — четыре наверху, четыре внизу. Обычно родственники писателей, остававшиеся при домах-музеях, работали в них научными сотрудниками. В том числе внука писателя Н.Г. Чернышевского — Н.М. Чернышевская-Быстрова, которая «произвела огромное исследование рукописей своего гениального деда. <...> Весь этот колоссальный архив находится в Саратове в Доме-Музее, где жил Чернышевский. Н.М. Чернышевская является Заведующей этим музеем и работает не покладая рук с утра до ночи» [30, ф. А539, оп. 5, д. 33, л. 21 — 21 об.]. Другой пример: сестра писателя — М.П. Чехова — являлась хранительницей Ялтинского Дома-музея А.П. Чехова, ее культурно-просветительская деятельность была «чрезвычайно напряженной и охватывающей широкие кадры рабочих, учащихся и пр.» [Там же, оп. 3, д. 1864, л. 4]. В случае с созданным в 1935 г. музеем Г.И. Успенского, его первым директором стала вторая дочь писателя — Мария Глебовна Успенская, в замужестве Кричинская (1879 — 1943).

Официальное открытие музея состоялось в 1937 г. Это первый и единственный музей писателя Глеба Успенского, основанный по инициативе его детей. Помогая с реставрацией дома, они передали для экспозиции музея обстановку, личные вещи, архив писателя. Ранее, в 1906 г., рядом с домом по проекту старшего сына писателя Александра Глебовича была построена школа, в которой находился уголок памяти писателя, где были помещены серебряный венок от редакции журнала «Русское богатство», портрет Г.И. Успенского, гранки очерков, переданные в школу Марией Глебовной, а также посмертная маска писателя и фотографии его больничных комнат [12]. Все это было передано в музей. В утвержденном штате государственного музея числились всего два человека — директор и уборщица. Вере Глебовне рабочего места не досталось.

Далее в своем заявлении В.Г. Успенская с обидой пишет: «А на ряду с этим сочинения моего отца, Глеба Успенского, издаются Государственным Издательством Художественной литературы все время в боль-

ших тиражах. Это обстоятельство дает мне основание думать, что увеличение мне пенсии до такого размера, чтобы я могла жить сносно, не было бы обременительным для государства» [30, ф. А539, оп. 3, д. 860, л. 8].

Свое письмо В.Г. Успенская выслала не напрямую в НКСО РСФСР, а через посредника, в качестве которого выбрала Группком Госполитиздата, который, в свою очередь, перенаправил его собственному руководству. Поэтому ходатаями за дочь писателя перед Наркомсобесом выступили правление Союза Советских писателей и правление Литературного фонда (ЛФ) СССР. Письмо на бланке Литературного фонда СССР от 23 мая 1939 г. № 235 подписано членом Президиума советских писателей СССР Константином Фединым; за председателя правления Литфонда СССР расписался директор Литфонда Оськин. Союз писателей сообщил наркому М.А. Шабуровой, что он «горячо поддерживает их (Группкома. — М.Ж., О.К.) просьбу об увеличении В.Г. Успенской размера получаемой ею пенсии до 400 руб. в месяц» [Там же, л. 6]. На письме стоит резолюция наркома: «увеличить до 300 руб.» [Там же].

Обосновывая свою просьбу, авторы письма сослались на авторитет А.М. Горького, не забыв подчеркнуть, что «заявление затерялось где-то в недрах Наркомпроса» [Там же] и опять-таки сделали упор на отсутствие авторских отчислений с издаваемых произведений, но уже со ссылкой на конкретный нормативный акт: «Сочинения Глеба Успенского многочисленными тиражами издаются Госполитиздатом. Авторского гонорара дети его, в том числе и В.Г. Успенская, не получают, так как произведения Глеба Успенского объявлены для издания государственной монополией (постановление Наркомпроса РСФСР от 18/1-1923 года)» [Там же].

Действительно, постановлением Наркомпроса РСФСР от 18 января 1923 г. произведения 47 писателей, в числе которых наряду с А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым, Ф.М. Достоевским, Л.Н. Толстым, Н.А. Некрасовым был указан и Г.И. Успенский, объявлялись государственной монополией для издания. Право издания перечисленных авторов было передано Наркомату просвещения. Всякие иные организации, государственные учреждения и издательства могли издавать произведения названных авторов лишь по договору с Наркомпросом в лице Государственного издательства и с его разрешения. Наследников произведений национализированных авторов полагалось вознаграждать согласно существующим законам⁹. Охрана авторских прав с 1928 по 1961 г. осуществлялась на основании совместного постановления Центрального исполнительного комитета (ЦИК) и СНК СССР «Основы авторского права»¹⁰, согласно которому срок ее действия был ограничен периодом жизни автора и 15 годами после его смерти. Поскольку Г.И. Успенский умер в 1902 г., пятнадцатилетний срок истек еще в 1917 г.

⁹ Об объявлении государственной монополии на издание произведений некоторых писателей : постановление Народного Комиссариата просвещения РСФСР от 18 января 1923 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1496.htm (дата обращения: 01.02.2023).

¹⁰ Основы авторского права : постановление ЦИК и СНК СССР от 16 мая 1928 г. // СЗ СССР. 1928. №27. Ст. 246.

Здесь нужно заметить, что ходатайства Литфонда и Союза писателей в поддержку потомков и родственников русских писателей составлялись неоднократно. Буквально через неделю, 31 мая 1939 г., в НКСО РСФСР было отправлено письмо ЛФ с просьбой о назначении персональной пенсии вдове А. И. Куприна, Елизавете Морицевне, также в размере 400 руб. [30, ф. А539, оп. 7, д. 2259, л. 18], и так же, как и Вере Глебовне, размер выплачиваемой ей пенсии составил 300 руб. Персональные пенсии республиканского значения в таком же размере в 1930-х гг. получали вдова внука Пушкина (Ю. Н. Пушкина) [Там же, оп. 6, д. 9671, л. 18], племянник композитора М. И. Глинки (А. Н. Глинка-Измайлов) [Там же, ф. Р3316, оп. 38, д. 64, л. 4], мать погибшего пионера Павлика Морозова (Т. С. Морозова) [Там же, оп. 28, д. 578, л. 1] и даже брат и сестра В. И. Ленина [Там же, ф. А539, оп. 3, д. 9248, л. 1 об.; оп. 4, д. 745, л. 1 об.]. Рассказывая о деятельности ЛФ СССР в 1930–1950-х гг. Э. М. Шнейдерман пишет, что наряду с писателями помощь оказывалась также их потомкам: «В добавление к пенсиям им тоже время от времени “подкидывали” разовые пособия» [29].

Выводы

Подводя итоги, следует отметить, что материалы пенсионного дела, назначенного Вере Глебовне за заслуги отца, писателя-народника Г. И. Успенского, содержат сведения о ее материальных проблемах, а также о проблемах, связанных со здоровьем, отсутствием работы и невозможностью получения детьми образования. Заслуживает внимания информация о поддержке, в том числе финансовой, со стороны ее младшего брата — Бориса Глебовича.

Анализируя частоту изменения размеров персональной пенсии В. Г. Успенской (1923 г. — 75 руб., 1928 г. — 90 руб., 1935 г. — 120 руб., на момент обращения в НКСО РСФСР в мае 1939 г. — 136 руб., с 1 июня 1939 г. — 300 руб.), видим отсутствие каких-либо периодических общегосударственных индексаций. Увеличения сумм пенсий связаны с личными заявлениями пенсионерки или ходатайствами ее брата, причем направленными в НКСО РСФСР через посредников. Также нужно заметить, что не все ходатайства достигали цели. В решении пенсионных проблем Веры Глебовны участвовали: писатель с мировым именем А. М. Горький, нарком просвещения в 1917–1929 гг. А. В. Луначарский, руководство Союза советских писателей и Литературного фонда. Нельзя забывать и о ссылке на товарищей Раввич и Струмилину.

Таким образом, на примере документов, содержащихся в персональном пенсионном деле В. Г. Успенской, оформленном на имя ее отца Успенского Глеба Ивановича, можно увидеть, что в законодательно установленную трехступенчатую процедуру довоенного установления и дальнейшего увеличения персональных пенсий (губернские (областные) органы — центральные органы — Комиссия НКСО РСФСР) был встроены институт посредничества, основанный на принципе личной известности.

Сегодня привлечение высокопоставленных лиц к решению пенсионных проблем граждан сочли бы коррупционной составляющей, однако в первые десятилетия советской власти их ходатайства перед Нар-

комсобесом воспринимались как свидетельские показания, подтверждающие как факты биографий претендентов, позволяющие установить льготное пенсионное обеспечение, так и факты их тяжелого материального положения.

В заключение следует сказать, что, вероятно, одной из причин предоставления В.Г. Успенской персональной пенсии послужила необходимость какого-либо возмещения за отсутствие авторских отчислений.

Список источников и литературы

1. Бессолицын А.А. Личное дело персонального пенсионера СССР А.А. Ханжонкова как исторический источник // Научный вестник Крыма. 2021. №4 (33). URL: <https://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/750> (дата обращения: 01.02.2023).

2. Глеб Успенский в жизни. По воспоминаниям, переписке и документам / сост. и примеч. А.С. Глинки-Волжского; вступ. ст. Н. Мещерякова. М.; Л., 1935.

3. Глинка-Волжский А.С. От составителя // Глеб Успенский в жизни. По воспоминаниям, переписке и документам / сост. и примеч. А.С. Глинки-Волжского; вступ. ст. Н. Мещерякова. М.; Л., 1935. С. XI—XX.

4. Городецкая О. Успенские и Борис Савинков // Свежая газета. Культура. 2021. 21 янв. №1—2 (198—199). С. 54.

5. Жиркова М.А., Капустина О.В. О персональном пенсионном обеспечении Екатерины Петровны Достоевской, установленном за заслуги Ф.М. Достоевского перед советским государством (1927—1941 гг.) // Art logos. №4 (17). 2021. С. 6—15.

6. Жиркова М.А., Капустина О.В. О персональном пенсионном обеспечении М.А. Ивановой, установленном за заслуги Ф.М. Достоевского перед советским государством // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2022. №2. С. 78—96.

7. Капустина О.В. «Человек она весьма хороший...» Дело об оформлении персональной пенсии Н.М. Чернышевской-Быстровой // Пропагандист великого наследия: сб. науч. тр. и матер. Саратов, 2020. С. 142—150.

8. Мамяченков В.Н. Персональные пенсии в СССР: из истории социальной политики Советского государства // Научный диалог. 2018. №12. С. 393—404.

9. Мещеряков Н. О душевной драме Глеба Успенского // Глеб Успенский в жизни. По воспоминаниям, переписке и документам / сост. и примеч. А.С. Глинки-Волжский; вступ. ст. Н. Мещерякова. М.; Л., 1935. С. VII—X.

10. Мэтьюз М. Становление системы привилегий в Советском Союзе // Вопросы истории. 1992. № 2—3. С. 45—61.

11. Наговицын И. Социальное обеспечение в РСФСР // Известия. 1928. 31 марта.

12. Пажитнов Е. Родословная писателя Глеба Успенского. URL: <https://proza.ru/2018/03/14/39?ysclid=laf7toydy531264648> (дата обращения: 01.02.2023).

13. Переписка В.Г. Успенской, Б.Г. Успенского и Е.П. Пешковой. URL: http://pkk.memo.ru/letters_pdf/000169.pdf (дата обращения: 01.02.2023).

14. Ропшин В. (Савинков Б.) Конь вороной. Париж, 1924.

15. Ропшин В. (Савинков Б.В.) Конь вороной / вступ. ст. Н.Л. Мещерякова. Л.; М., 1924.

16. Савинков Б.В. Борьба с большевиками. Варшава, 1920.

17. Савинков Б.В. В тюрьме. Посмертный рассказ / предисл. А.В. Луначарского. М., 1925.

18. Савинков Б.В. Воспоминания террориста / предисл. Ф. Кона. Харьков, 1928.

19. Савинков Б.В. За Родину и свободу. На пути к «третьей» России: сб. ст. с предисл. и краткой биограф. автора. Варшава, 1920.

20. Савинков Б. В. Накануне новой революции : сб. ст. Варшава, 1921.
21. Савинков Б. В. Посмертные статьи и письма. М., 1926.
22. Савинков Б. В. Почему я признал советскую власть. Харьков, 1924.
23. Савинков Б. В. Рассказы. М., 1924.
24. Савинков Б. В. То, чего не было / под ред. В. И. Невского. Харьков, 1928.
25. Сивакова И. В. Пенсионное законодательство в России в советский период (1917 г. — 1928 г.). М., 2015.
26. Столяров Ю. Н. Товарищ Рубакин — советский персональный пенсионер. Штрих к биографии великого библиоковеда и просветителя // Научные и технические библиотеки. 2017. № 4. С. 94 — 104.
27. Успенский Б. Г. Глеб Успенский. К столетию со дня рождения / под ред. В. Д. Бонч-Бруевича. М., 1944.
28. Чуковский К. И. Собр. соч. : в 15 т. М., 2013. Т. 14 : Письма (1903—1925) / сост. Е. Иванова, Л. Спиридонова, Е. Чуковская ; общ. ред., подг. текстов и коммент. Е. Ивановой и Е. Чуковской.
29. Шнейдерман Э. «Элитфонд»: О деятельности ЛО ЛФ СССР в 1930—1950 годы // Звезда. 2004. № 1. С. 161 — 186. URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&prut=53> (дата обращения: 01.02.2023).
30. Государственный архив Российской Федерации.

Об авторах

Марина Анатольевна Жиркова — канд. филол. наук, доц., Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Пушкин, Россия.

E-mail: manp@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4107-6944>

Ольга Владимировна Капустина — канд. ист. наук, Отделение фонда пенсионного и социального страхования РФ по Владимирской области, Владимир, Россия.

E-mail: olga.kapustina209@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3473-5916>

M. A. Zhirkova¹, O. V. Kapustina²

**“MY STATEMENT WAS LOST IN THE DEPTHS
OF THE PEOPLE'S COMMISSARIAT OF EDUCATION”:
PETITIONS AND INTERCESSIONS FOR PERSONAL PENSION
PROVISION OF VERA USPENSKAYA, THE DAUGHTER
OF GLEB USPENSKY**

¹ Leningrad State University named after A.S. Pushkin,
St. Petersburg, Pushkin, Russia

² Department of the Pension and Social Insurance Fund of Russia
in the Vladimir region, Vladimir, Russia

Received 20 December 2022

Accepted 20 April 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-7

To cite this article: Zhirkova M. A., Kapustina O. V. 2023, “My statement was lost in the depths of the People's Commissariat of Education”: petitions and intercessions for personal pension provision of Vera Uspenskaya, the daughter of Gleb Uspensky, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, № 2. P. 64 — 79. doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-7.

Based on archival materials, the article considers problems of pensions provision of Vera Uspenskaya (1877 – 1942) in 1923 – 1939 whose pension case was registered in the name of her father, the writer Gleb Uspensky. Having analyzed the frequency of changes in the size of Vera Glebovna's personal retirement benefit, the authors found that all the increases in pension amounts were related to personal applications of the pensioner or petitions from her brother, sent to the People's Commissariat of Social Security of the RSFSR through intermediaries. The world-famous writer Aleksey Gorky, People's Commissar of Education Anatoly Lunacharsky, leadership of the Union of Soviet Writers and the Literary Fund took part in the solution of her pension problems. Given the documents from the personal pension file of Vera Uspenskaya, one can see that in the legally established three-step procedure for the pre-war establishment and further increase of personal pensions of republican significance (provincial (regional) bodies - central bodies - the Commission of the NKSO of the RSFSR), an institution of mediation was built in, based on the principle of personal merit.

Keywords: Gleb Uspensky, descendants, personal pension provision, services to the state, petition, author's fee

The authors

Dr Marina A. Zhirkova, Associate Professor, Leningrad State University named after A.S. Pushkin, St. Petersburg, Pushkin, Russia.

E-mail: manp@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4107-6944>

Dr Olga V. Kapustina, Department of the Pension and Social Insurance Fund of Russia in the Vladimir region, Vladimir, Russia.

E-mail: olga.kapustina209@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3473-5916>

УДК 329.055.1(8)

И. Н. Тарасов, Е. С. Кель

ПРАВОРАДИКАЛЬНЫЕ ИДЕОЛОГЕМЫ В ПОЛИТИКЕ ЮЖНОАМЕРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ¹

80

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 10.03.2023 г.

Принята к публикации 17.04.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-8

Для цитирования: Тарасов И. Н., Кель Е. С. Праворадикальные идеологемы в политике южноамериканских государств // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 2. С. 80–95. doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-8.

Цель исследования заключается в определении степени влияния праворадикальных идеологем на политические процессы в странах Южной Америки. Правый радикализм имеет долгую историю присутствия в политической реальности южноамериканских государств. Пройдя долгий путь от обычных идей элит континента до концепций праворадикальных политических сил, идеологемы праворадикального толка закрепились в общественном сознании обществ стран Южной Америки. Авторы опирались на синтезированный подход к «идеологеме» – концепцию морфологии идеологий М. Фридена и теорию «деидеологизации» Д. Белла и С. Липсета. Методы регионального и бинарного синхронного сравнения позволили установить показатели влиятельности праворадикальных идеологем, а также зафиксировать сходства и наиболее существенные различия отдельных страновых случаев. Анализ строения и состояния партийных систем государств региона позволил определить степень влиятельности праворадикальных идеологем в политических процессах. К числу наиболее значимых причин идейной радикализации в странах Южной Америки авторы отнесли культурно-исторические и социально-экономические факторы.

Ключевые слова: правый радикализм, идеологемы, Южная Америка, политические идеологии

Введение

Правый радикализм является феноменом, находящим место во многих обществах. Любое общество так или иначе динамично в своем развитии, поэтому появление или исчезновение каких-либо идей и концепций – естественный процесс. Несомненно, правый радикализм

¹ Ранняя версия исследования была опубликована: Кель Е. С. Влияние праворадикальных идеологем в Южной Америке // Дни науки – 2022 : сб. ст. по матер. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Калининград, 22–29 апреля 2022 г.). Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2023. С. 19–26.

имеет политическую сущность и, как показывает история XX в., вполне может быть оформлен в полноценную государственную идеологию. Разумеется, результаты рационализации и осмысления событий прошлого столетия подвели человечество к созданию условий, в которых повторение таких трагических событий в теории должно быть сведено к минимуму, если не исключено вовсе. Однако и сегодня политический радикализм остается неотъемлемой частью общественной жизни многих стран мира, находя свое место в ценностях и ориентациях как элитарных групп, так и рядовых граждан. Хотя с середины 1980-х гг. фиксируется устойчивая тенденция к фрагментации влияния радикальных идей на широкие общественные группы, радикализм становится более опасным, будучи положенным в обоснование террористической активности [14]. Вместе с тем риск роста популярности политического радикализма, в том числе правого, особенно обостряется во время различных кризисов, которых в процессе глобализации и регионализации становится все больше.

Так, одним из самых политически активных регионов мира на протяжении нескольких десятилетий выступает Южная Америка, которая породила немало уникальных политических феноменов. Она представляет собой регион, который в перспективе может стать одним из ведущих театров международной политики с участием множества заинтересованных акторов. Правый радикализм здесь способен выступить в роли одной из важных и влиятельных сил континента.

Безусловно, сегодня идеологии и политические идеи становятся всё сложнее, иногда преобразовываясь так, что их невозможно точно классифицировать. Вместе с тем, если обратиться к концепции идеологем, можно получить интересные результаты, обогащающие понимание идеологической структуры политики в региональном разрезе политической глобалистики.

Исследование правого радикализма через идеологемы позволяет идентифицировать те силы, которые не вполне явно могут представлять собой крайне правых или же тщательно скрывающих праворадикальную ориентацию, тем самым можно анализировать и прогнозировать движение того или иного общества между двумя идеологическими полюсами. Существует не так много работ, которые рассматривают правый радикализм через его идеологемы, в попытке идентифицировать место и влиятельность такой разновидности радикализма [5; 10; 14; 15], в частности в южноамериканском регионе [2; 8; 11].

Идеологема как единица идеологии

Для начала следует определиться с тем, что представляет собой политическая идеология сегодня. Казалось бы, это феномен политической картины мира, который обладает специфическими функциями: прежде всего, формирование и определение политического действия, трактовка событий, защита определенной политики и мобилизация масс для политического действия [7, с. 211]. Однако в политической практике полноценное функционирование идеологий встречается крайне редко. Исключения составляют, пожалуй, классические идеоло-

гии, обладающие жестким идейным ядром и развитой периферийной оболочкой, — коммунизм, либерализм, консерватизм. Для всех остальных, как, впрочем, и для современных изводов коммунизма, либерализма и консерватизма, устойчивая функциональность представляет существенную проблему. Хрупкость структуры часто не позволяет говорить о бытии той или крупной политической идеи в форме функциональной идеологии, скорее — о бытии идеологема как фрагмента идеологии.

Исходя из концепции морфологии идеологий М. Фридена, можно дать такую дефиницию: идеологема — это структурные единицы идеологии, которые в совокупности формируют ее. Фриден сформулировал понятие «трехуровневая формация» (*three-tier formation*), которая и состоит из компонентов концепции, самой концепции и системы концепций, то есть идеологии [12]. Здесь важно отметить, что термины «идеологема» и «концепция» синонимичны.

Кроме этого, какая-либо конкретная идеологема не является частью определенной идеологии. Согласно М. Фридену, концепты в каждой идеологии выстраиваются в условную матрицу, где часть идеологем занимают ядро, а другие выступают в роли периферии. Ядерные концепты являются ключевыми для любой идеологии, так как именно они обеспечивают связность и целостность идеологии, но конкретно центрального концепта, по мнению Фридена, не существует, есть лишь кластер концептов, выполняющих эту функцию. Структурные изменения нарушают нормальное функционирование идеологий [13, с. 130]. Также существуют и смежные концепты (условная полупериферия), которые, в свою очередь, укрепляют или дополняют центральные. И наконец периферийные концепты являются самыми динамичными и довольно быстро сменяются под давлением внешней среды [5].

Теория «упадка идеологий» Сеймура Мартина Липсета основана на утверждении, что сегодня политические идеологии переживают не самый благоприятный период — они как бы «размягчаются», границы стираются, и уже не так просто можно определить, к какой идеологии принадлежит тот или иной человек или партия. В 1946 г. Альбер Камю в статье, которую он писал для парижской левой газеты *Combat*, отметил занимательный факт на основе своих наблюдений: социалисты, отказываясь от марксизма, как «целостной философии и ограничиваясь сохранением его критического аспекта... демонстрируют, что наша эпоха знаменует конец идеологий» (цит. по: [4, с. 555]). Британский философ Исайя Берлин также отмечал, что вся политическая борьба партий свелась не к поединку идеологий, а к соревнованию по поводу того, чей метод решения социальных и экономических проблем наиболее эффективен и приемлем [Там же].

В этом же духе Дэниел Белл изложил теорию деидеологизации. Его причисляют к энтузиастам представления о гибели идеологии, сам он неоднократно заявлял, что идеологиям конец вовсе не пришел. Более того, в относительно «молодых» государствах, например Африки и Азии, зарождаются новые идеологии (см. об этом: [6, с. 105]). В своей работе «Эпоха разобщенности: размышления о мире XXI века» Д. Белл

отмечал, что на место «мировым» идеологиями придет замена, и в разных регионах мира неизбежно будут появляться более частные и специфичные идеологии типа нового национализма, панарабизма и т. п. [1, с. 70].

Парадоксальным образом теория деидеологизации поддерживала бытие идеологии. Как отмечает А. ван Вельдхойзен, «постидеологическое было не только описанием, но и знаком политической программы. Авторы использовали такой язык, чтобы объявить марксизм неактуальным в то время, когда большая часть мира все еще находилась под его чарами» [15, р. 72]. Попытка развенчать влияние идеологии в современной политике явно провалилась, хотя деидеологизаторам удалось доказать структурную деградацию идеологии до уровня идеологемы. Признавая, что снижение влияния идеологий на общественное сознание является важным признаком политической стабилизации, американский историк Говард Брикс выражает солидарность с мнением британского коллеги Тони Джадта о дисфункции идеологии, которая не столько демобилизует общество, сколько порождает «дефицит демократии» [10, р. 104]. Отсюда вытекает недоверие к общей позитивной оценке деидеологизации, в то время как содержанием идеологием становится забота действующих политиков-популистов, а не социальных философов.

Понятие «идеологема» исследователи нередко определяют с позиции когнитивного подхода как феномен, формирующий концептуальные схемы и категории, обуславливающий процессы восприятия, обработки и оценки получаемой информации о том или ином идеологически значимом объекте [3, с. 56].

Опираясь на теорию морфологии идеологий М. Фридена и теории упадка идеологий С. Липсета и Д. Белла, мы исходим из того, что классические идеологии в современном политическом дискурсе отходят на второй план, уступая место «эластичным» политическим концептам. Решающим в исследовании идеологий становится уже не сама идеология как система идей, а ее идеологемы, которые формируют и преобразуют политический манифест, выступая своего рода конструктором политических установок.

Праворадикальные идеологемы в политическом пространстве Южной Америки

В Южной Америке существует 13 политических систем. Однако одна из них выпадает из нашего исследования, так как не является суверенной, хотя и располагает автономной партией, — Французская Гвиана. В выборку включены 12 суверенных политических систем, которые проверяются на наличие политических партий, обладающих праворадикальными идеологемами в структуре своего политического манифеста. Критически важными критериями при отборе партий стали их официальный статус и активное политическое участие. В совокупности мы отобрали 18 отдельных случаев движений или партий, которые соответствуют установленным критериям (табл. 1). На основе

анализа документов (программы, заявления, уставы), а также сообщений международных и региональных СМИ удалось подтвердить наличие праворадикальных концептов в идеологемах отобранных политических субъектов.

Таблица 1

**Список политических организаций,
эксплуатирующих в своей риторике праворадикальные идеологемы**

Государство	Политическая организация
Аргентина	«Вперед, свобода» (исп. Avanza Libertad)
	Фронт патриотов (исп. Frente Patriota)
Боливия	Христианско-демократическая партия (исп. Partido Demócrata Cristiano)
Бразилия	Социал-либеральная партия (порт. Partido Social Liberal)
	Социал-христианская партия (порт. Partido Social Cristão)
	«Патриот» (порт. Patriota)
	Бразильская партия обновления труда (порт. Partido Renovador Trabalhista Brasileiro)
	«Альянс для Бразилии» (порт. Aliança pelo Brasil)
Колумбия	«Справедливая Колумбия» (исп. Colombia Justa Libres)
	«Гражданский вариант» (исп. Opción Ciudadana)
Парагвай	Национальный союз этичных граждан (исп. Unión Nacional de Ciudadanos Éticos)
Перу	«Народное обновление» (исп. Renovación Popular)
	Сельскохозяйственный народный фронт Перу (исп. Frente Popular Agrícola del Perú)
	«Народная сила» (исп. Fuerza Popular)
Уругвай	«Открытое собрание» (исп. Cabildo Abierto)
Чили	Республиканская партия Чили (исп. Partido Republicano)
	Гражданская национальная партия (исп. Partido Nacional Ciudadano)
	Объединенный центр (исп. Centro Unido)

Важно отметить, что из 12 страновых кейсов 4 случая дали отрицательный результат — партии с праворадикальными элементами, соответствующие критериям, отсутствуют. Этими кейсами стали Венесуэла, Эквадор, Суринам и Гайана. В остальных 8 случаях можно выделить как минимум одну партию общенационального уровня, имеющую в своей идейной системе праворадикальные идеологемы.

Нам удалось установить определенное разнообразие праворадикальных идеологем: «антикоммунизм», «гомофобия», «традиционализм», «религиозный фундаментализм», «национализм», «антииммиграция», «милитаризм», «третий путь», «конспирология», «антисемитизм», «антиглобализм», «антифеминизм». SEO-анализ программных документов большинства рассматриваемых партий показал широкую лексическую вариативность этих идеологем. Вместе с тем нам не удалось добиться убедительного и однозначного результата, маркирующего отобранные политические партии как праворадикальные по их идейному профилю. Нами зафиксировано наличие выраженных лек-

сически праворадикальных идеологом в манифестах южноамериканских политических партий. Праворадикальная лексика в партийных документах богата, синонимична и метафорична — более 60 лексем. Наиболее популярные (по количеству и частоте употреблений) приведены в таблице 2.

Таблица 2

Семантическое ядро программных документов политических организаций

Лексема (ориг.)	Лексема (рус. пер.)	Количество	Частота (повторов на ед. текста, %)
Estado (исп., порт.)	государство	93	0,89
Derecho (исп.), Direito (порт.)	право	62	0,71
Partido (исп., порт.)	партия	60	0,66
Política (исп., порт.)	политика	57	0,50
Nación (исп.), nação (порт.)	нация	55	0,46
Vida (исп.), vida (порт.)	жизнь	53	0,58
Pueblo (исп.), povo (порт.)	народ	48	0,55
Crecimiento (исп.), promoção (порт.)	рост/развитие	46	0,41
Sociedad (исп.), sociedade (порт.)	общество	45	0,46
Seguridad (исп.), segurança (порт.)	безопасность	35	0,45
Liberdade (порт.)	свобода	33	0,41
Gobierno (исп.), governo (порт.)	правительство	31	0,31
País (исп., порт.)	страна	31	0,31
Empleo (исп.)	занятость	30	0,23
Trabajo (исп.), trabalho (порт.)	работа	29	0,27
Sistema (исп., порт.)	система	28	0,25
Persona (исп.)	человек	27	0,21
Condición (исп.), propriedade (порт.)	состояние / свойство	26	0,26
Nacionalista (исп.)	националист	26	0,20
Cidadão (порт.)	гражданин	25	0,33
Patriota (порт.)	патриот	24	0,31
Lucha (исп.), combate (порт.)	борьба	24	0,24
Servicio (исп.), serviços (порт.)	услуга	22	0,22
Defesa (порт.)	оборона	21	0,27
Ordem (порт.)	порядок	21	0,27
Objetivo (исп., порт.)	цель	21	0,20

Нетрудно заметить, что программные документы партий содержат в себе в первую очередь социально ориентированную повестку. Об этом свидетельствует относительно высокая частота таких лексем, как «жизнь», «рост /развитие», «занятость», «работа». Несколько отличается результат по Бразилии, в этом случае семантическое ядро в большей мере занимают лексемы, связанные скорее с политической сферой, нежели социальной. Сравнительно часты лексемы «право», «народ», «свобода», «патриот», «порядок».

Маркеры, указывающие на наличие идей правого радикализма, можно выделить по контексту словоупотребления. Например, лексема «оружие» в политических манифестах характерна скорее для правых вообще и для радикально правых в частности. Так, в программе бразильской партии «Патриот» указано: «[Партия] “Патриот” стремится обеспечить, а затем сохранить право бразильцев на ношение и владение огнестрельным оружием»¹. Тема свободного владения огнестрельным оружием затрагивается и другими партиями, причем с сильной эмоциональной окраской, например: «бразильцы передадут свое оружие и подпишут суицидальный пакт об отказе от своего права на самооборону», зафиксировано в программе партии «Альянс для Бразилии»².

Любопытно и употребление лексемы «жизнь». Можно утверждать, что в политическом контексте это слово используется в связке с неприятием абортов или же с религиозными практиками. «Альянс для Бразилии» декларирует: «...партия предлагает развивать здоровое сотрудничество между этими двумя сферами [политическая и религиозная] для общего блага хотя бы потому, что люди в основном религиозны и не исключают Бога из своей жизни»³. Это вполне характерная для правых радикалов идея — политизация религии и клерикализация политики.

Ярким маркером является слово «национализм», которое, как правило, отождествляется с правым радикализмом. Так, Сельскохозяйственный народный фронт Перу обозначает среди своих идеалов идею национализма и пишет, что национализм — это «чувство любви к своей родине, это величайшая добродетель, которая побуждает нас взять на себя ответственность перед своей страной, строить лучшее будущее, защищая природные ресурсы, обычаи, культуру и национальную самобытность»⁴. Боливийская Христианско-демократическая партия предлагает следующее: «Давайте избавимся от устаревших политических моделей прошлого и примем участие в новом видении макронационального государства, чтобы воплотить в жизнь всестороннее развитие», добровольно принимая националистический дух, в котором преобладают «единство и целостность нашей Родины»⁵. Намного радикальнее звучит понимание идеи национализма в манифесте арген-

¹ Программа партии «Патриот» («Patriota»). URL: <https://patriota51.org.br/proposta-patriota/> (дата обращения: 15.04.2022).

² Программа партии «Альянс для Бразилии» («Aliança pelo Brasil»). URL: <https://static.poder360.com.br/2019/11/PROGRAMA-DA-ALIANÇA-PELO-BRASIL.pdf> (дата обращения: 15.04.2022).

³ Там же.

⁴ Программа партии Сельскохозяйственный народный фронт Перу («Frente Popular Agrícola del Perú»). URL: <https://frepap.org.pe/wp-content/uploads/2022/05/ESTATUTO.pdf> (дата обращения: 15.04.2022).

⁵ Программа Христианско-демократической партии (Partido Demócrata Cristiano). URL: http://www.coordinadoradelamujer.org.bo/protagonistas/archivos/programas/PROGRAMA_PDC_EG_2019.pdf (дата обращения: 15.04.2022)

тинского Фронта патриотов: «Националисты — это те граждане, которые доводят любовь к Родине до степени мистики, доктрины, приверженности, борьбы и воинственности. Мы, националисты, являемся движущей силой, а в некоторых случаях даже последней линией обороны, последним батальоном Сообщества Граждан — другими словами, самой Нации»⁶.

Если же взять лексику «Родина», то Фронт патриотов подчеркивает в своей доктрине: «...слово “Родина” происходит от латинского Pater — Отец, то есть Родина — это дело, бессмертное наследие наших Отцов — основателей Отечества. Это духовное наследие, это наследие крови и это наследие почвы...»⁷

Общей тенденцией в бытовании праворадикальных идеологием является экспрессия, морально-нравственная окраска политических тезисов. Партия «Альянс для Бразилии» заявляет: «Для обеспечения морального порядка партия будет стремиться... к сохранению христианских ценностей, памяти и бразильской культуры, общего наследия народа»⁸. Подобное построение идейной манифестации с точки зрения эффектов воздействия на аудиторию вполне логично и уместно.

В программных документах нами зафиксировано относительно немного маркеров правого радикализма, по большей части семантическое ядро составляют либо стандартные лексемы партийного дискурса, либо маркеры, более характерные для электорального популизма. Тем не менее в партийных текстах присутствуют маркеры, свойственные правым радикалам и связанные, например, с религией, национализмом, моралью, патриотизмом, ценностями и традициями, что дает нам основание для сопоставительной типологии политических организаций.

В качестве критериев такой типологии нами приняты:

- место в партийно-идеологическом спектре;
- длительность существования;
- парламентское представительство.

По месту в партийно-идеологическом спектре политические организации разделены по их самопрезентации на центристские, консервативные и националистические (табл. 3). По длительности существования, учитывая по историческим меркам относительно небольшой срок действия политических систем в их нынешнем виде, оправданным представляется условное деление партий и движений на «молодые» (работающие менее 10 лет) и «старые» (более 10 лет). Парламентский статус учитывался нами на дистанции трех последних по времени электоральных циклов, вне зависимости от числа избранных представителей.

⁶ Доктрина партии Фронт патриотов (Frente Patriota). URL: <https://frentepatriota.org/docs/DoctrinaYOrganizacion.pdf> (дата обращения: 15.04.2022).

⁷ Там же.

⁸ Программа партии «Альянс для Бразилии» (порт. «Aliança pelo Brasil»). URL: <https://static.poder360.com.br/2019/11/PROGRAMA-DA-ALIANÇA-PELO-BRASIL.pdf> (дата обращения: 15.04.2022).

Таблица 3

Сопоставительная типология политических организаций

«Возраст»	Политические организации		
	Центристские	Консервативные	Националистические
«Старые»	Христианская социальная партия (бразил.). Христианско-демократическая партия (боллив.). Бразильская партия обновления труда. «Гражданский вариант» (колумб.). Сельскохозяйственный народный фронт Перу	«Народная сила» (перуан.). Социал-либеральная партия (чил.)	Национальный союз этических граждан (парагв.)
«Молодые»	«Справедливая Колумбия». Гражданская национальная партия (чил.). Объединенный центр (чил.)	«Вперед, свобода» (аргент.). «Патриот» (браз.). «Народное обновление» (перуан.). Республиканская партия Чили. «Альянс для Бразилии»	«Открытое собрание» (уругв.). Фронт патриотов (аргент.)

Примечание: парламентские партии и движения выделены курсивом.

Демонстративно националистических партий в регионе немного, в то время как количество центристских и консервативных сравнительно велико. Праворадикальные идеологемы среди политических партий распространяются скорее в формате популистских штампов, нежели в виде четкой и конкретной партийной позиции. Группировка по возрасту партий не дает конкретных выводов, так как существенного перевеса не наблюдается, хотя стоит отметить, что среди «молодых» партий число парламентских выше. В частности, заметим, что представленность в парламентах невысокая — в среднем 9 представителей.

На основе результатов сравнительного анализа мы сформировали сопоставительные таблицы, согласно которым распределяем страны по наличию в них политических партий с праворадикальными идеологемами.

В Южной Америке праворадикальные идеологемы занимают важное место, оказывая умеренное влияние, кроме частных случаев 4 партий, имеющих низкий уровень влияния правого радикализма. Среди случаев, где правый радикализм оказывает влияние, особое место занимают Бразилия и Колумбия, которые показали наиболее инте-

ресные результаты (выделены в таблице 4 полужирным шрифтом). Бразилия демонстрирует наиболее высокий показатель числа партий с праворадикальными идеологами.

Таблица 4

Уровень выраженности правого радикализма по количеству партий с праворадикальными идеологами по странам Южной Америки

Страна	Уровень выраженности праворадикальных идеологов		
	Минимальный (0 случаев)	Средний (1–2 случаев)	Высокий (3 и более)
Аргентина	–	2	–
Боливия	–	1	–
Бразилия	–	–	5
Венесуэла	–	–	–
Гайана	–	–	–
Колумбия	–	2	–
Парагвай	–	1	–
Перу	–	–	3
Суринам	–	–	–
Уругвай	–	1	–
Чили	–	–	3
Эквадор	–	–	–

89

Если посмотреть долю праворадикальных партий от общего числа партий (табл. 5), то Бразилия показывает один из самых высоких результатов среди всех обозреваемых случаев в 15,6 %.

Таблица 5

Доля партий с праворадикальными идеологами от общего числа партий (по странам)

Страна	Доля праворадикальных партий, %		
	0–4,9	5–9,9	Более 10
Аргентина	4,4	–	–
Боливия	–	9,1	–
Бразилия	–	–	15,6
Венесуэла	–	–	–
Гайана	–	–	–
Колумбия	–	–	15,4
Парагвай	3,6	–	–
Перу	–	–	15,8
Суринам	–	–	–
Уругвай	–	9,1	–
Чили	–	–	18,8
Эквадор	–	–	–

Колумбия же показывает другой интересный результат. Хотя среднее количество партий с праворадикальными идеологемами достаточно велико, в процентном соотношении их оказывается относительно много, почти сопоставимо с Бразилией, — 15,4 %.

Другими случаями с относительно высокой долей влияния праворадикальных идеологов являются Перу и Чили (15,8 и 18,8 % соответственно).

Что касается доли таких партий в парламентах этих государств, то здесь можем увидеть следующие результаты (табл. 6): Бразилия все так же остается в лидерах с показателем в 15,7 %, а Колумбия неожиданно отходит в группу стран с минимальными показателями — 3,4 %.

Случаями с высокой долей оказались Перу (17,2 %), Чили (14,1 %), Боливия (14 %) и Уругвай (11,5 %).

Таблица 6

Доля голосов, поданных за партии с праворадикальными идеологемами на недавних выборах (по странам)

Страна	Доля голосов, %		
	0–4,9	5–9,9	Более 10
Аргентина	2,8	—	—
Боливия	—	—	14
Бразилия	—	—	15,7
Венесуэла	—	—	—
Гайана	—	—	—
Колумбия	3,4	—	—
Парагвай	1,8	—	—
Перу	—	—	17,2
Суринам	—	—	—
Уругвай	—	—	11,5
Чили	—	—	14,1
Эквадор	—	—	—

Существенным культурно-историческим фактором, обуславливающим в определенной мере относительную популярность радикальных идеологов в Чили, Уругвае, Бразилии, Парагвае и Боливии, представляется опыт глубоких идеологических расколов, гражданских конфликтов, военных диктатур и широкомасштабного преследования идеологических оппонентов (например, операция «Кондор») в 1970–1980-х гг. [9, р. 152].

Другой долговременной причиной сохранения угрозы политической радикализации выступает нарастающая социальная поляризация и сопутствующие ей неудачи правительственных мер по стабилизации экономических процессов, прежде всего в сфере контроля над инфляцией (Аргентина, Перу). В сочетании с высоким уровнем преступности, коррупции в органах государственной власти социальная напряженность ведет не только к массовым протестам, но и к делегитимации власти умеренных политических сил [2, с. 138].

В конечном счете на основе анализа сопоставительных таблиц можно констатировать: Бразилия, Перу и Чили — абсолютные лидеры по

влиятельности праворадикальных идеологов и числу партий, чьи идейные системы их содержат. Любопытен случай Колумбии, которая в трех таблицах (табл. 4–6) каждый раз оказывалась в разных группах.

Синхронное бинарное сравнение (Колумбия и Бразилия)

Из других важных результатов нашей работы можно представить итоги вторичного анализа статистических данных по двум страновым кейсам – Колумбии и Бразилии.

Статистические данные взяты из исследования «Общественное мнение и звучание справа в Бразилии и Колумбии» Хуана Альбаррасин Дирольфа – американского политолога латиноамериканского происхождения, статистика собрана социологической лабораторией «Latin American Public Opinion Project – LAPOP», базирующейся в Университете Вандербильта (США).

Анализ опирается на следующие блоки вопросов: экономика (место государства в экономике), социально-культурный вопрос (поддержка равноправных браков), общественная безопасность (поддержка более суровых наказаний), политика (поддержка или неприятие либеральной демократии) и, естественно, контекстуальный вопрос – поддержка мирного соглашения правительства с леворадикалами из FARC (Революционные вооруженные силы Колумбии) в Колумбии и импичмент президента Дилмы Русеф от левой Партии трудящихся в Бразилии и, соответственно, самопозиционирование на идеологическом поле [8, р. 14].

Почти полувековой вооруженный конфликт в Колумбии породил как леворадикальные политические силы, так и праворадикальные в лице так называемых парамилитарес (самая известная группировка – АУС, Объединенные силы самообороны Колумбии). Несмотря на мирное урегулирование конфликта, общество Колумбии все так же поляризовано в контексте этого конфликта (рис. 1). А. Эскобар подчеркивает, что проблема идейной поляризации выступает главным препятствием для достижения национального согласия в Колумбии, куда большим, чем даже проблема социального неравенства [11, р. 334]. На диаграмме можно увидеть, как количество респондентов (праворадикалы), расположившихся от 8 до 10, можно соотнести с леворадикалами, которые расположились на отрезке от 0 до 2. Праворадикалов в целом больше.

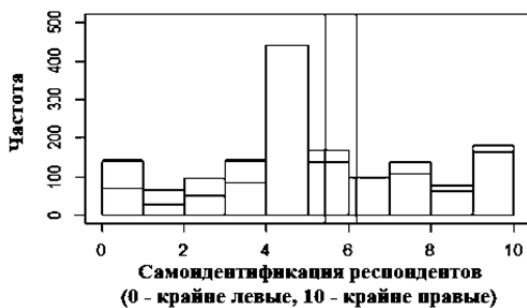

Рис. 1. Шкала идеологической самоидентификации в Колумбии, 2012 и 2016 гг. [8, р. 26]

Контекстуально праворадикальные идеологемы в Бразилии можно рассмотреть через такие процессы, как импичмент президента Дилмы Русеф и избрание президентом Бразилии Жаира Болсонару. Высокое одобрение в обоих случаях наблюдалось как раз у праворадикальных сил, которые хотя и уступают по сравнению с Колумбией левым радикалам, но тем не менее оказывают высокое влияние на политические процессы в Бразилии (рис. 2).

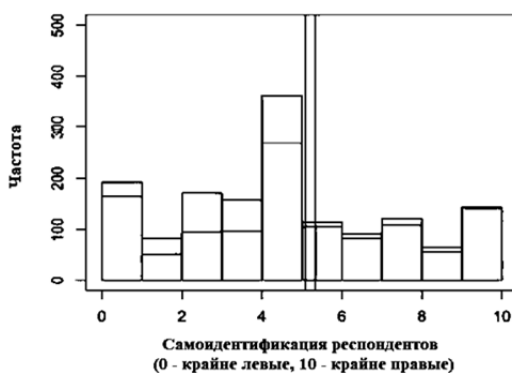

Рис. 2. Шкала идеологической самоидентификации в Бразилии, 2012 и 2017 гг. [8, р. 33]

В этом случае мы можем наблюдать уже перевес в пользу леворадикалов, однако, как мы уже писали выше, по влиятельности праворадикальных идеологем Бразилия опережает Колумбию, несмотря на количественное отставание по этому показателю.

Заключение

Правый радикализм не является особенностью какого-либо отдельного региона. Это явление так или иначе наблюдается повсюду. В любом регионе мира мы можем зафиксировать проявления правого радикализма, а праворадикальные идеологемы в этом отношении распространены еще шире. Учитывая сегодняшнее состояние идеологий (Дэниел Белл, по всей видимости, был прав), вполне четко регистрируется тенденция к замене классических универсальных идеологий на специфические региональные идеологии в разных частях мира. Последние обладают совершенно разными идеологемами, которые, вероятно, в других обстоятельствах были бы даже несовместимы. Заметен общий переход от функционализма к инструментализму, когда идейные системы, не будучи наделены крупным и жестким ядром, развивают периферийную оболочку, монтируя и демонтируя идеологемы.

На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что, хотя средний уровень влиятельности праворадикальных идеологем в Южной Америке значителен, в большинстве случаев можно наблюдать условное явление «*extrema-direita envergonhada*», то есть ситуацию, ко-

гда праворадикальные политические субъекты в какой-то степени вынуждены маскироваться и откращиваться от своей праворадикальности на публике, но не отказываться от самих концепций.

Синтез теорий деидеологизации Д. Белла и С. Липсета и концепции морфологии идеологий М. Фридена позволяет по-новому рассмотреть идеологии на современном этапе развития политической мысли. Время классических идеологий подходит к концу, и на замену им появляются современные «индивидуальные» идеологии.

Нам удалось определить и зафиксировать степень влияния праворадикальных идеологов на политические процессы в Южной Америке. Мы полагаем, что это средневыраженная влияние. Однако следует отметить, что южноамериканский регион довольно динамичен в плане политических изменений, поэтому только в моменте можно исходить из позиции среднего уровня влияния праворадикальных идеологов в этом регионе — с течением времени уровень этой влияния может существенно измениться. Можно прогнозировать падение влияния праворадикальных идеологов в краткосрочной перспективе, несмотря на то что в ряде отдельных южноамериканских государств констатируется неустойчивость левых правительств вкупе с тем, что 2023 г. можно условно определить как период завершения очередного электорального суперцикла Южной Америки. В 2022 г. в Бразилии прошли всеобщие выборы (выборы президента и вице-президента Бразилии, депутатов Национального конгресса, губернаторов и легислатур штатов), 29 мая 2022 г. состоялись выборы президента в Колумбии, которые продемонстрировали общую тенденцию «левого поворота», а всеобщие выборы в 2023 г. в Аргентине (выборы президента Аргентины, членов национального конгресса и губернаторов большинства провинций) и в Парагвае (выборы президента и вице-президента, сената и палаты депутатов) вероятно, продолжат эту линию идейно-политического развития континента. Вместе с тем в условиях назревающего мирового экономического кризиса в среднесрочной перспективе это может привести к «правому откату», за которым, без сомнения, последует рост влияния праворадикальных идеологов.

Список литературы

1. Белл Д. Эпоха разобщенности: размышления о мире XXI века / пер. с англ. В.Л. Иноземцева. М., 2007.
2. Ивановский З.В. Правый дрейф в Латинской Америке: причины, итоги и перспективы // Латиноамериканский исторический альманах. 2022. № 35. С. 133–160.
3. Клушина Н.И. Теория идеологов // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 54–58.
4. Липсет С.М. Политический человек: социальные основания политики. М., 2016.
5. Ляшева М.Н. Функционирование идеологов в современном развлекательном интернет-дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2020.
6. Смирнова Е.В. Критика концепций деидеологизации // Теория и практика общественного развития. 2015. № 14. С. 105–107.

7. Чутков С. С. Морфологический анализ идеологии М. Фридена // Политическая концептология : журнал междисциплинарных исследований. 2017. №2. С. 211 – 220.
8. Albarracín J. Explorando las bases. Opinión pública y los sentidos de la derecha en Brasil y Colombia // Las nuevas derechas. Un desafío para las democracias actuales / ed. O. A. Bravo. Cali, 2020. P. 13 – 42.
9. Bar-On T., Bale J. M. Fighting the Last War: Confusion, Partisanship, and Alarmism in the Literature on the Radical Right. Lanham, 2022.
10. Brick H. The End of Ideology Thesis // The Oxford Handbook of Political Ideologies / ed. by M. Freeden, L. T. Sargent, M. Stears. Oxford, 2013. P. 90 – 112.
11. Escobar A. Política pluriversal: lo real y lo posible en el pensamiento crítico y las luchas latinoamericanas contemporáneas // Tabula Rasa. 2020. №36. P. 323 – 354.
12. Freeden M. Ideologies and political theory: A conceptual approach. Oxford, 1998.
13. Freeden M. Ideology Studies: New Advances and Interpretations. L., 2021.
14. Martin C. A. Understanding terrorism: challenges, perspectives, and issues. L., 2006.
15. Veldhuizen van A. Defining the old, creating the new. Post-ideology and the politics of periodization // Post-everything. Manchester, 2021. P. 60 – 78.

Об авторах

Илья Николаевич Тарасов – д-р полит. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: ITarasov@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7698-709X>

Егор Сергеевич Кель – магистрант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: kel.egor@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0008-8891-8559>

I. N. Tarasov, E. S. Kel'

RIGHT-WING RADICAL IDEOLOGUES IN THE POLITICS OF SOUTH AMERICAN STATES

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 10 March 2023

Accepted 17 April 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-8

To cite this article: Tarasov I. N., Kel' E. S. 2023, Right-wing radical ideologues in the politics of South American states, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 80 – 95. doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-8.

The purpose of the study is to determine the influence of right-wing radical ideologies on political processes in South America. Right-wing radicalism has a long history of presence in the political reality of South American states. Having gone a long way from the usual ideas and concepts of the continental elites to the organization of right-wing radical political forces, right-wing ideologues have become entrenched in the public consciousness of the societies of

South American countries. We relied on a synthesized approach to the "ideologeme" through the concept of the morphology of ideologies by M. Frieden and the theories of "de-ideologization" by D. Bell and S. Lipset. Methods of regional and binary synchronous comparison made it possible to establish indicators of the influence of right-wing radical ideologemes, as well as to record similarities and the most significant differences in individual country cases. An analysis of the structure and state of the party systems of the states of the region made it possible to determine the degree of influence of right-wing radical ideologies on the political processes. Among the most significant causes of ideological radicalization in South America, we have identified cultural, historical, and socio-economic factors.

Keywords: right-wing radicalism, ideologemes, South America, political ideologies

The authors

Prof. Ilya N. Tarasov, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: ITarasov@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7698-709X>

Egor S. Kel', Master Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: kel.egor@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0008-8891-8559>

А. Г. Большаков, Е. В. Храмова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ПЕРИОД МЕЖДУНАРОДНЫХ БИФУРКАЦИЙ

Казанский федеральный университет, Казань, Россия

Поступила в редакцию 15.03.2023 г.

Принята к публикации 17.04.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-9

96

Для цитирования: *Большаков А. Г., Храмова Е. В. Политическая коммуникация в период международных бифуркаций // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 2. С. 96 – 104. doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-9.*

Лавинообразный характер информационных потоков привел сегодня к деструктурированию всех коммуникационных связей в мировом пространстве. Политические коммуникации в этих условиях все более напоминают каналы с расширяющимися «черными ящиками» и некорректно используемым «белым шумом». Цель проведенного исследования состоит в определении специфики политической коммуникации в условиях международных бифуркаций. В основу методологии анализа положен синтез современных теорий – математического моделирования коммуникации К. Шеннона и У. Уивера, политической кибернетики Д. Истона, политической коммуникации Д. Дж. Лиллекера и П. Лазарсфельда, кризисной коммуникации Р. Улмера, Т. Селнау и М. Сиджера и теории игр с противоположными интересами. По результатам анализа выделены специфические характеристики современной политической коммуникации – ее технологический (непроцессный) характер, неклассическое взаимодействие коммуникатора и коммуниканта в ней, трансформация коммуниканта в «черный ящик», манипулятивность отношения к коммуникатору. Можно сделать базовый вывод о трансформации классических политических коммуникаций из процесса передачи информации в технологию взаимодействия ее участников в манипулятивном формате для принятия политических решений.

Ключевые слова: политическая коммуникация, международная бифуркация, политическое решение

Нарушение коммуникационных связей в социальных и политических структурах современного мира очевидно, в том числе и на уровне экспертно-научного сообщества. Проявления этого мы наблюдаем в различных сегментах общественной и политической жизни вне зависимости от места пребывания. К ним относятся кейсы массовой стрельбы в общественных местах или нарушений избирательного процесса посредством инструментов СМК, террористические акты или всплески социально-политической нестабильности в отдельно взятом регионе или стране. Причины перечисленных явлений обнаруживаются в издержках коммуникации разных типов, уровней и т. п. Особо заметными

издержки становятся в условиях дестабилизации вышеназванных социально-политических процессов и явлений, а особенно нарушения равновесия систем различной этиологии.

Достижение и сохранение состояния равновесия любой системы весьма непросто, будь то механическое в естественных науках, социальное в общественных науках или равновесие политической системы страны или мира. Большую роль в этом играют воздействия и взаимодействия как внутри, так и вне системы. В системе международных отношений советского периода истории нашего общества сохранению равновесия способствовал ее биполярный характер. И он, в свою очередь, тоже был достигнут посредством концентрации взаимодействий и во внутренней среде, и с внешней средой в условиях конкуренции двух государств – точек мирового притяжения. Причем большим достижением сторон стало использование ресурса специалистов по политическим коммуникациям самого высокого класса.

Так, за политическое признание Советской России в пользу налаживания отношений на поле нефтяных войн высказывался классик политических PR Айви Ли. Именно он по возвращении из СССР в записке Госдепартаменту предложил начать переговоры об установлении дипломатических отношений, одновременно урегулировав недоразумения в торговле «между двумя такими великими странами, как Россия и Соединенные Штаты» (цит. по: [14, с. 644]). Достигнутый баланс продержался почти семь десятилетий.

Основным актором, повлиявшим на разрушение этого баланса, выступили США после краха двухполярной мировой системы. Можно сказать, что потеря противовеса лишила США «тормозов». Достаточно рискованно говорить о том, что распад Советского Союза запустил механизм разгона США на инерционное движение в неуправляемый хаос, однако последствия, подвергнутые анализу теоретиков и практиков американской внешней политики и безопасности, говорят о многом. Что бы ни утверждали классики теории демократии, эта форма правления в меньшей степени системна, нежели любая другая, поскольку содержит большое количество рисков запуска неуправляемых (неконтролируемых) процессов, особенно процессов коммуникационных. Ведь именно словом, как свидетельствует народная мудрость, можно убить. Уточним: словом, сказанным или написанным человеком, не осознающим или нивелирующим значимость своей социальной ответственности. В результате сегмент коммуникаций власти и общества оказался в США самым недееспособным и «пошел под откос»: сначала некомпетентность пресс-секретарей президентов США, затем некомпетентность самих президентов. Новейшая история страны изобилует печально известными всему мировому сообществу кейсами, связанными с курьезными высказываниями и некорректным поведением последних.

В итоге уже другой эксперт – классик политологии, специалист по национальной безопасности и геополитике З.К. Бжезинский, ратовавший за доминирование США как единственной супердержавы, был

вынужден констатировать недостижение ожидаемых результатов, а, следовательно, и несостоятельность системы нацбезопасности страны. В частности, он отмечал: «Сегодня, двадцать лет спустя, мало кто видит Евросоюз серьезным политическим игроком в ближайшем будущем, и господствующее положение Америки на мировой арене тоже под вопросом» [2, с. 14].

Попытки анализа причин и последствий распада СССР для Соединенных Штатов в экспертном сообществе не прекращались все прошедшие тридцать лет. Впервые крупномасштабное научное мероприятие по этой теме прошло в США в 1993 г. (см. публикацию в журнале *National Interest*: [15]). Эта попытка рефлексии в принципе выявила неготовность американского, да и мирового, научного сообщества к такому исходу в развитии колосса СССР, а разброс мнений политологов, советологов и футурологов в рамках даже этого издания поляризовался от «виной распаду — экономическая несостоятельность» до откровенно фаталистических (просто «так сложились обстоятельства» и «Горбачёву повезло»).

Последствия такой «экспертной дихотомии» выразились в хаотизации практик «на земле». Во-первых, вопреки логике функционирования международных правительственных организаций продолжила свое существование и нарастила присутствие на евразийском материке НАТО, созданная «в защиту от угрозы советской экспансии». Логика здесь проста: нет Советского Союза — нет НАТО, а если альянс продолжает существовать, то требуется ответ на вопрос — каковы идеология и цель его существования? А если нет ответа на этот вопрос, то логично осознать потенциальную угрозу блока для Российской Федерации, де-юре — государства-продолжателя СССР.

Во-вторых, некоторая самонадеянность США и их партнеров (по блоку и иным правительственным и неправительственным организациям) в отношении бессрочного пребывания Российской Федерации в статусе «бензоколонки» на полях международных взаимодействий не оправдала себя. Даже экспертный пул западных советологов и россияне не сумел определить перспектив этого пребывания России в статусе политически зависимого субъекта. А гипотетически все было достаточно просто: государство с таким размером территории и объемом ресурсов, как РФ, не может долго находиться в зависимом положении. На это косвенно указывают исторический опыт, состояние долговых обязательств страны и прямо — «мюнхенская речь» В. В. Путина [10].

В-третьих, мы наблюдаем сегодня последствия интенсификации развития «информационного общества», приведшей к хаотизации коммуникационных процессов. В ее основе лежит наращивание объемов информационных потоков в геометрической прогрессии за последние 50—60 лет (с момента активизации пользования ЭВМ и глобальной сети). И здесь мы снова наблюдаем поляризацию явления — в данном случае параметра полезности цифровизации общества между технооптимистами и техноалармистами.

В-четвертых, по нашему мнению, сегодня мировое сообщество как никогда близко к состоянию потери ценностей и реструктуризации социальных норм (Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Т. Парсонс). В отдельных западных странах эти проявления уже обращают на себя внимание. В частности, речь может идти о рассогласовании понимания нормы сексуального сосуществования в первоисточниках (Библия, Коран и др.) и в ее интерпретации современными социальными и политическими институтами (Ватиканом, парламентами ряда стран, рядом международных правительственных и неправительственных организаций).

Сегодня выход политических процессов мирового уровня из состояния нормы, а политических систем — из состояния равновесия обозначил ясную тенденцию бифуркационных всплесков. И они опять-таки были изначально инициированы ведомствами по обеспечению безопасности США в форматах массированных воздействий так называемых «цветных» и иного вида революций. Впоследствии технологии их реализации буквально «выпали» из рук Соединенных Штатов, и никто не захотел их «подбирать». Однако процессы воздействия на политические системы в ряде стран уже были запущены. Появились точки бифуркации, завязанные на сменах режимов через политические коммуникации, затем переросшие в акции протеста, а в ряде стран — и в акты терроризма. Участие политических акторов извне в процессах по смене политических режимов внутри ряда стран позволяет определять политические бифуркации как влияющие на международные процессы, то есть как международные.

С точки зрения теории понимание международных бифуркаций опирается на понятие «бифуркация» (от латинского *bifurcus* 'раздвоенный', 'вилка'), обозначающее точку кардинальной смены параметров субъекта (чаще всего системы). Исходя из такого понимания бифуркации определим международные бифуркации как «вилки» государственных систем с кардинальной сменой параметров государственности — экономических, политических, культурных, социальных. К ним мы относим любые ситуации социально-политического напряжения, в которых один из политических акторов ставит целью создать условия и применяет различный инструментарий для дестабилизации политической системы, вывода ее на точку смены какого-либо параметра ее. Чаще всего этим параметром выступает смена политического режима / власти, а технологией реализации — политическая коммуникация.

В классическом упрощенном варианте концепт «коммуникация» подразумевает процесс обмена информацией. В частности, медиасловари сегодня дают следующее обобщенное определение понятию коммуникации: это передача сообщений или информации от отправителя получателю без учета воздействия таких факторов, как контекст, средство (канал) коммуникации, коммуникативные коды и отношения и др., а также производство значений (смыслов) в процессе взаимодействия [9, с. 86]. Информация в этом контексте понимается как содержание любой осмысленной, целенаправленной коммуникации, сведения о явлениях, фактах, смыслах, ощущениях, передаваемые в рамках межличностной или технически опосредованной (медиатизированной)

коммуникации [9, с. 72]. Уточнение в понятие информации изначально было внесено классиками теории информации К. Шенноном и У. Уивером, которые вынесли за его рамки сведения, не трансформирующие неопределенность в информационном взаимодействии [3, с. 8].

В науках о языке принята трактовка понятия коммуникации скорее в социологическом ключе. Следуя от этимологии слова, лингвисты поясняют:

В латыни имя существительное *communicatio* значит то же, что «передача», «доведение», «связь», «разговор», а глагол *communico* — «сделать общим», «соединить», «передать известие». *Communio* — это «участие», «общность». Все эти лексемы происходят от глагола *munio*, который помимо всего прочего означает «строить», «сооружать», «прокладывать», «укрепить» (обнести валом, гарантировать, обеспечивать), «делать безопасным». Эти ссылки на латинский первоисточник позволяют понять, что коммуникация — это не только объяснение, но и становление сообщества [4, с. 466–467].

Особенно важным в этом плане, на наш взгляд, сегодня представляется концепт безопасности в трактовке «коммуницировать» как «обеспечивать безопасность» (*munio*). В этом контексте можно расширить понимание коммуникации: коммуницировать — значит нести социальную ответственность за сказанное. В медицине, например, это означает «не навреди».

В коммуникации задействованы два субъекта: коммуникатор — субъект, осуществляющий коммуникативное влияние, коммуникант — субъект, принимающий политическое решение и находящийся под коммуникативным влиянием, которое зачастую осуществляется не в его интересах, а чаще способствует реализации интересов других субъектов (коммуникаторов). Коммуникатор в поле современной науки может иметь характер адресата и получателя сообщения (информации). В первом случае имеется в виду та часть группы, получившей информацию в виде сообщения, для которой, собственно, оно и предназначалось отправителем, а во втором — та, что вне зависимости от желания отправителя получает эти же сообщения. В теориях медиа, политической науке и социологии первую группу маркируют как целевую аудиторию.

Ролевая смена коммуникатора и коммуниканта обеспечивает их взаимодействие на конкурентной основе с перспективой перехода на основу сотрудничества. Такой вариант перехода можно назвать бесконфликтной коммуникацией. Взаимодействие на конкурентной основе чаще всего признается конфликтной коммуникацией.

Содержание двух этих видов коммуникации отличается наличием конфликтогенов в случае конфликтной коммуникации.

Уточнение К. Шеннона и У. Уивера особо ценно для понимания содержания политической информации, которая формирует контент вполне конкретного содержания — контент, необходимый для разработки и принятия политического решения.

Черный ящик политической системы в политической кибернетике Д. Истона (см., напр.: [5]) трансформирует схему Шеннона — Уивера, в

корне меняя систему кодировки-раскодировки. Запрос на коммуникацию поступает от общества (коммуникатора) политической системе (коммуниканту), но коммуникант этот сегодня преобразован в «черный ящик», соответственно и информацию в канал обратной связи он выдает не как реакцию на запрос коммуникатора, а как политическое решение стабилизационного либо дестабилизационного характера, вплоть до вариантов белого шума (успокаивающее, убаюкивающее).

Иными словами, в современном политическом поле политическая коммуникация уже не процесс обмена информацией, а технология влияния на коммуниканта с целью принятия им нужного коммуникатору политического решения. Это решение должно способствовать достижению интересов коммуникатора.

Технологически это можно представить сквозь призму концепта одновременности коммуникации (реальной и воображаемой одновременности), обеспечиваемой средствами массовой информации без физического контакта [6, с. 343].

Д. Дж. Лиллекер считает, что политическая коммуникация должна стимулировать, провоцировать реакцию народа на действия правящей элиты, и выделяет в этом контексте троих участников политической коммуникации: политическую сферу (государство и политические деятели), негосударственных субъектов и избирателей [8, с. 10]. В такой дифференциации П. Лазарсфельд определяет группу «пограничников» между негосударственными субъектами и общей массой (или избирателями) в лице лидеров общественного мнения, влияющих на аудиторию (см.: [3, с. 11]). Р. Улмер, Т. Селлнау и М. Сиджер уточняют, что в ситуации кризисных коммуникаций субъекты политической сферы должны выстраивать партнерские отношения с массовым сообществом посредством инструментов СМИ. Власть дается рекомендация при управлении кризисом рассматривать участников событий и СМИ как партнеров. Тем самым авторы фиксируют неоднородность аудитории воздействия [13, с. 60]. Такая неоднородность, несомненно, свидетельствует об усложнении системы коммуникации власти и аудитории.

Некоторые отечественные авторы считают, что инициативы государства должны находить поддержку у населения; в свою очередь государство должно чувствовать и своевременно реагировать на сигналы из общества, понимать процессы, которые там происходят. Этот непрямой диалог власти и общества детерминирует обособление института средств массовой информации, делает его самостоятельным субъектом политики, экономики, социального развития [7, с. 288].

Х. Арендт в принципе представляет власть как результат коммуникационных процессов. «Власть (power), – говорит она, – соответствует человеческой способности не просто действовать, но действовать согласованно. Власть никогда не бывает принадлежностью индивида; она принадлежит группе и существует лишь до тех пор, пока эта группа держится вместе. Когда мы говорим о ком-то, что он находится “у власти”, мы на самом деле говорим, что некоторое число людей облекло

его властью действовать от их имени» [1, с. 52]. По сути же, все теоретики политической коммуникации признают таковую как неотъемлемую и / или функциональную часть политической системы [5, с. 21].

Фактор неотъемлемости политической коммуникации от политической системы и фактор усложнения системы коммуникации власти с аудиторией в совокупности наталкивают на мысль о необходимости и наличии неких политических субъектов (акторов), которые будут осуществлять экспертное сопровождение политических коммуникаций в стратегическом контексте реализации глобальной политики. Ряд авторов эту роль отводят «фабрикам мысли» государств или межгосударственных объединений. С этих позиций «фабрики мысли» входят в когорту генераторов международно-политической экспертизы и аналитики в глобальном информационно-интеллектуальном пространстве. Если раньше экспертность генераторов подтверждалась их институциональной принадлежностью (руководитель государства, его официальный пресс-секретарь, министр иностранных дел и др.), то сегодня на уровне генераторов институционализировались «фабрики мысли», которым доверяет общественное мнение [11, с. 209].

Рассматривая политическую коммуникацию сквозь призму теории игр, можно представить ее как технологию игры, в которой принимают участие три категории лиц: профессионалы, принимающие решения; чиновники, обеспечивающие их принятие; рядовые граждане, выступающие в роли наблюдателей. При этом язык простых людей и язык профессиональных дипломатов и бюрократов сегодня принципиально расходятся [12]. Именно поэтому обыватель (или «народ») при всей современной доступности ему представителей власти в коммуникационном пространстве, не имеет в игре политической коммуникации веса субъекта. Он по-прежнему остается управляемым объектом. Причиной тому некоторые авторы называют язык. Особенно характерно это для международно-политического поля.

Так, инструментально игра политической коммуникации ведется при помощи современного языка международных взаимодействий. По мнению А. Волина, «в настоящее время мы становимся свидетелями отчасти парадоксальной картины: для ритуального общения, переговоров и конференций, международных организаций у нас используется профессиональный язык, который особенно хорош для того, чтобы скрывать свои мысли и ни о чем не договориться. Это язык процесса, но не принятия решений. Он слишком обтекаем для того, чтобы на нем можно было бы четко и ясно выразить свои интересы» (цит. по: [12]). В условиях международных бифуркаций игра политической коммуникации усложняется.

Политические коммуникации приобрели характер взаимодействия субъектов коммуникации и в большей массе представляют собой манипулятивные игры. В этой игре участники перекладывают ответственность за принятие политического решения друг на друга. В самом радикальном варианте развития ситуации с использованием коммуникации как технологии акторы отказываются от взаимодействия, оставляя в использовании только силовые технологии.

Таким образом, изменившийся характер информационных потоков и инструментария их обработки в политическом сегменте сделал коммуникацию одной из технологий по перераспределению этих потоков. Коммуниканты в лице политических институтов трансформировались в «черные ящики» по преобразованию информации с явно манипулятивными целями. Акторы в игре по принятию решения перекладывают ответственность за него друг на друга. все это в совокупности приводит к повышению уровня виртуальной и реальной агрессии политической коммуникации, находящей выход в радикализации, экстремистских и террористических проявлениях.

Список литературы

103

1. *Арендт Х.* О насилии / пер. Г.М. Дашевского. М., 2014.
2. *Бжезинский З.* Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис / пер. М.Н. Десятовой. М., 2015.
3. *Болотова А.К., Жуков Ю.М.* Психология коммуникаций. М., 2015.
4. *Бугайски М.* Язык коммуникации / пер. Э. Артеменко. Харьков, 2010.
5. *Волденков С.В.* Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М., 2015.
6. *Кернберг О.* Конфликт, лидерство, идеология в группах и организация. М., 2018.
7. *Кириллова Н.Б.* Медиалогия. М., 2015.
8. *Лиллекер Д.* Политическая коммуникация. Ключевые концепты / пер. С.И. Остнек. Харьков, 2021.
9. *Отечественная теория медиа: Основные понятия : словарь* / под ред. Е.Л. Вартановой. М., 2019.
10. *Путин В.В.* Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10.02.2007. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 10.03.2023).
11. *Столетов О.В.* Стратегия «разумной силы» в политике глобального лидерства. М., 2018.
12. *Торин А.* Политическая коммуникация в условиях глобальных изменений // *Международная жизнь*. 28.06.2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26784> (дата обращения: 10.03.2023).
13. *Улмер Р., Селлау Т., Сиджер М.* Эффективная кризисная коммуникация / пер. А. Науменко. Харьков, 2011.
14. *Фурсенко А.А.* Династия Рокфеллеров; Нефтяные войны (конец XIX — начало XX века). М., 2015.
15. *The National Interest*. 1993. №31. Special Issue: The Strange Death of Soviet Communism.

Об авторах

Андрей Георгиевич Большаков — д-р полит. наук, заведующий кафедрой международных отношений, мировой политики и дипломатии, Казанский федеральный университет, Казань, Россия.

E-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5036-000X>

Евгения Валерьевна Храмова — канд. полит. наук, доц., Казанский федеральный университет, Казань, Россия.

E-mail: eugenlic@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7281-8731>

A. G. Bolshakov, E. V. Khramova

**POLITICAL COMMUNICATION IN THE PERIOD
OF INTERNATIONAL BIFURCATIONS**

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Received 15 March 2023

Accepted 17 April 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-9

104

To cite this article: Bolshakov A.G., Khramova E.V. 2023, Political communication in the period of international bifurcations, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 96–104. doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-9.

The avalanche-like nature of information flows has led today to the destructuring of all communication links in the world. Political communications under these conditions look more and more like channels with expanding "black boxes" and improperly used "white noise". The purpose of this analysis is to identify the specifics of political communication under conditions of international bifurcations. The methodology of the analysis is based on the symbiosis of modern theories: mathematical modeling of communication by C. Shannon and W. Weaver, political cybernetics by D. Easton, political communication by D.J. Lilleker and P. Lazarsfeld, crisis communication by R. Ulmer, T. Sellnau and M. Seager, and game theory with opposing interests. According to the results of the analysis the specific characteristics of modern political communication are distinguished: its technological (not process) character, non-classical interaction of the communicator and the communicant in it, the transformation of the communicant into a "black box", and the manipulative attitude to the communicator. It is possible to draw a basic conclusion about the transformation of classical political communications from the process of information transfer into the technology of mutual interaction of its participants in a manipulative format for political decision-making.

Keywords: political communication, international bifurcation, political decision

The authors

Prof. Andrey G. Bolshakov, Head of the Department of International Relations, World Politics and Diplomacy, Kazan Federal University, Kazan, Russia.

E-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5036-000X>

Dr Eugenia V. Khramova, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia.

E-mail: eugenlic@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7281-8731>

УДК 655.552

Е. В. Коршук

Рец. на кн.: Плотникова И. Кросс-культурный калькулятор: Как вычислять ценности и потребности клиентов по всему миру. – М. : Издательские решения, 2022. – 306 с.

105

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Поступила в редакцию 25.01.2023 г.
Принята к публикации 27.03.2023 г.
doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-10

Для цитирования: Коршук Е.В. Рец. на книгу: Плотникова И. Кросс-культурный калькулятор: как вычислять ценности и потребности клиентов по всему миру. – М. : Издательские решения, 2022. – 306 с. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №2. С. 105–109. doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-10.

Книга опытного специалиста в области межкультурной коммуникации Ирины Плотниковой вышла в свет в 2022 г. в московском издательстве «Издательские решения». В полном соответствии с предпочтениями современного читателя, который ценит мобильность, книга доступна в электронном варианте на ЛитРес, Ридеро, Озон и Amazon (<https://www.amazon.com/dp/B0B5XL4MT2>).

Целевая аудитория книги – «предприниматели, бизнесмены, менеджеры, маркетологи» [1, с. 19]. Почему же она интересна, полезна и необходима специалистам гуманитарных и социальных наук? Суть проста. Ирина Плотникова пишет именно о том, чем занимаемся мы, гуманитарии, – об общении, о том, что нужно понимать для повышения эффективности взаимодействия с другими людьми.

Автор посвятила свой труд тем ключевым вопросам, которые помогут читателю более эффективно вести бизнес, понимать, каким образом добиваться успеха в общении с разными партнерами, как строить отношения с людьми. И. Плотникова подробно разбирает 7 важнейших критериев, знание и использование которых будет способствовать успеху в общении. Напротив, их игнорирование превратит эти критерии в критические точки, которые вызовут затруднение, нарушение или даже разрушение коммуникации. В эту семерку, на которой строится разработанный автором кросс-культурный калькулятор, входят три стиля и четыре базовые потребности человека: стили мышления и коммуни-

кации, временной стиль, а также потребности в безопасности и защищенности, в отношениях и восприятии себя другими, потребность в статусе, власти, доминировании, подчинении или равенстве, потребность в успехе и достижениях [1, с. 82]. Автор разъясняет, что любое общение строится на понимании того, как каждый из коммуникантов оценивает указанные потребности, насколько важна каждая из них и в какой степени она важна, а также того, какой стиль убеждения более эффективен для тебя и для твоего визави.

Почему книга актуальна для бизнеса, если в ней не даются инструкции, что, когда и как делать, чтобы заключить контракт с представителями определенной культуры? Во-первых, автор не дает указаний, ЧТО надо делать в конкретной ситуации и КАК именно вести переговоры с предпринимателем из другого региона, она отвечает на более глубокий, универсальный вопрос ПОЧЕМУ — почему с разными людьми следует обращаться по-разному. Да, опытные предприниматели и сами приходят к этому знанию ценой многочисленных проб и ошибок, подчас болезненных неудач. А зачем? Не лучше ли потратить пару дней на изучение книги и получить ключ к решению проблем на всю оставшуюся жизнь? Поскольку Ирина Плотникова и сама владеет бизнесом, все ее доводы основаны не только на обширных теоретических знаниях теории межкультурной коммуникации, но и на большом личном опыте предпринимательства. Практически каждый приводимый ею пример взят из личного опыта, а также опыта тех, для кого она готовила программы тренингов. Докапываясь до корня возможных проблем коммуникации, показывая их истоки, она дает не решения конкретных задач, но матрицу, ведущую к успеху формулу.

К большому сожалению рецензента, очень часто книги для бизнеса, и целый ряд иных изысканий отвечают лишь на вопрос «что», некоторые — на вопрос «как», и лишь очень немногие объясняют, «почему» надо делать эти «что» и «как». Априори считается, что у людей бизнеса нет желания вникать в суть основополагающих проблем, что им достаточно лишь инструкции к поведению в конкретной ситуации. Истины ради, собственный опыт автора этих строк частично подтверждает превалирование запросов «за три часа научить, что надо делать, чтобы вести успешный бизнес с африканцами» как у организаторов, так и у участников тренингов. Тупиковый даже для средней или дальней перспективы подход. Не понимая себя, не поймешь другого. Не понимая сути, не получишь результат. Как говорит Ирина Плотникова, вторя Козьме Пруткову, «зри в корень».

Есть еще одна, самая большая группа потенциальных читателей как «Вестника БФУ им. И. Канта», так и книги. Это преподаватели, для которых она представляет не просто интерес, а является практически готовым УМК, учебно-методическим комплексом, применимым для целого ряда курсов — от «Основ межкультурной коммуникации» до «Ведения переговоров». Полученное образование лингвиста, педагога, а также большой опыт проведения тренингов подсказали автору, как ме-

тодически грамотно построить каждую главу (читай, цикл уроков). С первой страницы преподавателям видна знакомая с институтской скамьи структура построения занятия по иностранному языку: введение темы, где автор представляет читателю возможность поразмыслить на новую тему, вводит основные понятия и термины. Затем основная часть с теоретическими разъяснениями, большим количеством вопросов, заданий, упражнений, самопроверки. Наконец, задание на дом. Заметим, что «обучаемым» в данном случае очень повезло, ведь ключи к заданиям есть в одном из приложений в самой книге.

Поскольку автор — преподаватель современный, то в данный учебно-методический комплекс входят два онлайн-дополнения, да и сам основной «учебник», как говорилось выше, доступен в электронном виде. На двух постоянно дополняемых дополнительных ресурсах есть возможность обратной связи и прямого общения с автором. Читатель получил прекрасно эвристически построенное пособие.

Для облегчения усвоения основных положений И. Плотникова предлагает читателю ряд мнемонических приемов. Так, к примеру, главы 5—8 учат тому, как получить бонус в виде эффективной коммуникации, изучив отношение клиента к Безопасности, Отношение к «Я» и другим людям, к Неравенству, Успеху, к Системе времени. Важно отметить, что автор максимально избегает принятых в исследованиях и практике межкультурной коммуникации терминов, не усложняет ими восприятие текста специалистами в совсем иных областях. Авторы и их теории лишь упоминаются в тексте, а в приложении дается список теоретических материалов, на основании которых написана рецензируемая книга.

Конечно, как свойственно каждому хорошему произведению, работа Ирины Плотниковой вызывает ряд вопросов, потребность их обсудить, что-то уточнить; всегда кажется, что ты бы сделал что-то не так, как автор.

Необходимо отдать должное автору, которая дает определения всем используемым понятиям в самом начале книги, что серьезно облегчает чтение. Не вызывает сомнений, что она не просто изучила огромное количество специальных работ в области межкультурной коммуникации и прошла обучение в центре Г. Хофстеде (одного из самых известных межкультураллистов мира), а глубоко размышляла, формулируя собственные определения основных понятий, делая выводы. С какими-то из них трудно не согласиться, иные же вызывают вопросы, возможно, ввиду их несовпадения с давно знакомыми. Рецензенту представляется, что главное в кросс-культурном общении — формирование общего значения, что не предполагает удовлетворения от полученного результата. Когда продавец и покупатель расходятся после неудачных переговоров, обе стороны в равной мере осознают, что сделка не состоялась, иначе может повториться ситуация с привыкшим к торгу ближневосточным продавцом, бегущим за североевропейским покупателем, у которого «нет» означает именно «нет», а не приглашение к обсуждению цены. И. Плотникова в своем определении говорит о коммуника-

ции, как о «процессе установления отношений и обмена смыслами... для достижения своих целей» [1, с. 21], то есть обоюдность результата общения из определения ушла.

В первой половине каждой главы есть задание проанализировать и сказать, почему участники общения ведут себя тем или иным образом. Прекрасное задание. Но где-то в глубине души зарождается червячок сомнения: не укрепит ли такое задание имеющиеся у читателя ошибочные представления? Может быть, оно более уместно после объяснения темы?

Рецензенту показалось, что несколько размыто представлена разница между понятиями «убеждение» и «ценность» [1, с. 74], а также, что ценность сохранения отношений феминными культурами (в терминах Г. Хофстеде), вовсе не предполагает того, что в славянском мире называют отношениями теплыми.

Уже упомянутые аббревиатуры, слова, за каждой буквой которых стоят важные положения, выводы по главе, — конечно, идея хорошая. Но каждая из аббревиатур появляется в тексте не более двух раз, а следовательно, не откладывается в памяти. Прием работает недостаточно эффективно. Как и прием сказок Шехерезады: автор приводит случай из практики, начинает анализ, обещая закончить его через много глав. Хороший стимул к дальнейшему прочтению книги, однако таких примеров достаточно много, и в голове их не удержать даже заинтересованному специалисту в вопросах коммуникации.

Два дня заняло прочтение книги «Кросс-культурный калькулятор». Два дня хотелось пригласить лучших дизайнеров и верстальщиков, которые бы оформили книгу как отличный учебник или учебно-методическое пособие, предложили бы узнаваемые символы для выделения разных видов заданий и пр., особые шрифты для видов информации и т. п.

В целом же можно только радоваться за сегодняшних предпринимателей, тренеров, преподавателей, а также всех читателей, стремящихся познать секреты эффективного общения. Ирина Плотникова выпятила, объяснила, показала на практических примерах самое главное, что нужно для успеха как в деловом, так и в повседневном общении, подчеркнула важность известных основ общения *Nosce te ipsum* (познай себя) и «зри в корень».

Список литературы

1. Плотникова И. Кросс-культурный калькулятор: Как вычислять ценности и потребности клиентов по всему миру. М., 2022.

Об авторе

Елена Владимировна Коршук — канд. филол. наук, доц., Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

E-mail: korshuk1960@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-8431-8715>

E. V. Korshuk

**A REVIEW OF THE BOOK BY IRINA PLOTNIKOVA
"CROSS-CULTURAL CALCULATOR: HOW TO CALCULATE
THE VALUES AND NEEDS OF CLIENTS AROUND THE WORLD"**

Belarusian State University, Minsk, Belarus

Received 25 January 2023

Accepted 27 March 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-10

To cite this article: Korshuk E. V. 2023, A review of the book by Irina Plotnikova "Cross-cultural calculator: how to calculate the values and needs of clients around the world", *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 105 – 109. doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-10.

109

The author

Dr Elena V. Korshuk, Associate Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: korshuk1960@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-8431-8715>

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ВЕСТНИКЕ БФУ им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные науки

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — не менее 20 тыс. знаков с пробелами.

4. Все присланные в редакцию работы проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Рецензентами выступают как члены редакционной коллегии журнала, так и внешние эксперты.

5. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта <https://journals.kantiana.ru/submit/> и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

6. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

7. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске журнала один раз; второй раз в соавторстве — в соавторстве (в исключительном случае), только по решению редакционной коллегии.

8. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

а) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

б) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (*до 12 слов*);

в) аннотацию на русском и английском языках (*150–250 слов, то есть 500 печатных знаков*). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

г) ключевые слова на русском и английском языках (*4–8 слов*). Располагаются перед текстом после аннотации;

д) список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Список литературы должен составлять от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК и (или) международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников;

е) сведения об авторах на русском и английском языках (ФИО полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), e-mail, ORCID);

ж) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра — номер источника, вторая — номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная *информация о правилах оформления текста*, в том числе *таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы*, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/vestnik/society/rules/>.

Порядок рецензирования рукописей статей

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: гуманитарные и общественные науки» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

2. Ответственный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

- а) степень интереса тематики для читателей журнала;
- б) степень оригинальности статьи;
- в) точность и адекватность представленной информация;
- г) знание существующего состояния дел по данной проблематики;
- д) стиль и манера изложения;
- е) логичность построения статьи;

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией журнала.

9. После принятия редколлегией журнала решения о допуске статьи к публикации ответственный секретарь информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

11. Редакция журнала «Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: гуманитарные и общественные науки» направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные науки
2023

№ 2

Редактор *И. О. Дементьев*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 16.08.2023 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 9,8
Тираж 300 экз. (1-й завод 40 экз.). Цена свободная. Заказ 75
Подписной индекс 94114

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14